

Романы Элизабет Джордж изданы общим тиражом более 150 миллионов экземпляров

mysterium

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ**

ВСЕГО ОДНО ЗЛОЕ ДЕЛО

СЕРИЯ БЕСТСЕЛЛЕРОВ О ДЕТЕКТИВАХ
ТОМАСЕ ЛИНЛИ И БАРБARE ХЕЙВЕРС

ЭКСМО

Misterium

Элизабет Джордж
Всего одно злое дело

«ЭКСМО»

2013

Джордж Э.

Всего одно злое дело / Э. Джордж — «Эксмо»,
2013 — (Misterium)

В семье профессора микробиологии Таймуллы Ажара произошла трагедия. Его гражданская жена Анжелина сбежала в неизвестном направлении, увезя с собой их общую дочь. Ажар не может начать расследование законным путем, поскольку официально не является отцом Хадии. По совету своей близкой подруги – Барбары Хейверс – он нанимает частного детектива. Впрочем, розыски не дают результата. И тут дело принимает неожиданный оборот. В Лондон возвращается Анжелина со своим новым любовником и заявляет, что ее дочь похитили среди бела дня в итальянском городе Лукка, – и что сделал это именно Ажар... Элизабет Джордж – выдающийся мастер детективного романа. Ее творчество завоевало признание читателей во всем мире, в том числе и в России. Ее книги издаются миллионными тиражами, становятся основой для телефильмов, получают престижные литературные премии.

© Джордж Э., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Ноябрь, 15-е	7
Эрл-корт, Лондон	7
Челси, Лондон	12
Бэйсуотер, Лондон	15
Бэйсуотер, Лондон	17
Чолк-Фарм, Лондон	18
Чолк-Фарм, Лондон	21
Ноябрь, 16-е	24
Виктория, Лондон	24
Виктория, Лондон	26
Ноябрь, 19-е	28
Боу, Лондон	28
Боу, Лондон	31
Ноябрь, 30-е	32
Боу, Лондон	32
Боу, Лондон	35
Декабрь, 17-е	37
Сохо и Чолк-Фарм, Лондон	37
Декабрь, 19-е	42
Далвич-вилидж, Лондон	42
Декабрь, 20-е	46
Айлингтон, Лондон	46
Боу, Лондон	50
Апрель, 15-е	53
Лукка, Тоскана	53
Апрель, 17-е	56
Белгравия, Лондон	56
Чолк-Фарм, Лондон	60
Илфорд, Большой Лондон	64
Апрель, 18-е	69
Виктория, Лондон	69
Лукка, Италия	71
Барга, Тоскана	74
Апрель, 19-е	78
Вилла Ривелли, Тоскана	78
Холборн, Лондон	83
Апрель, 21-е	85
Виктория, Лондон	85
Белгравия, Лондон	89
Боу, Лондон	91
Боу, Лондон	95
Апрель, 22-е	97
Вилла Ривелли, Тоскана	97
Лукка, Тоскана	101
Лукка, Тоскана	105
Лукка, Тоскана	109

Виктория, Лондон	114
Виктория, Лондон	117
Илфорд, Большой Лондон	119
Лукка, Тоскана	123
Пиза, Тоскана	127
Фаттория ди Санта Зита, Тоскана	130
Фаттория ди Санта Зита, Тоскана	133
Лукка, Тоскана	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Элизабет Джордж

Всего одно злое дело

Elizabeth George

JUST ONE EVIL ACT

Copyright © Susan Elizabeth George 2013

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Ноябрь, 15-е

Эрл-корт, Лондон

Место на пластиковом стуле под сводами Бромптон-холл, среди толпы из двух сотен орущих индивидуумов, одетых в то, что теперь называлось «альтернативная форма», – такое не могло присниться Томасу Линли даже в страшном сне. Из динамиков – размерами с хороший высотный дом на набережной в Майами – неслась раздражающая музыка. Небольшая кафешка делала очень неплохой бизнес на хот-догах, попкорне, пиве и другой ерунде. Визгливый голос женщины-диктора периодически выкрикивал счет и объявлял штрафы. А десяток женщин в шлемах носились по овалу, размеченному клейкой лентой на цементном полу.

Предполагалось, что это будет просто выставочный матч с целью ознакомления публики с особенностями роллер-дерби¹. Но об этом, видимо, забыли предупредить участников. Все женщины, принимавшие участие, были настроены абсолютно серьезно.

У них были интригующие имена. Все они были напечатаны вместе со в меру устрашающими портретами в программках, которые раздавались всем зрителям. Линли ухмылялся, читая эти боевые клички – Живая Смерть, Беспощадная Рита, Ужасное Очарование, Неугасимый Скандал...

Его интересовала одна из этих женщин – Бандитка Электра. Она выступала не за местную команду – «Лондонские Электрические Волшебницы», а за команду из Бристоля – группу диковато выглядящих женщин, носящих гордое имя «Бодицейские² Девки». Ее настоящее имя было Дейдра Трейхир, она была ветеринаром, работающим в Бристольском зоопарке, и не подозревала, что Линли находится среди ревушей массы зрителей. А он не был уверен, что сохранит инкогнито и после игры. Сейчас Томас действовал только по наитию.

Линли был не один – перспектива посещения этого неизвестного мирка в одиночку пугала его. Чарли Дентон принял его приглашение хорошо провести время в выставочном центре Эрл-корт и узнать и увидеть что-то новенькое. Сейчас его улыбающаяся физиономия маячила среди посетителей кафешки. Чарли решительно заявил:

– Ну конечно, это все за мой счет... сэр, – но то, как поспешно и невнятно это было произнесено, говорило о том, что это не более чем дань вежливости.

Дентон работал у Линли уже семь лет. И в те короткие периоды, когда он не бегал по прослушиваниям для многочисленных спектаклей в Большом Лондоне – Чарли был фанатом театра, – он был для Томаса слугой, поваром, домоправителем, адъютантом и неотъемлемой частью повседневной жизни. Ему удалось сыграть Фортинбраса³ в одной из постановок в Северном Лондоне, но Северный Лондон – это не Вест Энд⁴. Поэтому он продолжал бороться, живя двойной жизнью, будучи абсолютно уверенным в том, что его Счастливый Случай ждет за следующим поворотом.

Сейчас Дентон был доволен. Это было написано на его лице, когда он пересекал Бромптон-корт, направляясь к тому месту, где сидел Линли. С собой Дентон нес картонный поднос с едой.

¹ Роллер-дерби – женский контактный командный спорт, в котором гонки на роликовых коньках сопровождаются своеобразной борьбой между двумя командами по пять человек в каждой.

² Бодицея – древнеанглийская королева, в 60 г. до н. э. поднявшая восстание против римлян.

³ Персонаж в трагедии Шекспира «Гамлет» с минимальным количеством слов в роли.

⁴ Район Лондона, в котором расположены наиболее известные театры и мюзик-холлы.

– Начос, – произнес он, видя, что Томас скривился, глядя на нечто, напоминающее поток оранжевой лавы, вырывающейся из чего-то, похожего на жареную черепаху. – Я положил вам горчицу, лук и овощной соус. Кетчуп выглядел подозрительно, но пиво неплохое. Попробуйте, сэр.

В глазах Дентона блеснул огонек, хотя это вполне могло быть отражение ламп в его круглых очках. Втайне он надеялся, что Линли откажется от предложенной трапезы и все достанется ему одному. Кроме того, Чарли забавлял вид шефа, пристроившегося рядом с толстяком, чей живот нависал над ремнем джинсов, а дреды доставали до пояса. Линли и Дентон зависели от этого типа. Его звали Стиви-О, и если он не знал чего-то о роллер-дерби, то это не заслуживало никакого внимания. Он с ходу сообщил им, что лучшая – это, конечно, Неугасимый Скандал. Кроме того, его сестра Сууб входила в группу поддержки «Волшебниц». Эта группа заняла позицию, близость которой к Линли добавляла еще больше шума к общей какофонии, окружавшей его. Они были одеты в черное с головы до ног, с ярко-розовыми пятнами в форме кориарии⁵, носки до колена, ботинки и безрукавки. В волосах торчали всевозможные гребни и расчески. Большую часть времени они визжали: «Разорви ее, детка!!!» – и трясли розовыми и серебряными помпонами.

– Клашшный спорт, чуваки, – повторял Стиви-О каждый раз, когда «Электрические Волшебницы» зарабатывали очко. – А все эта телка – горит и горит. Если ее не загасят страфами, то мы в шоколаде.

Вскочив на ноги, он заорал: «Давай, Шкандал!!!» в тот момент, когда его кумир ворвалась в середину пака⁶.

Линли боялся признаться Стиви-О в том, что он болеет за «Бодицейских Девочек». Вообще они с Дентоном чисто случайно оказались среди поклонников «Электрических Волшебниц». Толпа фанатов «Девочек» находилась на другой стороне нанесенного липкой лентой овала. У них были свои лидеры, вводившие их в транс синхронного крика. Так же, как фанаты «Волшебниц», они были одеты в черное, но с вкраплениями красного цвета. Поддержку они оказывали более профессионально, используя танцевальные элементы, сопровождавшиеся синхронными движениями ног. Это было очень впечатляюще.

Подобное мероприятие должно было бы оттолкнуть Линли. Если бы его отец, одетый, как всегда, в высшей степени элегантно, с крохотными деталями в одежде, не позволяющими усомниться в его положении в обществе, появился здесь – он бы не выдержал больше пяти минут. Вид женщин на роликовых коньках мог привести его к сердечному приступу, а выслушивание Стиви-О с его лексикой и тем, как он иногда произвольно менял местами буквы «Ш» и «С», вогнало бы его в ступор. Но отец Линли был давно в могиле, а сам Томас провел вечер, ухмыляясь так часто, что мышцы щек у него стали болеть.

Он узнал гораздо больше, чем ожидал, когда увидел рекламное приглашение в своей почте несколько дней назад.

Ему стало понятно, что смотреть надо на джаммера⁷, которого определяла повязка со звездами на шлеме. Оказалось, что это не постоянная позиция для игрока, так как повязка иногда переходила от одного к другому. Но джаммер был атакующим игроком и набирал очки во время силовой схватки, когда джаммер противника сидел на скамейке штрафников. Теперь было понятно, для чего существует пак; а благодаря Стиви-О Томас узнал, что значит, когда джаммер выпрямляется и кладет руки на бедра. Линли все еще смутно понимал, для чего нужен пивот⁸, хотя мог отличить его по полосатой повязке на шлеме, однако он все больше

⁵ Растение, относящееся к тыквоцветным.

⁶ Пак – группа игроков обеих команд, движущаяся плотной, монолитной группой.

⁷ Джаммер – нападающий в роллер-дерби.

⁸ Один из игроков защиты.

и больше проникался идеей, что роллер-дерби – это спорт стратегического мышления и профессиональных навыков.

Внимательнее всего во время матча между Лондоном и Бристолем он следил за Бандиткой Электрой. Было очевидно, что она была прекрасным джаммером; каталась на роликах с агрессивностью человека, рожденного для этого. Линли совсем не ожидал такого от тихого, заботливого ветеринара, которого он первый раз повстречал семь месяцев назад на побережье Корнуэлла. Он помнил, что ее было практически невозможно обыграть в дартс. Но это... Такое Томасу никогда не пришло бы в голову.

Его удовольствие от этого дикого состязания было прервано лишь единожды – во время силовой схватки. Инспектор почувствовал вибрацию мобильного в кармане и вытащил его, чтобы посмотреть, кто звонил. Первая мысль была, что его вызывают в Управление – звонила его постоянный партнер сержант-детектив Барбара Хейверс. Однако звонила она с домашнего номера, а не с мобильного – так что, подумал он, ему повезло и ничего особенного не случилось.

Линли ответил, но услышать Барбару в таком шуме было невозможно. Он прокричал в трубку, что перезвонит, как только сможет, засунул телефон в карман и благополучно забыл об этом звонке.

Через двадцать минут игра закончилась победой «Электрических Волшебниц». Участники перемешались со зрителями, группы поддержки – с участниками, а судьи – между собой. Все общались друг с другом, никто не спешил расходиться, и это было здорово, так как Линли тоже хотелось общения.

Он повернулся к Дентону:

– Я не сэр.

– Простите?

– Здесь мы друзья. Веди себя так, словно мы из одной школы. Тебе же это не трудно?

– Мне? Как из Итона?

– Тебе это вполне по зубам. И называй меня или Томасом, или Томми, не важно.

Круглые глаза Дентона еще больше округлились за стеклами его очков.

– Вы хотите, чтобы я... Да я скорее язык проглочу, чем выговорю это.

– Чарли, ты ведь актер. Считай, что это твой звездный час. Я не твой работодатель, а ты не мой работник. Мы сейчас кое с кем поговорим, и ты будешь вести себя как мой друг. Просто... – Линли задумался, подбирая слово. – Просто импровизируй.

Лицо Чарли осветилось.

– Что, и голосом играть можно?

– Если это будет необходимо. Пошли.

Вдвоем они подошли к Бандитке Электре. Она беседовала с Лизой Падающая Башня из лондонской команды. Лиза была внушительной амазонкой, возвышавшейся на своих роликовых коньках на полных шесть футов пять дюймов. Она везде привлекла бы к себе всеобщее внимание, но особенно разительно Лиза смотрелась рядом с Электрой, которая, даже на роликах, была дюймов на семь ниже.

Лиза первая увидела Линли и Дентона.

– Смотришь на вас, ребята, – сказала она, – и понимаешь: вот и твои проблемы пришли. Я выбираю меньшую.

Она подъехала к Дентону и приобняла его за плечи, потом наклонилась и поцеловала в макушку. Чарли стал гранатового цвета.

Дейдра Трейхир повернулась, сняла шлем; на лбу у нее были пластиковые защитные очки. За их резинку было заправлено несколько локонов ее светлых волос, которые выбились из-под плетеной тесьмы, держащей их. Ниже защитных были надеты обычные очки, очень грязные. Однако Дейдра прекрасно видела через них – это Линли понял, увидев, как меняется

цвет ее лица, когда она заметила его. Изменение цвета было заметно только слегка из-под ее мэйкапа. Как и все участницы, она была очень сильно накрашена, с некоторым злоупотреблением мерцающими и блестящими красками.

– Боже, – произнесла она.

– Ну, меня называли и похуже, – сказал Томас, протягивая рекламку нынешнего события. – Мы решили принять приглашение. Кстати, все прошло блестяще. Нам очень понравилось.

– Чё, первый раз? – спросила Падающая Башня.

– Да, – ответил ей Линли и обратился к Дейдре: – Вы умеете гораздо больше, чем можно было предположить при нашей первой встрече. Вижу, что вы делаете это так же здорово, как и бросаете дрютики.

Дейдра побагровела.

– Ты знаешь этих чуваков? – спросила Падающая Башня.

Трейхир невнятно пробормотала, кивнув на Линли:

– Вот этого. Я знаю его.

Томас протянул руку Лизе.

– Томас Линли, – представился он. – А обнимаете вы моего друга Чарли Дентона.

– Так это Чарли? – спросила Лиза. – Он такой клевый. А характер у тебя тоже клевый?

А, Чарли?

– Думаю, что да, – ответил Томас.

– И чё, ему нравятся большие женщины?

– Ну-у-у, если подвернутся.

– А он у нас молчун...

– Просто вы подавляете его своим присутствием.

– Ну вот, так всегда, – сказала Лиза со смехом, отпуская Дентона, не забыв при этом запечатлеть еще один крепкий поцелуй на его макушке. – Если захочешь – ты знаешь, где меня найти, – сказала она, отъезжая к своим партнерам.

По-видимому, Дейдра Трейхир использовала эту короткую передышку, чтобы собраться с мыслями.

– Томас, – произнесла она. – Вы последний, кого я ожидала увидеть на матче по роллер-дерби. – Затем повернулась к Дентону и протянула ему руку: – Чарли, я Дейдра Трейхир. Как вам понравился матч?

Вопрос относился к ним обоим.

– Не думал, что женщины могут быть так безжалостны, – заметил Линли.

– Прямо Леди Макбеты какие-то, – заметил Дентон.

– Вот именно.

Мобильник в кармане Томаса снова завибрировал. Как и в первый раз, он вытащил его и взглянул, кто звонит. Это опять была Барбара Хейверс. Инспектор подождал, пока телефон не переключится на автоответчик.

– Работа? – спросила Дейдра. И, прежде чем он ответил, добавила: – Вы *вернулись*, да?

– Да, – ответил Томас. – Но только не сегодня. Сегодня мы с Чарли хотели бы пригласить вас на послематчевый... ну, в общем, что там бывает обычно после матча. Если, конечно, у вас есть настроение.

– О, – сказала она, посмотрев на игроков вокруг. – Обычно... дело в том, что обычно команды после матча празднуют вместе. Это традиция такая. Хотите присоединиться? Скорее всего, эта группа, – Дейдра кивнула на «Электрических Волшебниц», – пойдет в «Знаменитые Три Короля» на Норт-Энд-роуд. Приглашают всех. Будет большая толпа.

– Хм, – произнес Линли. – Я надеялся... то есть, конечно, мы надеялись, что сможем спокойно поговорить. А нарушить эту традицию, хотя бы раз, никак нельзя?

– Я бы хотела, – сказала Дейдра с сожалением, – но, понимаете, мы все приехали на одном автобусе... Это будет довольно сложно – мне ведь надо возвращаться в Бристоль.

– Сегодня вечером?

– Ну, не совсем. На сегодня нам заказана гостиница.

– Мы отвезем вас туда, как только закончим. – И, видя, что она все еще колеблется, Томас добавил: – В сущности, мы с Чарли довольно безобидны.

Дейдра внимательно посмотрела на них, переводя взгляд с Линли на Дентона и снова на Линли. Поправила несколько прядей, выбившихся из-под повязки.

– Боюсь, что у меня нет ничего подходящего... Ну то есть я имею в виду, что мы обычно не переодеваемся к вечеру.

– Мы найдем место, которое подойдет к любому вашему наряду, – сказал Линли. – Соглашайтесь, Дейдра, – добавил он тихим голосом.

Может быть, причиной стал звук ее имени, а может быть, изменившийся тон Томаса – но она подумала секунду и согласилась. Однако ей придется переодеться и, наверное, избавиться от боевой раскраски, особенно от мерцающих и блестящих красок, ведь правда?

– По мне, так она довольно интригующая, – заметил Линли. – А как ты думаешь, Чарли?

– Да, она, вне всякого сомнения, несет определенный смысл, – подтвердил Дентон.

– Только не говорите мне, какой, – рассмеялась Дейдра. – Я буду готова через несколько минут. Где мне искать вас?

– Мы будем ждать на улице – я подгоню машину.

– А как я узнаю?..

– С этим проблемы не будет, – заверил Дентон.

Челси, Лондон

– Теперь я понимаю, что имелось в виду, – это были первые слова Дейдры, обращенные к Линли, когда он вылез из машины. – И как это называется? И сколько же этому лет?

– «Хили Эллиот»⁹ 1948 года выпуска, – ответил Линли, открывая перед ней дверь.

– Любовь всей его жизни, – добавил Дентон с заднего сиденья, пока женщина садилась. – Надеюсь, он отпишет мне ее в завещании.

– Ну, это вряд ли. – Томас повернулся к нему. – Я думаю пережить тебя на несколько десятков лет.

Он отъехал от тротуара и направился к выезду со стоянки.

– Откуда вы знаете друг друга? – спросила Дейдра.

Линли не отвечал, пока они не выехали на Бромптон-роуд, двигаясь вдоль кладбища.

– Учились вместе, – был краткий ответ.

– Вместе с моим старшим братом, – добавил Дентон.

Дейдра сначала повернулась к нему, потом перевела взгляд на Линли и, сдвинув брови, протянула:

– Понятно...

Томасу показалось, что она поняла гораздо больше, чем ему бы хотелось.

– Он на десять лет старше Чарли. Ведь так? – переспросил Линли, глядя в зеркало заднего вида.

– Почти, – ответил Дентон. – Слушай, Том, ты не против, если я откланяюсь? День был дьявольски длинным, и если ты высадишь меня на Слоун-сквер, то я пройду до дома. Завтра надо быть в банке пораньше. Заседание правления. Шеф сильно перевозбужден в связи с китайскими приобретениями. Ты знаешь, как это бывает...

Линли беззвучно шевелил губами – *откланяться, дьявольски, Том, банк, заседание правления?* Он почти не сомневался, что Дентон сейчас наклонится и похлопает его по плечу в знак прощания.

– Ты уверен, Чарли? – спросил Томас.

– Абсолютно! Длинный день сегодня, и еще длиннее – завтра... – И, обращаясь к Дейдре, Дентон добавил: – Гарантированно худшая работа на свете – всякие деловые звонки и все такое...

– Ну конечно, – ответила она. – А как вы, Томас? Время позднее, и если вы...

– Я бы хотел провести часок с вами, – ответил инспектор. – Ну, вот и Слоун, Чарли. Ты уверен, что хочешь пройтись?

– Прекрасная ночь.

Больше Дентон ничего не говорил – благодарю тебя, Боже, подумал Линли, – пока они не доехали до Слоун, где Линли и высадил его перед «Питером Джонсом»¹⁰. А потом раздалось:

– Ну, давайте, пока-пока.

Линли выкатил глаза. Не хватало еще, чтобы Чарли добавил «чмоки-чмоки» к своему прощанию. Ему придется обязательно поговорить с ним. Тембр его голоса был ужасен, а словарный запас – еще хуже.

– Он такой милый, – заметила Дейдра, когда Дентон направился по площади к фонтану Венеры в центре.

Отсюда до дома Линли на Итон-террас было рукой подать. Казалось, Чарли слегка приплясывает на ходу. Вне всякого сомнения, он был в восторге от собственного представления.

⁹ Английская марка дорогих спортивных машин, выпускавшаяся в 1946–1953 гг.

¹⁰ Большой универсальный магазин на Слоун-сквер.

– Слово «милый», на мой взгляд, здесь не подходит, – заметил Томас, – для меня он постоянная обуза. Я просто делаю одолжение его брату.

Место, куда они направлялись, тоже было недалеко от Слоун. Винный бар на Уилбрахам-плэйс находился в нескольких метрах от дорожущего бутика на углу. Единственный свободный столик нашелся у входа, что было не здорово, принимая во внимание температуру на улице, но что поделаешь.

Они заказали вино. Линли предложил перекусить, но Дейдра отказалась, и он тоже решил воздержаться. Начос и хот-доги долго перевариваются.

Она рассмеялась и провела пальцами по стеблю единственной розы, стоявшей на столе. «Ее руки похожи на руки врача, – подумал Томас. – Ногти коротко подстрижены, пальцы выглядят сильными и совсем не тонкими». Он знал, как бы она назвала их. Крестьянские руки, сказала бы она. Или цыганские. Или рабочие. Но не те руки, которые ожидаешь увидеть у аристократки, которой она, в сущности, и не была.

Неожиданно оказалось, что говорить-то и не о чем, после всего того времени, прошедшего с их последней встречи. Он посмотрел на нее, она – на него. Томас сказал: «Итак...» – и подумал, какой он все же идиот. Он хотел ее видеть, и вот сейчас она сидит перед ним, а он не может придумать ничего, кроме как сказать, что никогда не знал, какого цвета у нее глаза – светло-коричневые, карие или зеленые. Его были коричневыми, темно-коричневыми – полный контраст с его волосами, которые были светлыми в середине лета, а сейчас, к середине осени, выглядели совсем выгоревшими.

Дейдра улыбнулась ему и сказала:

– Хорошо выглядите, Томас, совсем не так, как в нашу первую встречу.

«Боже, как она права», – понял он. Они встретились в ту ночь, когда Линли проник в ее коттедж, единственное строение в Полкар-Коув, графство Корнуэлл, в том месте, где разбился насмерть девятнадцатилетний альпинист. Тогда Линли искал телефон. Дейдра приехала на несколько дней, чтобы передохнуть от работы. Томас помнил ее ярость, когда она обнаружила его у себя в доме. Он помнил, как эта ярость быстро сменилась на сострадание, после того как она увидела что-то в его лице.

– Со мной *всё* в порядке, – сказал Линли. – Бывают дни хорошие и не очень, но у меня в последнее время больше хороших.

– Я рада.

Они опять замолчали. Были вещи, с которых можно было бы начать. Например: «А как вы, Дейдра? Как ваши родители?» Но он не мог произнести этого. У нее имелось два набора родителей, и было бы жестоко заставить ее говорить только об одних. Томас никогда не встречал родителей, которые удочерили ее, а вот с ее биологическими он встречался – в их убитом домике на колесах у ручья в Корнуолле. Ее мать умирала, но надеялась на чудо. Вполне возможно, что она уже умерла, но он понимал, что спрашивать об этом не стоит.

– Как давно вы вернулись? – неожиданно спросила Дейдра.

– На работу? Летом.

– И как все прошло?

– Сначала было трудно. Но это всегда так бывает.

– Да, конечно, – согласилась она.

«Из-за Хелен», – повисло в воздухе недосказанное. Хелен звали его жену, которую убили, жену, муж которой работал детективом в полиции. Об этом невозможно было думать, тем более говорить. Дейдра никогда бы не начала разговор на эту тему. Он – тоже.

– Ну, а как у вас?

Она улыбнулась, очевидно, не понимая, что он имеет в виду. Затем сказала:

– А, моя работа! Всё в порядке. Две из наших трех горилл уже беременны – третья никак, так что приходится наблюдать за ней. Надеемся, что проблем не будет.

– А они могут быть? Обычно?

– Третья уже однажды потеряла малыша. Не смогла выносить. Отсюда и проблемы.

– Звучит печально. Не смогла выносить...

– Да, грустно.

Они опять замолчали. Наконец Томас сказал:

– Ваше имя было в рекламе. То есть я хочу сказать, ваше профессиональное прозвище.

Я увидел его. Вы уже катались в Лондоне до этого?

– Да.

– Понятно... – Линли вращал бокал, пристально наблюдая за вином. – Я был бы рад, если бы вы мне позвонили. У вас же сохранилась моя карточка?

– Да, и я позвонила бы, но все это выглядело как-то...

– О, я знаю, как это выглядит. Думаю, не ошибусь, если позволю себе предположить, что так же, как и раньше...

– Понимаете, у нас люди никогда не сказали бы «думаю, не ошибусь, если позволю себе предположить».

– А-а-а...

Дейдра пригубила вино, глядя на бокал, а не на него. Томас подумал, как разительно она отличается от Хелен. У Дейдры не было беззаботного юмора и легкой манеры общения последней. А может быть, она просто прячет это глубоко в себе, подумал он.

«Дейдра», «Томас», – произнесли они одновременно. Линли уступил даме очередь говорить.

– Не могли бы вы отвезти меня в гостиницу?

Бэйсуотер, Лондон

Линли не был дураком. Он понимал, что просьба отвезти в гостиницу значила именно отвезти в гостиницу, и ничего более. Это было то, что ему нравилось в Дейдре – в ее словах никогда не было подтекста.

Она попросила отвезти ее в Сассекс-гарденз, что к северу от Гайд-парк, в самом сердце Бэйсуотера. Это была большая магистраль, забитая машинами днем и ночью, с отелями вдоль тротуаров, отличавшимися друг от друга только названиями. Названия были написаны на уродливых пластиковых табличках, ставших вдруг такими популярными в Лондоне. Дешевые, подсвеченные изнутри, они были яркими памятниками исчезающей индивидуальности. Эти таблички определяли тип гостиниц, которые находились где-то между категориями «в общем, неплохо» и «абсолютно ужасно», с вездесущими крахмальными белыми занавесками на окнах и плохо освещенными входами с бронзовыми ручками, которые нуждались в тщательной полировке. Когда Линли остановил «Хили Эллиот» перед одной из них, той, которая называлась «Остролист», он сразу понял, к какой части спектра между «в общем, неплохо» и «абсолютно ужасно» относилась эта гостиница.

Томас кашлянул.

– Да, это не совсем то, к чему вы привыкли, – сказала Дейдра. – Но это крыша над головой, это всего на одну ночь, в номере есть ванна, и стоимость для команды минимальная. Так что... Ну, вы понимаете.

Линли повернулся и посмотрел на Трейхир. У нее за спиной горел фонарь, и ее волосы были похожи на светлый нимб, напоминая ему портреты святых эпохи Возрождения. Не хватало только ветки пальмы.

– Мне бы не хотелось оставлять вас здесь, Дейдра, – произнес он.

– Немного мрачновато, но я переживу. Поверьте мне, это гораздо лучше, чем то место, где мы останавливались в последний раз. Просто какой-то прорыв на новый уровень.

– В общем-то, я не это имел в виду. Ну, то есть не совсем это.

– Думаю, что я понимаю.

– Во сколько вы уезжаете?

– В половине девятого утра. Хотя мы никогда не успеваем вовремя – поздние гулянки накануне. Я, наверное, первая из тех, кто уже вернулся.

– У меня в доме есть свободная комната. Почему бы не переночевать там? Утром мы вместе позавтракаем, и я привезу вас в гостиницу, чтобы вы могли уехать в Бристоль вместе со всеми.

– Томас...

– Кстати, завтрак приготовит Чарли. Он исключительный повар.

Секунду Дейдра обдумывала услышанное, а потом сказала:

– Он ведь ваш человек, ведь правда?

– Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Томас...

Линли отвернулся. На тротуаре недалеко от них начали ссориться парень с девушкой. Сначала они держались за руки, но потом она вдруг отбросила его руку, как использованную упаковку от бургера.

– Сейчас уже никто не говорит «дьявольски» – по крайней мере, среди обычных людей.

Линли вздохнул.

– Иногда его действительно заносит.

– Так он ваш человек?

– О нет. Он только свой собственный. Много лет я пытаюсь держать его в узде, но ему нравится играть роль слуги. Он, видимо, считает, что это отличная тренировка. Ну, может быть, он и прав.

– Так Чарли не слуга?

– Ну конечно, нет. То есть – и да, и нет. Он актер, или будет им, если ему повезет. А пока он работает на меня. Я спокойно отношусь к его прослушиваниям. А он спокойно относится к тому, что я опаздываю на обед, который он старательно готовил несколько часов.

– Звучит, как если бы вы нашли друг друга.

– Скорее, столкнулись друг с другом, а еще лучше – случайно пересеклись. – Линли отвернулся от ссорящейся парочки, трясущей мобильниками перед лицами друг у друга, и повернулся к Дейдре. – Он будет в доме, и он выступит в роли дуэньи. И, как я сказал, мы сможем поговорить за завтраком. И по дороге сюда. Хотя, если вам так больше понравится, я вызову такси.

– Почему?

– Такси?

– Вы понимаете, что я имею в виду.

– Просто, знаете... Мне кажется, что мы что-то не договорили. Или не решили. Какое-то непонятное чувство. Не могу объяснить, но думаю, что вы ощущаете то же самое.

Казалось, что Дейдра задумалась. Ее молчание вселяло надежду. Но она медленно покачала головой и взялась за ручку.

– Я так не думаю. И, кроме того...

– Кроме того?

– Говорят – «как с гуся вода», но я не гусь, и со мной так не получится.

– Не понимаю.

– Понимаете. Всё вы прекрасно понимаете. – Она наклонилась и поцеловала его в щеку. – Не буду врать – было очаровательно встретить вас опять. Спасибо. Надеюсь, вам понравилась игра.

Прежде чем Томас смог ответить, Дейдра вылезла из машины и торопливо подошла к двери. Она не оглянулась.

Бэйсуотер, Лондон

Линли все еще сидел в машине перед гостиницей, когда раздался звонок мобильного. Он все еще ощущал ее прикосновение на щеке и теплоту ее руки на своей. Томас был так погружен в мысли, что звонок телефона заставил его вздрогнуть. Вдруг он понял, что так и не перезвонил Барбаре Хейверс, как обещал. Линли посмотрел на часы.

Был час ночи. Это не может быть Барбара, подумал он. Пока Томас доставал телефон из кармана, мысли его метались – он успел подумать о своей матери, своем брате, своей сестре; он подумал о разного рода неожиданностях и о том, как они возникают среди ночи – потому что никто не звонит в это время суток, чтобы узнать, как дела.

К моменту, когда инспектор вытащил телефон, он решил, что несчастье случилось в Корнуолле, где находилось их родовое гнездо. Доселе никому не известная миссис Дэнверс, поступившая к ним на работу, скорее всего, подожгла дом.

Однако он увидел, что это опять была Барбара. Линли поспешно ответил:

– Барбара, ради бога, извините.

– Черт возьми, – закричала она. – Почему вы не перезваниваете? Я сижу здесь, а он там совсем один, и я не знаю, что делать или что ему говорить, потому что весь ужас в том, что *ни один* придурок не может помочь, и мне пришлось врать ему и говорить, что мы поможем, и мне нужна ваша *помощь*!!!

– Барбара...

Она казалась абсолютно не в себе. Этот словесный поток был так не свойственен ей, что Линли понял – случилось что-то ужасное.

– *Барбара*, подождите, не так быстро. Что случилось?

Она заговорила какими-то отрывочными фразами. Линли с трудом понимал, о чем идет речь, потому что Хейверс говорила со скоростью пулемета. Ее голос звучал странно. Она или плакала, что было очень маловероятно, или сильно выпила. Однако последнее не имело смысла, принимая во внимание всю сложность ситуации. Томас попытался соединить в одно целое хотя бы самые яркие факты.

Пропала дочь ее соседа и друга Таймуллы Ажара. Последний, профессор в Университетском колледже Лондона, вернулся домой с работы и обнаружил, что все вещи, принадлежащие его девятилетней дочери и ее матери, исчезли. Осталась только ее школьная форма, плюшевая игрушка и лэптоп, лежащие на кровати.

– Все остальное пропало, – рассказывала Хейверс. – Ажар сидел на моих ступеньках, когда я пришла домой. Мне она тоже звонила, ну Анжелина, в течение дня. У меня в телефоне было сообщение. «Могу я зайти к нему сегодня вечером?» – спрашивала она у меня. «Хари будет расстроен», – сказала она. Ну конечно. Только он не расстроен – он убит, раздавлен. Я не знаю, что мне сделать или сказать, а Анжелина еще и заставила Хадию оставить жирафа, и мы оба понимаем, почему, – потому что он напоминает о временах, когда они поехали к морю и он выиграл его для нее, а когда кто-то попытался утащить его на пирсе...

– Барбара, – произнес Линли железным голосом. – *Бар-ба-ра*.

– Да, сэр? – всхлипнула она.

– Я уже еду.

Чолк-Фарм, Лондон

Барбара Хейверс жила в Северном Лондоне недалеко от Кэмден-Лок-маркет. Чтобы добраться туда в час ночи, надо было просто знать дорогу – машин на улицах совсем не было. Она жила в Итон-Виллас, и найти место для парковки в то время, когда все жители мирно спали в своих домах, можно было только в случае очень большой удачи. Так что Линли припарковался, заблокировав выезд.

Берлога Барбары располагалась в вилле эпохи короля Эдуарда, переделанной в конце XX века в многоквартирный дом. То есть сама Барбара жила во дворе здания, в деревянном сооружении, которое раньше служило бог знает для чего. В нем был крохотный камин, что позволяло предположить, что сооружение всегда использовалось как жилое помещение, но, судя по размерам, оно подходило только одному жильцу, и то такому, который был не очень требователен к размерам жилья.

Линли бросил быстрый взгляд на первый этаж основного дома, когда проходил по заасфальтированной дорожке в глубь двора. Он знал, что там живет друг Барбары Таймулла Ажар, и яркий свет из его квартиры все еще падал на веранду через большие французские окна. Из разговора с Барбарой Томас понял, что она была у себя дома, и когда он обогнул виллу, то увидел свет в ее окнах.

Линли негромко постучал. Раздался скрип стула, и дверь распахнулась.

Он был совсем не готов к тому, что увидел.

– Боже мой, что вы с собой сделали?!

Первое, что пришло ему в голову, были древние обычаи оплакивания мертвых, когда женщины обрезают волосы и посыпали головы пеплом. Хейверс точно сделала первое, но воздержалась от второго. Хотя на крохотном столике в том, что называлось кухней, пепла было достаточно. Линли показалось, что она провела здесь много часов; в тарелке, служившей ей пепельницей, были раздавлены по крайней мере двадцать окурков, пепел от которых был виден повсюду.

Казалось, эмоции полностью опустошили Барбару. От нее несло запахом давно погашенного камина. Она была одета в древнее платье из шенили¹¹, цветом напоминавшее гороховое пюре, а голые ноги были засунуты в высокие красные кроссовки.

– Я его там оставила, – заторопилась она. – Пообещала вернуться, но не смогла. Я думала, если вы придете... Почему вы не перезвонили? Вы разве не могли сказать... Где вы, черт побери, сэр... Почему вы не...

– Очень сожалею, – ответил Линли, – я не расслышал, что вы говорили по телефону. Я был... Впрочем, это неважно. Расскажите, что произошло.

Томас взял ее за руку и подвел к столу, с которого убрал стеклянную тарелку с окурками и нераспечатанную пачку сигарет с коробкой спичек. Все это он положил на рабочий стол в ее кухоньке и там же пристроил чайник, который включил кипятиться. Порылся в буфете, нашел два пакетика чая и какой-то искусственный подсластитель. Затем стал рыться в раковине с немытой посудой, пока не извлек на свет божий две чашки. Их он вымыл и вытер, после чего подошел к маленькому холодильнику. Как и предполагал Томас, содержимое было малоаппетитным – в основном коробки с фаст-фудом и продуктами быстрого приготовления. Однако среди всего этого ему удалось отыскать пинту молока. Инспектор вытащил ее в тот самый момент, когда со щелчком отключился чайник.

Пока он таким образом накрывал на стол, Хейверс молчала. На нее это было совсем не похоже. За все время, что Линли знал сержанта-детектива, она никогда не упускала случая

¹¹ Ткань с ворсом.

подколоть его, особенно в ситуациях, подобных нынешней – когда он не только заваривал чай, но и замахивался на горячие тосты. Это ее молчание сильно его тревожило. Томас поставил чай на стол и подвинул одну чашку поближе к ней. Рядом с местом, где лежали сигареты, была еще одна табуретка, и он вытащил ее. Ее сиденье было холодным, как будто горе человека, сидевшего на ней, заморозило ее поверхность.

– Это его, он на ней сидел, – сказала Хейверс. – Ну и что, теперь мы будем вести светские разговоры за этим чертовым чаем?

– По крайней мере, это какое-то занятие.

– Когда сомневаешься – приготовь чай... Я бы выпила виски. Или джина. Джин – это было бы здорово.

– У вас есть?

– Конечно, нет. Я не хочу превратиться в одну из тех старух, которые сосут джин с пяти вечера и до полного одурения.

– Вы не старуха.

– Поверьте мне, сэр, это уже не за горами.

Линли улыбнулся. Это замечание показывало, что состояние Барбары улучшалось.

Наконец он уселся рядом с ней.

– Ну, рассказывайте.

Хейверс стала рассказывать о женщине по имени Анжелина Упман, матери дочери Таймуллы Ажара. Линли встречал самого Ажара и его дочь Хадию и знал, что Анжелина не жила с ними уже какое-то время – она исчезла еще до того, как Барбара переехала в свое бунгало. Но ему не говорили, что она опять нарисовалась в жизни Ажара и Хадии в прошлом июле. Он также не знал, что Анжелина и Ажар не были женаты, а в метрике Хадии в графе «отец» стоял прочерк.

Появлялись все новые и новые детали, и Томас пытался запомнить их все. Оказалось, что Ажар и Анжелина были не женаты не потому, что сейчас это было модно, – они просто не могли пожениться. Таймулла ушел к Анжелине от другой женщины, но разводиться с ней отказался. От этой женщины у него было двое детей. Где они жили, Барбара не знала. Но она знала точно, что Анжелина смогла запудрить мозги Ажару и Хадие и убедить их, что вернулась, чтобы занять место, принадлежащее ей по праву. Ей надо было завоевать их доверие. Барбара сказала, что это ей надо было, чтобы разработать и претворить в жизнь ее план.

– Именно поэтому она и вернулась, – рассказывала Хейверс, – чтобы завоевать доверие всех, включая меня. Я всегда была идиоткой, но здесь я превзошла саму себя.

– Почему вы мне об этом не рассказывали?

– О чем именно? Наверное, потому, что идиотка думала, что вам уже все известно.

– Об Анжелине. О другой жене Ажара, о детях, о разводе или, точнее, об отсутствии одного. Ведь вы не могли не чувствовать, что...

Линли замолчал. Хейверс никогда не говорила о своем отношении к Ажару и его дочери, а он никогда не спрашивал. Казалось, что такое молчание выглядит более rispetабельно, хотя в глубине души Томас осознавал, что просто облегчает себе жизнь.

– Извините, – сказал он.

– Да ладно. В любом случае вы были несколько заняты, если помните.

Инспектор понимал, что она имеет в виду его связь с их начальницей в Управлении. Он старался быть аккуратным, Изабелла тоже. Но Хейверс не была дурочкой, она не вчера родилась, и все ее чувства обострились, когда дело касалось Линли.

– А, ну да. Но все уже кончено, Барбара.

– Я знаю.

– Вот и хорошо. Я так и думал.

Хейверс вертела чашку в руках. Линли заметил, что на чашке была карикатура на герцогиню Корнуэльскую с прической горшком и квадратной улыбкой. Неосознанно Барбара прикрыла карикатуру руками, как будто извиняясь перед несчастной женщиной, и сказала:

– Я не знала, что сказать ему. Я пришла с работы и увидела его на ступеньках перед дверью. Я думаю, что он ждал меня много часов. Я отвела его назад в квартиру после того, как он все мне рассказал – что она забрала Хадию с собой, – и осмотрела квартиру. Клянусь, когда я увидела, что она всё вынесла, я не знала, что делать.

Томас обдумывал ситуацию. Она была очень непростой, и Хейверс понимала это – отсюда и ее шок.

– Отведите меня к нему, – сказал он, – оденьтесь и отведите меня к нему.

Барбара кивнула и подошла к шкафу в поисках одежды. Она что-то нашла и прижала к груди. Направилась в ванную, но вдруг остановилась и обернулась к нему:

– Спасибо, что не комментируете прическу.

Линли посмотрел на ее изуродованную голову.

– Ах да. Одевайтесь, сержант.

Чолк-Фарм, Лондон

Барбара Хейверс чувствовала себя теперь гораздо лучше, когда появился Линли. Она понимала, что должна была сделать что-то, чтобы взять ситуацию под контроль, но горе Ажара лишило ее всех возможностей действовать. Таймулла был очень скрытным человеком, и оставался таким все два года, что она знала его. Он так хорошо прятал свои секреты, что иногда казалось, что их у него просто нет. Видеть его абсолютно раздавленным тем, что сделала с ним его возлюбленная, и понимать, что сама она, Барбара, должна была бы почувствовать с первой встречи, что Анжелина Упман что-то замышляет, несмотря на все проявления дружбы с ее стороны... Всего этого Барбаре хватило, чтобы самой почувствовать себя раздавленной.

Как большинство людей, она видела в Анжелине только то, что хотела, и полностью игнорировала все настораживающие и тревожные знаки. А та за это время опять завлекла Ажара в свою постель, вызвала у дочери подобоострастное обожание и заставила Барбару участвовать в каком-то глупом заговоре, заставив ее хранить молчание обо всем, что касалось самой Анжелины. И вот он, результат, – исчезновение Анжелины вместе с дочерью.

Барбара оделась в ванной. В зеркале она увидела, как ужасно выглядит, особенно ее голова. Волосы были выстрижены клоками, и лысые участки перемежались остатками того, что еще недавно было стильной и дорогой прической, сделанной в Найтсбридже. Оставшиеся волосы напоминали сорняки, ждущие, когда их выколют.

Единственным выходом было побриться наголо, но сейчас у нее не было на это времени. Барбара отыскала лыжную шапочку в одном из ящиков, надела ее и вместе с Линли вышла из дома.

В квартире Ажара ничего не изменилось. Просто вместо того, чтобы сидеть, уставившись в пустоту, ее хозяин бесцельно бродил по комнатам. Когда он запавшими глазами уставился на них, Барбара сказала:

– Ажар, я привела инспектора Линли из полиции Метрополии¹².

Таймулла только что вышел из спальни Хадии, прижимая к груди плюшевого жирафа девочки, и обратился к Линли:

– Она забрала ее.

– Барбара рассказала мне.

– Ничего нельзя сделать.

– Всегда что-то можно сделать, – горячо вмешалась Хейверс. – Мы найдем ее, Ажар.

Она почувствовала, как Линли бросил на нее быстрый взгляд. Это был сигнал остановиться и не давать обещаний, которые ни он, ни она не смогут выполнить. Однако Барбара видела ситуацию совсем по-другому. «Если они не смогут помочь этому человеку, – подумала она, – то какой смысл служить в полиции?»

– Можно мы присядем? – спросил Линли.

Ажар сказал: «Да, да, конечно», и они втроем направились в гостиную. В комнате пахло только что сделанным ремонтом. Теперь Барбара все видела так, как должна была видеть, когда Анжелина впервые показала ей новую отделку: как картинку из журнала, безукоризненную, но начисто лишенную всякой индивидуальности.

Когда они уселись, Ажар сказал:

– Я позвонил ее родителям, после того как вы ушли.

– А где они? – спросила Барбара.

¹² Полиция Метрополии (Лондонская полиция, Мет) основана в 1829 г. Отвечает за правопорядок на территории Большого Лондона, кроме района Сити. Кроме того, Мет отвечает за организацию и координацию антитеррористической деятельности в Соединенном Королевстве, охрану Королевской семьи и членов Правительства.

– В Далгвиче. Конечно, они отказались со мной говорить. Я разрушил жизнь одного из их детей, и они не желают приложить ни малейшего усилия, чтобы помочь мне.

– Милые люди, – прокомментировала Барбара.

– И вы уверены, что они не помогут? – спросил Линли.

– Судя по тому, что они говорили, и зная их, я думаю, что нет. Они ничего не знают об Анжелине и не хотят знать. Они сказали, что она выбрала свой путь десять лет назад, и если ее теперь что-то не устраивает, это не их проблема.

– Но у них есть еще один ребенок? – спросил Томас.

Ажар выглядел сконфуженным, а Барбара переспросила: «Что?»

– Вы сказали что-то о разрушении жизни одного из их детей, – пояснил Линли. – А кто второй, и не может ли Анжелина быть у него?

– Это Батшеба, сестра Анжелины, – ответил Ажар. – Я знаю только ее имя, но никогда не видел.

– Могут ли Анжелина и Хадия прятаться у нее?

– По-моему, они не любят друг друга, насколько я в этом разбираюсь. Так что сомневаюсь.

– Это Анжелина так говорит? – спросила Барбара.

Значение вопроса было понятно и Линли, и Ажару.

– Понимаете, когда люди находятся в критической ситуации, – объяснил Томас, – когда они планируют нечто подобное – а это действительно *надо было* спланировать, – старые обиды часто отодвигаются в сторону. Так вы звонили сестре? У вас есть ее номер?

– Я знаю только ее имя – Батшеба Уард, больше ничего. К сожалению.

– Ну, это не проблема. Батшеба Уард – с этого можно начать. Это дает нам возможность... – заговорила Барбара.

– Барбара, вы очень добры, – сказал Ажар. – Так же, как и вы, – добавил он, поворачиваясь к Линли. – Приехать сюда среди ночи... Но я хорошо представляю себе свое положение.

– Я говорю, что мы найдем ее. Обязательно, – горячо повторила Барбара.

Ажар смотрел на нее спокойными темными глазами. Затем перевел взгляд на Томаса. Казалось, он внутренне уже согласился с тем, чего Барбара не хотела признать и от чего пыталась защитить его.

– Барбара говорит, что вы с Анжелиной не разведены, – сказал Линли.

– Мы ведь не женаты, поэтому и о разводе речи нет. И постольку, поскольку я не развёлся со своей первой женой – то есть моей законной женой, – Анжелина не вписала меня в метрику как отца Хадии. Имела право. Я принял это как одно из последствий того, что не развёлся с Нафизой.

– А где она сейчас?

– В Илфорде. Нафиза и дети живут с моими родителями.

– Анжелина не могла поехать к ним?

– Она не представляет, где они живут и как их зовут. Она вообще ничего о них не знает.

– А они не могли сюда приехать? Проследить за ней? Выманить ее отсюда?

– А для чего?

– Ну-у-у... чтобы причинить ей зло.

Барбара поняла, что подобное развитие сюжета было вполне реально.

– Ажар, это вполне вероятно, – сказала она, – ее могли захватить. Все может быть совсем не так, как выглядит на первый взгляд. Они могли прийти за ней и забрать Хадия с собой. Они могли все забрать и заставить позвонить мне...

– Ее тон на автоответчике не казался напряженным, как будто она говорила под давлением. А, Барбара? – спросил Линли.

Ну конечно, нет. Голос звучал совсем как обычно, то есть дружелюбно и открыто.

– Может быть, она притворялась? – сказала Хейверс, хотя прекрасно понимала, что это звучит совсем не убедительно. – Она же дурила меня многие месяцы. Она дурила Ажара. Она дурила свою собственную дочь. А может быть, и не дурила вовсе. Может быть, она и не собиралась исчезать. Может быть, на нее напали неожиданно и увезли, а когда она наговаривала на автоответчик, заставили ее...

– Может быть и так, и этак, – мягко сказал Томас.

– Он прав, – сказал Ажар. – Если ее заставили позвонить, если их увезли отсюда – ее и Хадию – против их воли, она бы что-то сказала по телефону. Подала бы какой-то знак. Что-то осталось бы, но ничего нет. Ничего. А то, что она оставила – школьная форма Хадии, ее жираф и компьютер, – это чтобы я понял, что они не собираются возвращаться. – Глаза его покраснели.

Барбара обернулась к Линли. Он был, она это давно знала, самым сострадательным полицейским в Управлении и даже, может быть, самым сострадательным человеком, которого она когда-либо встречала на своем веку. Но на его лице – помимо симпатии к Ажару – Хейверс видела осознание всей сложности происшедшего.

– *Сэр*, ну пожалуйста... – сказала она.

– Барбара, помимо проверки родственников... Она мать. Она не нарушила закон. Нет официального развода и решения суда, которое она бы нарушила.

– Ну что ж, в таком случае – частное расследование, – сказала Барбара. – Если мы не можем ничего сделать, то частный детектив – вполне.

– А где мне такого найти? – спросил Ажар.

– Им вполне могу быть и я, – ответила Барбара.

Ноябрь, 16-е

Виктория, Лондон

«Ни – за – что» – именно так отреагировала исполняющая обязанности суперинтенданта¹³ Изабелла Ардери на просьбу Барбары предоставить ей отпуск. Сразу же после этого она потребовала объяснить ей, что это надето у Барбары на голове. «Это» было вязаной шапочкой, которые обычно носят лыжники. Шапочка венчалась помпоном. Оценка за элегантность – ноль. За соответствие занимаемой должности – глубокий минус. Дело в том, что до того, как все это случилось, Барбара сделала стрижку по настоятельной рекомендации исполняющей обязанности суперинтенданта – эта настойчивая рекомендация была завуалированной формой приказа. Таким образом, уничтожение прически было очень похоже на бунт на корабле, и именно так Изабелла Ардери рассматривала создавшуюся ситуацию.

– Снимите эту шапку, – потребовала Ардери.

– Что касается отпуска, ком...

– Должна напомнить вам, что вы недавно уже отдыхали, – рявкнула суперинтендант. – Напомните-ка мне, сколько дней вы находились в распоряжении инспектора Линли во время его небольшого путешествия в Камбрию?

С этим Барбара не могла спорить. Она только что закончила помогать Линли в некоем частном предприятии. Это было неофициальное и очень деликатное поручение сэра Дэвида Хильера, помощника комиссара. Все происходило на берегу озера Уиндермир, и когда Изабелла Ардери узнала, что Барбара тоже принимала в этом участие, она здорово взбесилась. Поэтому она решила во что бы то ни стало заменить отпуск сержанта Хейверс на внеочередное патрулирование, что последняя, несомненно, восприняла бы с энтузиазмом женщины, приглашенной на вальс дикобразом.

– Снимите эту шапку. Сейчас же, – повторила Изабелла.

Барбара знала, что это не принесет ничего хорошего.

– Командир, это очень срочно, по семейным обстоятельствам...

– И кого же из членов вашей семьи это касается, сержант? Если я правильно понимаю, ваша семья состоит из еще одного члена, который в настоящий момент находится в интернате для престарелых в Гринфорде. Не хотите же вы сказать, сержант, что вашей матушке вдруг потребовался ваш опыт полицейского? А?

– Это не интернат для престарелых, а частная клиника.

– Там есть сиделка? И нужен ли вашей матери уход?

– Что за глупые вопросы. Да, есть – и, конечно, нужен. И вы это прекрасно знаете.

– Ну и какие же ваши специфические знания понадобились вашей матушке?

– Ну, хорошо, – вздохнула Барбара, – это не касается моей матери.

– Но вы сказали – семейные обстоятельства?

– Ну хорошо. Это не семейные обстоятельства. Речь идет о моем друге, который попал в беду.

– Так же, как и вы, милочка. Так что, мне еще раз надо попросить вас снять эту нелепую шапку?

Делать было нечего – Барбара стянула шапку.

¹³ Офицерское звание в полиции – чин, следующий за старшим инспектором.

Изабелла уставилась на Барбару. Она подняла руку, как будто отмахиваясь от какого-то апокалипсического видения.

– И что, – сказала она напряженным голосом, – я должна думать? Ошибка парикмахера, приведшая к полной катастрофе, или зашифрованное послание вашему старшему офицеру? Старший офицер, как вы понимаете, это я.

– Командир, речь не об этом, я не за тем к вам пришла.

– Ну, хватит. А я хочу говорить именно об этом. Кстати, и о манере одеваться – тоже. Спрашиваю еще раз: что вы пытаетесь мне сказать, сержант? То, что я вижу, напрямую связано с вашей будущей карьерой регулировщика движения на Шетландских островах.

– Мне кажется, не стоит делать из этого прецедент, – возразила Барбара. – Моя одежда, мои волосы... Какое это имеет значение, если я выполняю свою работу?

– Ах, вот в чем дело, – удивилась Изабелла. – *Если я выполняю свою работу.* Чего, как оказалось, вы не делали уже в течение некоторого времени. И чего вы, входя сюда с вашей просьбой, хотели не делать еще несколько дней или недель. При этом, я полагаю, вы намереваетесь продолжать получать свое жалованье, дабы обеспечить единственному члену вашей семьи содержание в богадельне, куда он был помещен... Сержант, скажите *честно*, чего вы хотите? Вы хотите продолжать работать и получать вознаграждение или же предпочитаете мотаться по делам неизвестных членов вашей семьи? По делам, о которых вы, кстати, предпочитаете молчать?

Они сидели друг против друга на противоположных сторонах стола исполняющего обязанности суперинтенданта. За дверями кабинета раздавался обычный шум, сопровождавший деятельность офиса. Сотрудники проходили по коридору. Иногда шум затихал, и тогда Барбара понимала, что ее коллеги прислушиваются к ее спору с суперинтендантом Ардери. «Еще один повод для сплетен за чашечкой кофе», – подумала она. Сержант Хейверс поставила еще одну кляксу в свою тетрадь.

– Послушайте, командир, один из моих друзей лишился ребенка; ее увезла мать...

– В этом случае девочка не потерялась, не правда ли? А если девочку увезли в нарушение решения суда, то этот ваш друг должен позвонить своему адвокату или обратиться в местный полицейский участок, или кто там еще может прийти ему в голову. Это не ваше дело – мотаться по стране, помогая людям, попавшим в беду, до тех пор, пока это не прикажет вам ваш командир. Вы меня хорошо поняли, сержант Хейверс?

Барбара молчала, хотя внутри у нее все кипело. Мысленно она сочиняла монолог – нечто вроде «да кто же тебя за вымя кусает, чертова ты корова?». Но Хейверс хорошо понимала, куда это ее приведет. В этом случае Шетландские острова покажутся раем божьим. Поэтому она ответила коротко:

– Так точно.

– Отлично. Тогда возвращайтесь к работе. И сегодня она заключается во встрече с представителем Генеральной прокуратуры. Поговорите с Доротеей – она все организовывала.

Виктория, Лондон

Доротея Гарриман была не только секретарем отдела, но и той иконой стиля, на которую должна была быть похожа Барбара. Правда, с самого начала Хейверс не могла понять, как Ди Гарриман умудряется так выглядеть на какие-то жалкие 26 фунтов в неделю. Та, правда, говорила, что главное – это знать свои цвета, что бы это там ни значило, и уметь подбирать аксессуары. Кроме того, она рассказала Барбаре, что ведет свой список лучших универсальных магазинов Лондона. Любой может сделать это, детектив Хейверс. Все очень просто – я могу научить тебя, если хочешь.

Барбара не хотела. Она представляла себе, как Ди Гарриман проводит каждую свободную минуту в рысканье по центральным улицам столицы в поисках одежды. Кому, черт побери, может нравиться такая жизнь?

У Доротеи хватило ума не комментировать прическу и шапку Барбары, когда она увидела ее, направляющуюся в кабинет Изабеллы Ардери. Ей действительно очень нравилась стрижка и укладка, которую Барбаре сделали в Найтсбридже. Но после того, как она громко поприветствовала Барбару «сержант Хейверс!», что-то в лице последней подсказало ей, что дорога в ее, Ди Гарриман, персональный ад начнется с любого комментария, касающегося внешнего вида Барбары. Она смогла собрать все свои внутренние силы, чтобы смириться с видом коллеги, когда та подошла к ее столу. По-видимому, Ди слышала, что происходило в кабинете, потому что сразу же протянула Барбаре листок с информацией, о которой говорила Изабелла.

Гарриман объяснила, что Барбаре надо позвонить по указанному телефону. Это тот клерк из генпрокуратуры, с которым ты встречалась, когда помогала инспектору Линли в Камбрии, ты же его еще помнишь... Хочет вернуться к этому делу. Еще раз пройти по показаниям. Сержант их, конечно, еще не забыла?

Барбара кивнула, потому что, конечно, она помнила. Обвинитель был Королевским адвокатом, с офисом в Миддл-Темпл. Она, сказала сержант, позвонит ему и сразу же займется этим делом.

– Фигово, – сказала Гарриман, понимающе покосившись на дверь кабинета Изабеллы. – Она сегодня с самого утра сама не своя. Непонятно почему.

Барбара все понимала. одному богу известно, сколько времени длилась любовная связь между Томасом Линли и Изабеллой Ардери. Но всему рано или поздно приходит конец, и Барбара подозревала, что теперь Скотланд-Ярд ждали тяжелые времена.

Она подошла к своему столу и плюхнулась в кресло. Посмотрела на номер, который дала ей Ди Гарриман. Сняла трубку с аппарата и стала нажимать кнопки, когда услышала свое имя – короткое Барб – и, подняв голову, увидела своего сослуживца, детектива Уинстона Нкату, склонившегося над ее столом. Он поглаживал шрам на лице, шрам, который напоминал ему о давнем прошлом, когда он еще был членом одной из уличных банд в Брикстоне. Нката, как всегда, был безукоризненно одет – казалось, он покупает одежду под чутким руководством Гарриман. У Барбары создавалось впечатление, что Уинстон гладит свою сорочку каждые полчаса где-то на задворках офиса. Ни морщинки, ни пятнышка.

– Хочу спросить, – голос был мягким, с акцентом, в котором слышалось его прошлое, с карибскими и африканскими предками.

– О чем?

– Инспектор Линли. Он мне рассказал... Ну то есть... Все рассказал. Ну, ты понимаешь. Не моего ума дело, но мне показалось, что что-то стряслось – ну я и спросил. Ну и, – кивок головы в сторону кабинета Изабеллы, – все вот это.

«Понятно, – подумала Барбара. – Он говорил про ее волосы, но все будут об этом говорить или ей в лицо, или у нее за спиной. В конце концов, Уинстон, как всегда, не изменяет своему такту и говорит открыто».

– Инспектор рассказал мне, что произошло. Про Хадию и ее мамашу. Слушай, я знаю, что она... то есть что ты чувствуешь по этому поводу, ну и все такое. Барб, я не думал, что босс согласится дать тебе отпуск, поэтому...

Он протянул ей вырванный из календаря листок. Листок был из настольного календаря, одного из тех, в которых наверху каждого листка была написана какая-нибудь поучительная сентенция. На этом, в частности, стояло: «Хочешь рассмешить Господа – расскажи ему о своих планах», что, по мнению Барбары, как нельзя лучше подходило к нынешней ситуации. На самом листке каллиграфическим подчерком Уинстона было написано имя Дуэйн Доути и адрес на Роман-роуд в Боу, вместе с телефоном. Прочитав все это, Барбара подняла глаза на Уинстона.

– Это частный детектив, – сказал он.

– Как тебе это удалось так быстро?

– Как и всем – через Интернет, Барб. Страничка сайта с информацией от благодарных клиентов и все такое. Может, он это и сам разместил, но на него стоит обратить внимание.

– Ты знал, что она прикует меня к столу, ведь так? – подозрительно спросила Барбара.

– Да... то есть догадывался.

Уинстон опять тактично не сказал ни слова о ее внешнем виде.

Ноябрь, 19-е

Боу, Лондон

Следующие два дня Барбара пахала на работе, как раб на галерах. Это включало в себя несколько встреч с представителем Генпрокуратуры, единственным светлым моментом в которых было приглашение на ленч во впечатляющей столовой Миддл-Темпла. Ленч мог бы быть более приятным, не начини Королевский адвокат обсуждать дело в мельчайших подробностях. И в этой ситуации, когда дареному коню... и так далее, Барбаре пришлось призвать на помощь весь свой юмор и здоровый пофигизм, однако и это не уменьшило ее желания уткнуться лицом в гороховое пюре и умереть, вдохнув добрую порцию углеводов. Это была именно та работа, которую она ненавидела, и Хейверс подозревала, что исполняющая обязанности суперинтенданта Ардери специально заставляла ее заниматься этим, так как это был единственный способ отомстить Барбаре за то, что она сделала с собой.

Ей пришлось полностью выбрать голову. Ничего другого придумать было нельзя, так как стрижку сохранить не удалось. С оставшейся щетиной Барбара напоминала то ли неонациста, то ли боксершу. Все это скрывалось под целым набором разнообразных вязаных шапочек, которые она закупила на рынке на Бревик-Стрит. Сейчас велись два расследования, на которые ее можно было бы назначить, будь на то соизволение Ардери. Инспектор Филипп Хейл возглавлял одно, инспектор Линли – другое. Но Барбара знала, что до тех пор, пока Изабелла Ардери не решит, что сержант уже достаточно наказана за свои грехи, ей придется иметь дело с генпрокуратурой и показаниями свидетелей, которые Королевский адвокат жаждал еще раз перепроверить.

Они закончили после полудня, на второй день после стычки Барбары с суперинтендантом. Барбара подумала, что это ее шанс, и решила им воспользоваться. Она позвонила Ажару на работу, сказала, что едет к нему, и спросила, где его найти. Он объяснил, что у него встреча с четырьмя дипломниками в лаборатории.

– Ждите меня там, у меня есть для вас нечто важное.

Найти лабораторию оказалось легко. Это было место халатов, компьютеров, вытяжных шкафов и табличек «ОСТОРОЖНО». Все это дополнялось впечатляющими микроскопами, чашками Петри, коробками слайдов, застекленными шкафами, холодильниками, вращающимися стульями, компьютерными рабочими станциями и другими, более загадочными предметами. Когда Барбара нашла Таймуллу среди всего этого великолепия, он вежливо представил ее своим студентам. Но вид Ажара заставил ее мгновенно забыть их имена.

С момента исчезновения Хадии Барбара виделась с ним ежедневно. Она приносила ему еду, хотя видела, что ест он очень мало. Сегодня Таймулла выглядел хуже, чем когда-либо – наверное, от недосыпа, решила она. Очевидно, он держался только на сигаретах и кофе. Так же, впрочем, как и она сама.

Барбара спросила его, как быстро он может освободиться. Добавила, что принесла информацию о человеке, который, возможно, сможет помочь. Это частный детектив. Услышав это, Ажар сказал, что освободится немедленно.

По дороге в Боу Барбара рассказала о том, что ей удалось узнать о человеке, в чей офис они сейчас направлялись. Несмотря на уверения неизвестных «удовлетворенных клиентов», она навела о нем справки, что было не очень сложно, принимая во внимание всю ту ерунду, которую люди помещали о себе в Интернете. Барбара узнала, что Дуэйну Доути пятьдесят два года, что по воскресеньям он играет в регби, что он женат уже двадцать шесть лет и у него двое детей. Судя по фотографиям на его страничке в «Фейсбуке», она решила, что он больше всего

гордился тем, что каждое последующее поколение его семьи живет лучше, чем предыдущее. Его предки зарабатывали на жизнь в угольных шахтах Уигана. Его дети окончили престижные университеты. Дела для клана Доути развивались таким образом, что его внуки, если они у него будут, закончат уже Оксфорд или Кембридж. Короче говоря, семья была очень амбициозной.

Однако офис Доути располагался в здании, которое было далеко от каких-либо амбиций. На первом его этаже располагалось заведение, носившее гордое название «Кровати и полотенца для тех, кто понимает». В настоящий момент оно было закрыто, а на окна были опущены бледно-голубые защитные шторы, сильно траченные ржавчиной. Сами «Те, кто понимает» располагались в узком здании, втиснутом между отделением банка и халяльным гастрономом. Странно, но улица была практически пустынна. Двое мужчин мусульманской наружности в традиционной одежде выходили из подъезда здания метрах в тридцати – и всё. Большинство магазинов были закрыты. Это был далеко не Центральный Лондон, с его забитыми днем и ночью тротуарами.

Они нашли вход в офис Дуэйна Доути, пройдя в дверь левее «Тех, кто понимает». Та была не заперта и открывалась на лестницу, у подножья которой был линолеум, на котором лежал коврик с приветствием. Вверх по лестнице располагались всего два офиса. На двери одного висело объявление «Стучите, пожалуйста»; на другой, в которую стучать, видимо, было не обязательно, висело объявление с требованием не выпускать кошку.

Они выбрали ту, в которую надо было стучать. Они постучали, и мужской голос с акцентом, который предполагал, что Доути переехал из Уигана в Восточный Лондон много, много лет назад, пригласил их войти. Барбара успела предупредить Ажара, что не будет говорить, что она из полиции. Доути мог подумать, что это какая-то полицейская операция, чего им совсем не хотелось.

Они застали его за попытками загрузить фотографии в электронную рамку. Руководство пользователя было разложено на столе, вместе со шнурами, фотоаппаратом и, собственно, самой рамкой. Детектив уткнулся в руководство, сжав одну руку в кулак, а другой делал произвольные движения, как будто хотел смять руководство в комок.

Он поднял на них глаза.

– Написано каким-то китайцем с садистскими наклонностями. И зачем только я с этим связался...

– Понятно, – ответила Барбара.

Даже если бы она не знала, что он играет в любительское регби, форма его носа тут же выдала бы эту тайну. Казалось, что тот был сломан множество раз, и его врач, в конце концов, отчаялся, поднял руки в знак поражения и сказал: «Сдаюсь. Пусть остается, как есть». Нос извивался из стороны в сторону и придавал лицу такой асимметричный вид, что от него невозможно было оторвать глаз. Все остальное в мужчине было средним: средняя комплекция, средний вес, средне-каштановые волосы. Если забыть о носе, то Доути был человеком, на которого вряд ли обратишь внимание на улице. Но нос делал его незабываемым.

– Я полагаю, мисс Хейверс, – сказал он, вставая.

«Рост тоже средний», – подумала Барбара.

– А это ваш друг, о котором вы говорили? – добавил детектив.

Таймулла пересек комнату и протянул руку:

– Таймулла Ажар.

– Господин Ажар?

– Нет, просто Ажар.

Хари – пришло вдруг в голову Барбаре. Анжелика называла его Хари.

– Это по поводу украденного ребенка, – полуутвердительно сказал детектив. – Вашего ребенка?

– Да.

– В таком случае присаживайтесь.

Доути указал на стул перед своим столом. В комнате находился еще один стул, другого фасона, который стоял у окна. Создавалось впечатление, что его поставили туда, чтобы было удобнее наблюдать за происходящим на улице. Детектив взял этот стул и поставил рядом с первым, аккуратно выровняв их края. Пока он занимался этим, Барбара осмотрела офис. Она подозревала, что комната будет выглядеть в лучших традициях берлоги частного детектива, которым было уже больше века, но она выглядела, как кабинет боевого офицера – вся мебель была защитного цвета. На полках располагались соответствующие книги, периодика и выпускные университетские фотографии детей. На столе стояло фото женщины, приблизительно одного возраста с Доути, – видимо, его жены.

Все было в идеальном порядке, начиная от карт Большого Лондона и Великобритании на стенах, до ящиков с входящей и исходящей почтой на столе, на котором так же аккуратно располагались держатели для писем и визитных карточек.

И Ажар, и Барбара внимательно разглядывали офис. Детектив делал какие-то пометки в блокноте, и Барбаре понравилось, что он задавал точные, деловые вопросы.

Хейверс могла рассказать ему больше, чем Ажар рассказал ей и Линли в ночь исчезновения своей дочери. За то свободное время, которое ей удалось выкроить, она смогла разыскать Батшебу Уард, сестру Анжелины Упман.

– Она живет в Хокстоне, – рассказала Барбара детективу и назвала адрес, который он записал крупными печатными буквами. – Замужем за парнем по имени Хьюго Уард. Двое детей, но не ее, а его. Я позвонила ей, и она почти полностью подтвердила все, что касается Анжелины и ее семьи. Все они прекратили общаться друг с другом лет десять назад, когда Анжелина сошлась с Ажаром. Она утверждает, что не знает, где находится сестра, и не горит желанием найти ее. Наверное, здесь стоит копнуть поглубже. Батшеба может врать.

Детектив кивнул, записывая.

– А остальное семейство?

– Упманы живут в Далвиче, – ответила Барбара. Она почувствовала на себе взгляд Ажара и добавила: – Как-то вечером я им позвонила. Просто чтобы узнать, слышали ли они о чем-нибудь. Ничего. Кроме того, что Батшеба говорит правду, утверждая, что любовью там и не пахнет.

– И долго вы с ними общались? – спросил детектив, подозрительно глядя на Барбару сужившимися глазами.

– С отцом семейства? Не очень долго. Просто спросила, где Анжелина. Мол, ее разыскивает старая школьная подружка. Ну, всякое такое... Он не знает, где она, и с гордостью сообщил мне об этом. Может быть, и прикрывал ее... Но мне он не показался человеком, который стал бы сильно из-за нее напрягаться.

Тогда Доути перенес свое внимание на Ажара. Он перевернул страницу в блокноте, куда записал все, что Барбара успела ему рассказать. Наверху страницы детектив вывел большими печатными буквами:

ОТЕЦ

Барбара не видела, что он написал наверху страницы с ее показаниями.

– Назовите мне все имена, – сказал Доути Ажару, – которые вы можете вспомнить в связи с Анжелиной Упман. Меня не интересует, чье это имя или когда она могла познакомиться с этим человеком. Потом мы сделаем то же самое в отношении вашей дочери.

Боу, Лондон

Когда мужчина с женщиной ушли, Дуэйн Доути подошел к окну. Он подождал, пока они вышли из дома, и понаблюдал, как они прошли к арке, на углу которой была табличка, сообщавшая о том, что прохожий пересекает границу округа Роман-роуд. Они повернули налево, за угол. На всякий случай Дуэйн подождал еще секунд тридцать. Потом вышел из офиса и зашел в соседнюю дверь.

То, что кошка может убежать, его совсем не беспокоило. Кошки вообще не было, а надпись была способом держать посетителей подальше от этой двери. Он вошел в комнату, где за столом перед тремя мониторами сидела женщина. На голове у нее были наушники, и она отсматривала запись встречи, которая только что закончилась. Доути стоял молча, ожидая конца записи. В конце участники пожали друг другу руки, и женщина – Барбара Хейверс – еще раз внимательно оглядела комнату.

– Что думаешь, Эм?

Эмили подождала, пока на пленке Дуэйн не подошел к окну и не спрятался за шторой, потом взяла пакет с чищенной морковью и с хрустом разгрызла одну.

– Коп, – сказала она. – Может быть, из его местного участка, но я бы взяла выше. Одна из этих специальных групп, неважно, как они теперь называются. Я не успеваю за изменениями, которые происходят в Мет.

– А другой?

– С ним вроде бы все в порядке. Ведет себя, как и должен вести себя человек, у которого жена украла дочь. Мамаша не собирается причинить дочери вред, и папочка знает об этом. Поэтому видно, что он в отчаянии, но это не то чувство ужаса, которое испытывает человек, когда его ребенка крадет маньяк.

– Ну, и... – произнес Доути, как всегда с любопытством следя за тем, как работают ее мозги.

Эмили откинулась на стуле, зевнула и энергично почесала голову. У нее была мужская стрижка, и она носила мужскую одежду. Ее часто принимали за мужчину, и ее хобби тоже больше подходили мужчине, чем женщине: лыжный слалом, сноуборд, серфинг, скалолазание и горный велосипед. В двадцать шесть лет она была правой рукой Доути – лучшим расследователем в бизнесе и еще лучшим преследователем. Она легко могла пробежать с утра 12 миль с сорока фунтами за плечами и вовремя появиться в офисе.

– Думаю, все как обычно. Просто надо быть немного осторожнее и беречь тылы, а также не нарушать закон. – Эмили отъехала от мониторов и встала. – Угадала?

– Полностью согласен.

Ноябрь, 30-е

Боу, Лондон

Прошло две недели.

Дуэйн вновь пригласил Барбару и Ажара в свой офис. За это время частный детектив съездил в Чолк-Фарм, чтобы посмотреть на квартиру Ажара. Побродил вокруг, изучая то немного, что стоило изучения. Взглянул на школьную форму Хадии и поинтересовался у Ажара, почему плюшевый жираф остался, тогда как все остальное было вывезено. Задумчиво покивал, слушая рассказ Ажара о том, что ему пришлось покупать Хадии нового жирафа, потому что того, которого он для нее выиграл, у нее украли на пирсе во время их отпуска. Забрал компьютер девочки, сказав, что его изучит один из его помощников.

Теперь они сидели в его офисе на тех же самых стульях, что и прежде.

Доути лично встретился с Батшебой Уард, сестрой Анжелины. К сожалению, он мало что мог добавить к тому, что Барбара уже выяснила. В дополнение к ее информации они теперь знали, что у Батшебы в Лондоне, в районе Айлингтона, был бизнес по дизайну мебели, который назывался «УАРД».

– Шикарный магазин и все такое, – рассказывал Доути. – Стоит немалых денег, и, кажется, за все платит муж.

Муж был на двадцать три года старше Батшебы. Хьюго Уард оставил жену и двух детей через шесть месяцев после того, как на Риджент-стрит предложил свой зонтик Батшебе, ловившей такси.

– Любовь с первого взгляда, – сказал детектив с небрежным взмахом руки. Потом задумался и добавил: – Не хотел никого обидеть, о присутствующих мы не говорим.

– Никто и не обиделся, – тихо ответил Ажар.

Барбара подумала, что съем женатых мужиков был, по-видимому, хобби семейства Упманов. Обе сестрички пошли по этому пути.

– Больше от этой девицы я ничего не добился. Сразу начинала кривить губки, как только спрашивал о сестре. Действительно, любви там никакой нет. Мне выдали пятнадцать минут из того, что назвали «драгоценным временем», а уложились мы и вовсе в десять. Она либо лучшая врунья среди тех, кого я когда-либо встречал, либо действительно не знает, где Анжелина.

– И больше ничего? – спросила Барбара.

– Ничегошеньки.

– А что с компьютером Хадии?

– На первый взгляд он стерильно чист.

– На первый взгляд?

– Извлечение стертых данных... Такие вещи требуют времени и некоторой доли деликатности, знания некоторых специфических программ, – пояснил Доути. – Быстро здесь не бывает. Если бы это было не так, то нам не нужны были бы эксперты. Поэтому давайте надеяться. Жесткий диск был вычищен. Наверное, для этого была причина, и у нас есть надежда выяснить, какая.

Ажар вынул из портфеля плотный конверт. Он получил по почте распечатку расходов с карточки Анжелины – может быть, это поможет? Детектив надел пару дешевых очков для чтения, которые можно купить в любой аптеке, посмотрел на бумаги и сказал:

– Этот счет из Дорчестера. Интересно. За комнату заплатить не хватит, но...

– Это послеполуденный чай, – сказала Барбара. – Мы ходили вместе с Анжелиной и Хадией. Датировано началом месяца?

Доути кивнул и продолжал просматривать счета. Извлек счет из салона, где Барбаре сделали ее несчастную стрижку. Хейверс объяснила, что Анжелина тоже стриглась в этом салоне у стилиста по имени Дасти. Доути аккуратно записал это, сказав, что с Дасти придется поговорить, так как перед исчезновением Анжелина могла изменить прическу или цвет волос. Еще несколько счетов были из бутиков в районе Примроуз Хилл, но счетов, датированных после посещения парикмахерской, просто не было. По-видимому, Анжелина Упман прекратила пользоваться карточкой перед исчезновением, понимая, что в противном случае оставит надежный след.

– У нее может быть совсем другая карточка, – объяснил частный детектив, – и она может жить под другим именем. Могла получить новый паспорт и удостоверение личности. Если это так, то она, наверное, воспользовалась способом, которым пользуется большинство в этой ситуации: использовала имена и фамилии, которые легко найти в банках данных. Вы, случайно, не знаете девичью фамилию ее матери?

– Нет, – Ажар выглядел расстроенным. Как многого он, оказывается, не знал о женщине, которая родила ему ребенка.

– Может быть, мне позвонить ее родителям?

– Я могу узнать, – сказала Барбара. В конце концов, для сотрудника полиции это не составляло труда.

– Нет, – возразил Доути. – Позвольте уж мне все сделать самому.

Он положил счета в папку, на которой, заметила Барбара, было напечатано *Упман/Ажар* и год. Сняв очки, наклонился в их сторону, переводя взгляд с Ажара на Барбару и обратно.

– Должен вас спросить, но только без обид. Вы не давали ей повода скрыться? Я попробую объяснить. Кажется, что вы очень близки. Вы похожи на друзей, но, исходя из моего опыта, если мужчина и женщина дружат, то между ними есть еще что-то. Наверное, по-научному это как-то называется, но я этого термина не знаю. Что я хочу спросить – вы двое не сделали ничего такого, о чем бы она могла узнать и в чем бы могла вас упрекнуть?

Барбара почувствовала, что краснеет. Ажар ответил на вопрос:

– Конечно, нет. Барбара – такой же друг Анжелины, как и мой. Она также очень близка с Хадией.

– Анжелина знала, что между вами двумя ничего нет?

Барбаре хотелось сказать: «Посмотри на меня, идиот», но что-то не позволило ей высказаться. Вместо этого она услышала, как Ажар сказал:

– Конечно, она знала, что между нами ничего не могло быть...

Ей захотелось спросить: «Почему?», хотя она хорошо знала ответ.

– Ну хорошо. Я просто спросил. Все камни перевернуты, и все простыни перестелены, если вы понимаете, о чем я.

«Он не может жить без клише, – подумала Барбара. – Хотя это частному детективу можно и простить».

– Кроме компьютера, осталась еще ваша семья, – обратился он к Ажару. – Возможно, они избавились от Анжелины и ее дочери, чтобы заставить вас вернуться к ним.

– Это невозможно.

– Что именно – избавиться или вернуться?

– Ни то, ни другое. Мы не общаемся уже много лет.

– Общение, приятель, здесь не самое главное.

– И все-таки я бы не хотел, чтобы их вовлекли во все это.

Барбара взглянула на Ажара, взглянула первый раз с того момента, когда Доути стал спрашивать об их взаимоотношениях, и сказала:

– Анжелина могла отыскать их, Ажар. Могла выследить. Однажды она заговорила о них со мной. Если она *действительно* нашла их... Если действительно предпринимались какие-то шаги... Это надо проверить.

– Ничего проверять не надо. – В голосе Ажара послышались стальные нотки.

Доути, услышав это, развел руками.

– Ну что ж, у нас остается компьютер и девичья фамилия матери. Причем хочу предупредить, что на последнюю, скорее всего, рассчитывать не стоит.

Он открыл ящик и вытащил визитную карточку, которую протянул Ажару.

– Позвоните мне через пару дней, и я расскажу вам, что удалось узнать. Как я уже говорил, может статься, информации будет не много. Но даже если мы узнаем... Вы понимаете, что главная проблема в том, что у вас нет никаких прав?

– Поверьте, об этом я помню постоянно, – ответил Ажар.

Боу, Лондон

Доути повторил весь ритуал прошлой встречи, после того как Таймулла Ажар и его спутница ушли. Он обнаружил Эм Касс на ее обычном месте, запустившую запись закончившейся беседы. На ней был одет винтажный мужской костюм-тройка; галстук она распустила, хотя жилетка была застегнута на все пуговицы. На вешалке в углу висели мужской плащ и шляпа с полями. Под ними стоял черный зонтик. Глядя на Эм – что, по мнению Доути, довольно приятно, – невозможно было предположить, что она легко снимала мужиков в клубах для анонимного секса. Эмили любила засекаать время с момента первого взгляда до самого акта. Пока ее рекорд равнялся тринадцати минутам. В последние два месяца она тщетно пыталась его улучшить. Доути тратил много времени и сил, чтобы объяснить ей всю опасность подобного поведения. Ее реакция всегда была одна и та же: «Не учите меня жить». Его реакция на ее реакцию тоже всегда была одна и та же: «Ну конечно, я уже старик, а тебе двадцать шесть, и ты чувствуешь себя бессмертной».

Сейчас он спросил:

– Ну и что же у нас есть?

– Она хорошо путает следы. Нам нужна эта девичья фамилия. Дамочка из Скотланд-Ярда легко могла бы достать ее. Почему ты отказался?

– Потому что она не знает, что мы знаем, что она из полиции. Ну, и другие причины... Шестое чувство.

– Ох уж эти твои предчувствия, – сказала Эм.

– Потом, я верю, что для тебя тоже не составит большого труда найти эту фамилию. Что у нас с этим компьютером?

– Я пыталась, но, к своему большому сожалению, должна признать, что без Брайана нам не обойтись.

– Если я правильно помню, последний раз ты сказала «никогда больше», – заметил Дуэйн.

– Сказала. Будет здорово, если ты найдешь кого-нибудь другого.

– Лучше его никого нет.

– Ну, не сошелся же на нем свет клином.

Эмили откатилась от стола и задумчиво взяла свои ключи. Их было всего три – от дома, от офиса и от машины. Перебирать их на кольце, когда что-то обдумываешь, вошло у нее в привычку. Но сейчас она не перебирала их, а внимательно смотрела на брелок. Неизвестная птичка с гримасой канарейки, не любящей дураков.

– А что, если...

– Что «что, если»? – повторил детектив, подбадривая ее. Эм была человеком действия, и столь долгие размышления были совсем не в ее стиле.

– Я заметила этот фокус с карточкой, Дуэйн. Что ты задумал?

Доути улыбнулся.

– Ты никогда не устаешь удивлять. Неудивительно, что Брайан хочет переспать с тобой.

– Прошу тебя. Он отвлекает меня от работы, правда.

– Я думал, тебе нравятся мужчины, которые к тебе равнодушны.

– Некоторые. Но такие придурки, как Брайан Смайт... – Она пожала плечами и бросила ключи на стол.

– Уступи ему хоть на йоту, и он решит, что совершенно неотразим. Я не люблю мужчин, которые так откровенно показывают, чего хотят.

– Постараюсь это запомнить, – Доути притворился, что записывает на манжете. – Ну ладно, оставим эту ерунду, – сказал он, кивнув на ее телефон. – Сколько времени тебе потребуется, чтобы найти девичью фамилию?

– Дай мне десять минут, – ответила Эм.

– Время пошло, – детектив направился к двери и уже положил руку на ручку, когда Эм снова заговорила:

– Ты так и не сказал.

Он обернулся:

– Не сказал что?

– Ты не ответил на вопрос. Ловко перевел стрелки на Брайана, но ты же понимаешь, со мной это не пройдет.

– А что это был за вопрос? – Дуэйн надел на лицо маску абсолютной невинности.

Эмили рассмеялась.

– Ну и пожалуйста. Независимо от того, что ты замышляешь и сколько ты хочешь содрать с лопуха, давай попробуем держаться в рамках закона, хотя бы для приличия.

– Даю слово, – торжественно сказал Доути, прижав руку к груди.

– *Звучит* многообещающе, – ответила Эм.

Декабрь, 17-е

Сохо и Чолк-Фарм, Лондон

Уже третий час Барбара Хейверс таскалась по магазинам на Оксфорд-стрит, прежде чем ей пришло в голову, что неплохо было бы застрелить Бинга Кросби. Или лучше того идиота, который сочинил этого «Маленького барабанщика», потому что, если оставить его в живых, то кто-нибудь другой, а не Бинг, обязательно будет мурлыкать «па-рам-пам-пам-пам», хотя бы один раз в час и во всех магазинах, начиная с первого ноября и до двадцать четвертого декабря¹⁴.

Проклятая песня доставала ее с того момента, когда она вышла из метро на Тоттенхэм-Корт-роуд. Там ее поприветствовал уличный музыкант, исполнявший этот шедевр у эскалатора; эта же песня звучала в «Аксессуарях», перед «Старбакс» и при входе в Бутс. Слепой скрипач, который последние несколько недель ошивался у входа в «Селфриджиз», тоже отдавал должное этим сентиментальным соплям. Сие походило на китайскую пытку водой.

Имея всего одного члена семьи, для которого надо было купить подарок, Барбара обычно делала это с помощью каталога и телефона. Нужды ее матери были простыми, а желаний практически не существовало. Она проводила свои дни перед видеомэгнитофоном, за фильмами с Лоуренсом Оливье, и чем раньше был снят фильм, тем лучше. А когда она не смотрела кино, то помогала сиделке ухаживать за другими постояльцами ее дома в Гринфорде. Сиделку и владелицу заведения звали Флоренс Маджентри – Миссис Фло для тех, кто пользовался ее услугами, – и Барбара должна была купить подарок и для нее. Обычно она искала презенты и для своих соседей, особенно для Хадии. Но до сего дня ее местонахождение так и оставалось неизвестным, и каждый прошедший день уменьшал надежду отыскать ее.

Барбара старалась не думать о Хадии. Она говорила себе, что ее поисками занимается частный детектив. Когда что-нибудь станет известно, Ажар сообщит об этом ей первой.

Ему она тоже искала подарок. Хотелось купить что-нибудь, что могло хоть на короткое время развеселить его. За недели, прошедшие с момента пропажи Хадии и ее матери, Таймулла становился все более и более молчаливым и старался появляться в своей квартире как можно реже. Барбара не могла винить его за это. Что еще он мог сделать? Ничего, если только не решил начать свои собственные поиски. Но куда бы он направился в этом случае? Мир огромен, а Анжелина Упман спланировала свой побег из Чолк-Фарм так, чтобы не оставить никаких следов.

Барбара старалась не терять надежду, что Дуэйну Доути все-таки удастся найти девочку и ее мать.

Но сейчас, здесь, на Оксфорд-стрит она все время возвращалась мыслями к тому последнему разу, когда была в этой части города. Летом, после очередной настоятельной рекомендации Изабеллы Ардери сделать что-то со своим гардеробом, Барбара вместе с Хадией приехала сюда, дабы заложить фундамент своего нового стиля. Они смогли приобрести несколько неплохих вещей и очень веселились при этом, а теперь все это ушло из ее жизни. Как результат, Барбара находилась в такой же депрессии, как и Ажар, но она понимала, что прав на это у нее гораздо меньше, чем у него. В конце концов, девочка не была *ее* дочерью, хотя иногда она чувствовала именно так.

¹⁴ Помимо Бинга Кросби, рождественскую песенку «Маленький барабанщик» (англ. Little Drummer Boy) исполняли в разные времена множество поп-звезд первой величины.

«Па-рам-пам-пам-пам» испытало терпение Барбары по крайней мере еще раз семь, пока она, наконец, не нашла того, что искала в подарок Ажару.

Рядом с Бонд-стрит стояли несколько красочно разукрашенных прилавков, на которых продавалось все, что угодно – от цветов до шляп. Среди всего этого великолепия один продавец торговал настольными играми. Среди них была одна, под названием КРАНИУМ¹⁵. «Игра для мозга? – подумала Хейверс. – Или о мозге? Или мозг необходим для того, чтобы играть в эту игру? В любом случае куплю», – решила она. Отличный выбор для профессора микробиологии. Барбара отдала деньги и быстро ретировалась.

Когда зазвонил ее мобильный, Хейверс уже возвращалась к станции метро. Она открыла его, не посмотрев на номер. Было неважно, кто звонил. При любых других обстоятельствах она бы сделала все возможное, чтобы не возвращаться на работу, но не сейчас. Сейчас она была не против работы. Работа помогала забыть.

Однако звонок был от Ажара, а не из Скотланд-Ярда. Услышав его голос, Барбара почувствовала радость.

Он увидел ее машину перед домом. Она не откажется уделить ему пару минут?

Черт, она сейчас на Оксфорд-стрит, хотя уже едет домой. Что-то случилось?.. Появилось что-то новое?.. Что-то, что ей надо знать?

Он сказал, что подождет ее. Сам он был дома, и недавно вернулся со встречи с мистером Доути.

– И?..

– Мы поговорим, когда вы вернетесь.

Его тон не предвещал ничего хорошего.

Барбара достаточно быстро добралась до Итон Виллас – чудо, если принять во внимание, что она пользовалась печально известной Северной веткой. С подарками в руках Хейверс направлялась к своему бунгало, когда Ажар вышел из своей квартиры. Он подошел и вежливо взял два из ее пакетов. Барбара поблагодарила, стараясь звучать беззаботно, как это и полагается в праздники. Однако по выражению его лица она поняла, что ее догадка после разговора с ним была правильной.

– Что хотите выпить? Чай или джин? У меня есть и то и другое. Немного рановато для джина, но какого черта. Если очень хочется, то немножко можно, – спросила Барбара.

– Если бы только Ислам позволял мне выпить, – улыбнулся Ажар.

– Всегда можно найти оправдание. Но я не хочу быть вашей искусительницей. Тогда чай. Крепкий. У меня еще есть кексы, и поверьте, я не каждому их предлагаю.

– Вы очень добры ко мне, Барбара, – Таймулла улыбнулся еще раз, но улыбка вышла какой-то кривой. Он всегда был очень воспитанным.

В своем маленьком бунгало Барбара зажгла электрический камин и сняла пальто, перчатки и шарф. Про вязаную шапку она еще не решила. Ее волосы начали отрастать, но она все еще смотрелась как пациент после курса химиотерапии. С самого начала Ажар деликатно обходил стороной тему ее новой прически. Маловероятно, что сейчас он изменит себе и станет задавать вопросы о ее бритой голове. Поэтому Барбара подумала, а ну его к черту, и, сняв шапку, бросила ее вместе с остальной одеждой на кушетку.

Она занялась приготовлением чая и разогреванием кексов в духовке. То, что у нее оказалось масло для кексов и молоко для чая, заставило ее думать о себе как о настоящей опытной хозяйке. Еще утром, до того как поехать за покупками, Барбара попыталась привести свою квартиру в какой-то относительный порядок. Это позволило Ажару усесть за стол и даже спокойно смотреть на кухню, не боясь увидеть ее трусики на веревке над плитой.

¹⁵ Cranium (лат.) – череп.

Он не начинал своего рассказа до тех пор, пока она не поставила на стол чайник с чаем, чашки, кексы и всякую другую ерунду. Потом, как будто издеваясь, завел светский разговор о покупках к Рождеству, здоровье ее матери и о том, что инспектор Линли будет встречать первое Рождество после смерти его жены. Наконец Таймулла сказал, что ездил в Боу по вызову Дуэйна Доути. Сначала он подумал, что у того были хорошие новости. Ажар решил, что Доути хочет лично продемонстрировать ему, чего смог достичь. Но оказалось все наоборот.

– Он просто хотел получить свои деньги. По-видимому, ему было недосуг ждать, пока чек дойдет по почте, и он попросил меня приехать лично.

– Он что-нибудь сказал? Ну хоть что-то?

Барбаре хотелось также знать, почему Ажар не пригласил ее поехать к детективу вместе. Но она мысленно остановила себя и взяла в руки. Великий Боже, у этого человека украли дочь, и ему было гораздо важнее узнать, нашлась ли она, чем думать о том, чтобы пригласить Барбару на этот разговор.

Ажар рассказал:

– Доути узнал девичью фамилию матери Анжелины. Рут-Джейн Сквиа. Но это все, что ему удалось. Судя по его источникам, Анжелина так и не воспользовалась ей ни для получения нового паспорта или водительского удостоверения, ни для получения фальшивой метрики или каких-либо других документов.

– И это все? – спросила Хейверс. – Ажар, я не вижу логики. Эти парни, частные детективы, только и знают, что нарушают закон. Все они делают это в большей или меньшей степени. Они роются в человеческом мусоре, подключаются к телефонам, взламывают электронную почту, перехватывают простую, используют платных агентов...

– Агентов?

– Ну да. Каких-нибудь мошенников, которые готовы за деньги добыть для них нужную информацию: например, позвонить врачу Анжелины и, притворившись социальным работником, спросить: а не могли бы вы мне сказать, действительно ли Анжелина заражена сифилисом?

– А зачем? – спросил Ажар удивленно.

– Затем, что люди начинают говорить, если думают, что у вас есть право задавать вопросы. Эти мошенники всегда выглядят и звучат более официально, чем официальные лица. Я думала, что их много в распоряжении Доути.

– У него есть помощник. Женщина. Но она искала в авиакомпаниях, таксопарках, поездах и в метро. Она ничего не нашла.

– Эта женщина присутствовала на вашей встрече с Доути? Она сама вам все это рассказывала?

– У Доути был ее письменный отчет. Сам я ее не видел. – Ажар скривился. – А это так важно? Ну, чтобы я сам с ней встретился?

Он взял кекс со стола, внимательно осмотрел его и положил обратно.

– Надо было взять вас с собой. Вы бы обо всем подумали. Но... Мне не терпелось узнать. Когда он позвонил мне и сказал, что нам надо срочно встретиться и что он не хочет обсуждать новости по телефону, – Ажар отвел взгляд, и Барбара почти реально ощутила весь тот груз, который давил на него, – я подумал, что он нашел ее. Я подумал, что вот сейчас я войду в офис, и она будет там, и, может быть, даже с Анжелиной. И мы все вместе сможем поговорить и прийти к какому-то соглашению.

Он взглянул на сидящую перед ним Хейверс.

– Конечно, это было глупо с моей стороны, но я уже много лет веду какую-то глупую жизнь.

– Не говорите так. В жизни случается всякое. Мы совершаем поступки, мы принимаем решения – все это ведет к каким-то последствиям. Так уж устроена наша жизнь.

– Да, это правильно. Но моя первая реакция была бездумной и иррациональной. Такой же, как когда я увидел ее, – сказал вдруг Ажар.

– Анжелину? – Сердце Барбары пропустило удар, по телу прокатилась дрожь возбуждения. – Где увидели?

– В том зале, где она сидела. Там были свободные места, но я подошел и спросил, могу ли я сесть рядом с ней, хотя это и было неправильно.

Он замолчал, то ли обдумывая свои слова, то ли оценивая, как они могут повлиять на его отношения с Барбарой.

– Именно тогда и там я решил, что у нас будут отношения. Это было решение, продиктованное только моим эгоизмом. И оно было таким глупым...

Барбара не была уверена, что знает, как должна реагировать на все это. Ее совершенно не касалось, как начиналась связь, позже приведшая к появлению на свет Хадии. Но то, что это ее не касалось и случилось в далеком прошлом, не значило, что она не может анализировать все это и делать выводы. Барбаре просто не нравилось гадать на кофейной гуще. Еще меньше ей нравились ее выводы. И она ненавидела саму себя за то, что и ее гадания, и ее выводы влияли на нее, на Барбару Хейверс. Они невольно заставляли ее стараться понять, что это значило – быть такой женщиной, как Анжелина Упман. Женщиной, на которую такой мужчина, как Ажар, мог посмотреть всего один раз и принять решение – решение, которое могло уничтожить весь его мир.

– Мне очень жаль. Я говорю не о Хадии. Думаю, вы о ней тоже не жалеете.

– Конечно, нет.

– Ну, так и на чем мы стоим? Вы заплатили Доути за его работу, и что теперь?

– Дуэйн сказал, что рано или поздно она где-то проявится. И что для меня было бы неплохо нанести визит родителям Анжелины. Еще он сказал, что она объявится у них рано или поздно, потому что люди редко рвут навсегда со своими семьями, особенно когда пропадают причины для этого.

– А причина эта, по-видимому, вы?

– Доути сказал, что если их ненависть ко мне была обусловлена тем, что я завел с ней интрижку, а затем отказался жениться, то мне надо приехать к ним и сказать, что теперь я готов жениться. Тогда все якобы будет прощено и забыто.

Барбара покачала головой.

– Ну, а это-то он откуда взял? Карты таро нашептали?

– Сестра Анжелины. Как он понял, ее сестра отнюдь не была полностью «изгнана и забыта», хотя совершила точно такой же поступок. Он утверждает, что разница только в том, что сестра все-таки вышла замуж. Из этого Доути заключил, что если я заявлю о своем намерении жениться, то родители расскажут мне все, что знают. Все, что они уже знают или еще узнают об ее исчезновении.

– А почему Доути считает, что они что-то знают? – спросила Барбара.

– Потому что никто не исчезает бесследно. То, что Анжелина не оставила никаких следов, доказывает, что ей кто-то помогал.

– Ее родители?

– Мистер Доути выразился следующим образом: ее родители относятся к категории людей, ничего не имеющих против внебрачных связей, если последние заканчиваются свадьбой. Он сказал, что на этом я и должен сыграть. Сказал, что мне надо учиться манипулировать другими людьми.

Таймулла взглянул на нее с легкой улыбкой, но глаза у него были такие усталые, что Барбаре захотелось обнять и укачать его. Манипулирование другими людьми никогда не было сильной стороной Ажара, даже в ситуации, когда он отчаянно хотел вернуть своего ребенка. Она не очень понимала, как это можно сделать.

- Ну, и каков же ваш план?
 - Поехать в Далвич и поговорить с ее родителями.
 - Тогда разрешите мне поехать с вами.
- Его лицо смягчилось.
- Друг мой Барбара, я надеялся, что вы мне сами это предложите.

Декабрь, 19-е

Далвич-вилидж, Лондон

Барбара Хейверс никогда до этого не была в Далвиче, но когда она только увидела это местечко, то поняла, что это та часть города, которая могла бы ей понравиться. Находившийся далеко к югу от реки, Далвич совсем не походил на городской район. Больше всего он был похож на то, что можно было бы назвать «зеленый пригород», хотя сейчас деревья, растущие вдоль всех улиц, были голыми. Но, глядя на их ветви, было понятно, что летом под ними была глубокая тень, а осенью – целое буйство красок. Они обрамляли широкие тротуары, на которых не было ни соринки и никаких следов жевательной резинки, которая покрывала все тротуары в Центральном Лондоне.

Дома в этой части вселенной тоже были впечатляющими: кирпичными, большими и дорогими. Магазины на центральной улице предлагали прохожему все, что угодно – от женских бутиков до дорогущих заведений «только для джентльменов». Начальные школы располагались в ухоженных зданиях викторианской постройки. А Далвич-парк, Далвич-колледж и Далвич-Холл были ярким примером того окружения, в котором протекала жизнь верхушки среднего класса, которая распивала коктейли и не соглашалась, чтобы отпрыски ее семей получали образование где-нибудь, кроме самых дорогих закрытых школ.

Состояние *рыбы, выброшенной на берег*, не полностью соответствовало состоянию Барбары, ехавшей на своем древнем «мини» по улицам этого района. Вся надежда была на то, что Ажар, внимательно изучавший карту на соседнем сиденье, найдет, наконец, искомый дом. Ей немного повезет, и она не будет чувствовать себя в нем как беженец из разрушенной войной страны, приехавший на машине, пожертвованной известной христианской организацией.

Однако ей не повезло. Дом, о котором Ажар тихо сказал: «Кажется, это то, что мы ищем», стоял на углу Фрэнк-Диксон-клоуз. Он был построен в неогеогианском стиле: идеально симметричный, большой, кирпичный и очень красивый. Дом был выкрашен в белый цвет, а решетка, дождевые трубы и стоки – в черный.

Ухоженная лужайка перед домом, без единого торчащего стебелька, была разделена на две части дорожкой, вымощенной плиткой, которая вела к входу. С каждой стороны дорожки уличные светильники освещали цветочные клумбы. В каждом окне самого дома было видно по искусственной свече – свидетельство наступившего сезона праздников.

Барбара припарковалась, и они с Ажаром уставились на это великолепие. Наконец Хейверс смогла произнести:

– Кажется, здесь не принято экономить.

Она посмотрела на соседние дома. Каждый дом, который попадался ей на глаза, стоил невероятных денег. Вне всякого сомнения, Фрэнк-Диксон-клоуз был мечтой домовладельца, превратившейся в реальность.

Когда Барбара и Таймулла постучали в дверь, никто не открыл. Под праздничным венком они нашли звонок и позвонили. Теперь им повезло больше, так как внутри дома они услышали: «Хамфри, дорогой, ты можешь открыть?» Через мгновение множество замков были переведены из положения «закрыто» в положение «открыто», дверь распахнулась, и перед Хейверс и Ажаром предстал отец Анжелины Упман.

Таймулла рассказал Барбаре, что Хамфри Упман был управляющим банком, а мать Анжелины – детским психологом. Он, правда, не упомянул, что мужчина был расистом, однако это сразу стало понятно. Его выдавало выражение лица. Это выражение называлось «все соседи

могут идти к черту»; ноздри Упмана раздувались, и он заблокировал дверь, как будто боялся, что Ажар сейчас ворвется в дом и вынесет фамильное серебро.

– Чем обязан... – произнес он, и было понятно, что он знает, кто такой Ажар, хотя и не очень понимает, кто такая Барбара.

Хейверс взяла ситуацию в свои руки, показав ему свое удостоверение.

– Хотелось бы поговорить, – пояснила она, пока тот пристально изучал документ.

– И что нужно от меня полиции?

Хамфри вернул удостоверение, но не открыл дверь, продолжая блокировать ее своим телом.

– Разрешите войти, и я с удовольствием объясню вам, – сказала Барбара.

Он подумал секунду и, показав пальцем на Ажара, сказал:

– Этот останется здесь.

– Сильно сказано, но это не лучшее начало для нашего диалога.

– А мне ему нечего сказать, – ответил банкир.

– Это хорошо, потому что ничего говорить и не нужно.

Барбара размышляла, сколько еще времени может занять этот спор на пороге, когда за его спиной раздалось:

– Хамфри, что слу...

Голос женщины замолк, когда через плечо мужа она увидела в дверном проеме Ажара.

– Анжелина пропала, – обратился к ней Таймулла. – Ее нет уже целый месяц. Мы пытаемся...

– Нам хорошо известно, что она пропала, – вмешался Хамфри Упман. – Давайте я вам все объясню – так, чтобы не было недопонимания. Если бы наша дочь умерла, то есть если бы она сейчас была мертва, это не имело бы для нас никакого значения.

Хейверс хотела спросить у него, всегда ли он испытывал такие теплые отцовские чувства по отношению к дочери, но не успела.

– Впусти их, Хамфри, – сказала мать Анжелины.

На что он, не глядя на нее, произнес:

– Мусору не место в этом доме.

Барбаре пришло в голову одно милое простонародное выражение, но она понимала, что его слова не относятся к ней. Целью его грубости был Ажар.

– Господин Упман, если вы будете продолжать в этом же роде...

Госпожа Упман прервала ее:

– Впусти их, Хамфри.

Тот помедлил – совсем чуть-чуть, просто чтобы показать жене, что позднее ей придется ответить за свои слова, – затем развернулся на каблуках и позволил ей распахнуть дверь и дать им войти. Миссис Упман провела их в гостиную, изумительно декорированную, однако без каких-либо признаков вкуса хозяйки. Было видно, что это работа профессионального декоратора. Через большие французские окна был виден сад – светильники, освещающие дорожки, фонтан, статуи, пустынные клумбы и лужайка.

В углу комнаты стояла елка – еще не украшенная, но было очевидно, что их приход оторвал Рут-Джейн именно от этого занятия. На полу были разложены гирлянды, а на камине стояла коробка с украшениями.

Она не предложила им сесть – не предполагалось, что они задержатся надолго – и спросила:

– У вас есть основания предполагать, что моя дочь мертва?

Это было произнесено голосом, начисто лишенным эмоций.

– Она с вами связывалась? – спросила Барбара.

– Когда она связалась с этим человеком, – косой взгляд на Ажара, – мы прекратили с ней всякое общение. Она не хотела понять нас, а мы не понимали ее. Поэтому мы отказались от общения с ней. – Миссис Упман обратилась к Таймулле: – И что же, она все-таки ушла от вас? Ну, а чего еще можно было ожидать?

– Она уже уходила от меня один раз, – сказал Ажар с чувством собственного достоинства. – Мы пришли к вам, потому что моим единственным желанием...

– *Неужели?* Неужели она уже уходила от вас? Но почему-то в тот раз, когда бы это ни было, вы не примчались сюда с расспросами. Почему же вы появились сейчас?

– Она пропала вместе с моей дочерью.

– Это с которой? – И, заметив удивление на лице Ажара, Рут-Джейн гордо добавила: – Да, мистер Ажар, мы все о вас знаем. В том, что касается вас, Хамфри хорошо поработал и получил от меня высокую оценку.

– Анжелина увезла с собой Хадию, – нетерпеливо вмешалась Барбара. – Я думаю, вам не надо объяснять, кто она такая?

– Полагаю, это та девочка, которую родила Анжелина.

– А я полагаю, что это та девочка, которая еще и скучает по своему папе.

– В любом случае, она меня не интересует. Так же, как и Анжелина. Так же, как и вы. Ни я, ни мой муж, никто из нас не знает, где она находится, куда направляется и где окажется в будущем. Что-нибудь еще? Я хотела бы закончить украшение елки, если вы не возражаете.

– Она с вами связывалась? – повторила сержант Хейверс.

– Я, кажется, только что сказала...

– Вы сказали, что не знаете, где она, куда направляется и где окажется в будущем. Вы не ответили, связывалась ли она с вами. Как мы с вами понимаем, во время вашего разговора ей совсем не обязательно было говорить, где она находится.

На это Рут-Джейн ничего не ответила. Попалась, подумала Барбара. Но она также подумала, что мать Анжелины Упман ни за что на свете не даст им никакой зацепки. Анжелина могла связаться с ней тысячью разных способов, чтобы сообщить, что ушла от Ажара. Но, в любом случае, Барбаре она в этом не признается.

– Ажар хочет знать, где находится его дочь, – спокойно сказала Барбара, – можете вы это понять?

Казалось, Рут-Джейн была абсолютно спокойна.

– Понимаю я это или нет, не имеет никакого значения. Мой ответ неизменен – у меня не было никаких личных контактов с Анжелиной.

Барбара достала свою визитную карточку и протянула ее женщине:

– Я бы хотела, чтобы вы позвонили мне, если что-то услышите. В любое время. Даже в Рождество.

– Вы можете хотеть все, что угодно, но мы не обязаны выполнять ваши желания. Даже в Рождество.

Барбара положила карточку на ближайший столик.

– Подумайте обо всем, что я сказала, миссис Упман.

Казалось, что Ажар хочет что-то добавить, но Барбара кивнула на дверь. Дальше спорить было бессмысленно. Рут-Джейн может сообщить им, если Анжелина с ней свяжется. А может и не сообщить. Повлиять на нее было не в их силах.

Они направились к двери. В коридоре на стенах висели фотографии. Несколько из них были моментальными черно-белыми снимками. Барбара остановилась посмотреть на них. Она поняла, что сюжет у всех был один и тот же – две девочки. На одной они строили песочный замок на берегу моря; на другой катались на карусели – одна сидела на высокой лошадке, другая – на низкой; на третьей протягивали морковки пони и ее очаровательному жеребенку.

Однако интересны были не сами сценки, не то, как фотографии были оправлены в рамки, и не то, как они были сделаны. Интерес вызывали сами девочки на фото.

Барбара поняла, что на фото были Анжелина и Батшеба. «Интересно, – подумала она, – почему никто никогда не сказал мне, что они были абсолютно идентичными близнецами?»

Декабрь, 20-е

Айлингтон, Лондон

У Барбары было чувство, что у них остался всего один, последний шанс. На следующий день, во время ленча, она решила проверить его, ничего не говоря Ажару. Он и так был достаточно расстроен. Для него выписанный Доути чек за услуги значил «расследование закончено, забудьте». Барбара же думала, что расследование может быть *закончено* для Доути, но для нее оно продолжалось. Она намеревалась использовать малейшую возможность и изучить мельчайшие улики, которые только можно заполучить. Барбара не могла смириться с тем, что Хадия и ее мать исчезли навсегда.

Она на удивление хорошо вела себя на работе. Понимая, что прошлого не воротишь и что происшедшее с ее прической сильно подпортило ее репутацию, старалась хотя бы своей одеждой исправить ситуацию и восстановить отношения с исполняющей обязанности суперинтенданта Изабеллой Ардери. Она носила колготки и тщательно полировала обувь. По распоряжению Ардери Барбара даже начала работать вместе с инспектором Джоном Стюартом и при этом совсем не жаловалась, хотя все ее инициативы вызывали у последнего приступы гнева. Курение на лестницах тоже было прекращено. Чуть не заболев от своей собственной идеальности, Барбара решила «пойти на сторону».

Она поехала в УАРД. У нее был домашний адрес сестры Анжелины, однако она справедливо полагала, что та встретит ее в своем доме не намного теплее, чем это сделали ее родители. Встреча на рабочем месте имела преимущество неожиданности.

УАРД располагался на Ливерпул-роуд, недалеко от Центра промышленного дизайна. Заведение было очень стильным, однако почти абсолютно пустым. Отсутствие экспонатов заставляло задуматься об отмывании денег. Ведь основной целью заведения была демонстрация дизайнерских достижений его неподржаемой хозяйки. Сама хозяйка была на месте. Барбара постаралась гарантировать ее присутствие телефонным звонком и договоренностью о встрече. Она не стала раскрывать хозяйке, что ее возможный клиент будет офицером полиции. Вместо этого Хейверс построила диалог на заклинании «я так много слышала о вас».

Она постаралась узнать кое-что о хозяйке. Сделано это было накануне, когда, по распоряжению инспектора Стюарта, Барбара вводила данные по расследованию в компьютерную систему. Инспектор пытался высказать ей свое «фэ», заставляя ее заниматься работой, которую обычно выполняла квалифицированная машинистка. Вместо того, чтобы спорить и всячески высказывать свое недовольство, она сказала: «Есть, сэр» и улыбнулась ему одной из своих самых мирных улыбок, заставив Стюарта заподозрить какой-то подвох в столь быстром ее согласии. Таким образом, у Хейверс была возможность кое-что узнать о Батшебе Уард, в девичестве Упман. Поэтому, входя в шоу-рум, она уже знала, что Батшеба бросила университет ради школы дизайна, после того как потерпела неудачу как профессиональная модель из-за своего роста. Она также потерпела неудачу, пытаясь найти свое место в банке с пауками, которую называли миром высокой моды. В мире мебельного дизайна, напротив, Батшеба была очень успешна. Об этом говорило множество дипломов, развешанных по стенам шоу-рума, рядом с образцами мебели, которые их завоевали. Венцом карьеры миссис Уард было приобретение одного из ее созданий музеем Виктории и Альберта¹⁶, а другого – музеем Лондона. Эти два

¹⁶ Крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна.

события были хорошо освещены памятными табличками и тщательно сохраненными статьями из глянцевого журнала в кабинете хозяйки.

Сам ее вид вызвал у Барбары тревожные чувства. Батшеба была так похожа на свою сестру, что, на первый взгляд, их легко можно было поменять местами. Однако при более пристальном рассмотрении Хейверс поняла, что Батшеба была *зеркальным* отражением Анжелины: все особенности их лиц располагались в зеркальном отображении по отношению друг к другу. Родинка в уголке левого глаза у Батшебы была у правого глаза Анжелины, то же самое наблюдалось и с крохотной оспинкой. Кроме того, у Батшебы начисто отсутствовали веснушки, но это могло объясняться тем, что она старалась не бывать на солнце.

Ей также не хватало теплоты Анжелины, хотя, как теперь понимала Барбара, эта теплота была только фасадом, скрывавшим с самого начала коварные планы Анжелины сбежать вместе Хадией. С большой долей вероятности можно было предположить, что доброты у обеих сестер было не больше, чем у анаконды, притаившейся на дереве. Барбара мысленно напомнила себе, что надо быть готовой ко всему.

Однако оказалось, что беспокоиться ей не о чем. Как только выяснилось, что Барбара попала сюда с помощью обмана и не собирается приобрести за двадцать пять тысяч фунтов композиционный центр для своей эксклюзивной квартиры на берегу реки в Уоппинге, как отношение Батшебы Уард резко изменилось, чего она даже не пыталась скрыть.

– Со мной уже связывались по этому поводу, – недовольно произнесла она.

Женщины сидели за столом для переговоров, на котором, перед встречей, Батшеба разложила фотографии своих произведений. Они были великолепны, о чем Барбара сказала ей перед тем, как раскрыть тайну своего инкогнито и причину, по которой она отнимала «драгоценное время» хозяйки.

– Этот частный детектив, которого нанял сожитель моей сестрицы, чтобы тот нашел непонятно что, и который приходил сюда, – заявила Батшеба. – Я объяснила ему, что не имею ни малейшего представления, где находится Анжелина или с кем она сожительствует в настоящий момент. Поверьте мне, она *обязательно* с кем-нибудь сожительствует. Мне это абсолютно все равно. Она может жить со мной в соседнем доме, и я ничего не буду об этом знать. Я не видела ее целую вечность.

– Думаю, что вы все-таки сможете ее узнать, – заметила Барбара с некоторой долей сарказма.

– Быть идентичными близнецами еще не значит иметь идентичные мысли, сержант... – Дизайнер взглянула на визитную карточку Барбары, которую держала в наманикюренных пальцах. Произнося это, она повернулась к своему рабочему столу, на котором стояла фотография носатого мужчины, который был, по-видимому, ее мужем. Здесь же была и фотография двух достаточно взрослых детей, один из которых держал другого на руках; это, должно быть, ее приемные дети от первой жены носатого. – Хейверс, – закончила она читать фамилию Барбары на карточке. Саму карточку Батшеба бросила на стол.

– Она умудрилась исчезнуть, не оставив никаких следов. Все ее вещи тоже исчезли, и до сих пор мы не смогли выяснить, как и куда она перевезла их вместе с Хадией.

– Может быть, она передала свои вещи, – в устах Батшебы это прозвучало как «передала свой навоз», – в «Оксфам»¹⁷, например. Ведь в этом случае не остается никаких квитанций? Как вы думаете?

– Возможно, – согласилась Барбара, – но и в этом случае понадобится чья-то помощь – если везу не я сама, то это должен сделать за меня кто-то другой. Кроме того, мы так и не смогли определить, на чем она уехала из Чолк-Фарм, – был ли это общественный транспорт, такси или мини-кеб. Как будто она испарилась, или кто-то помог ей в этом.

¹⁷ Благотворительная организация, занимающаяся, помимо других проектов, сбором вещей для нуждающихся.

– Ну, уж конечно, это была не я. И если вы не смогли ничего выяснить про того, кто помог ей испариться, то, может быть, стоит рассмотреть более неординарные варианты?

– Например?

Батшеба отодвинула стул и встала из-за стола. И стол, и стул были ее собственного дизайна: изящные и современные, с множеством вставок из дорогих пород дерева. Сама она тоже была современной и изящной, с такими же длинными и светлыми волосами, как и у ее сестры, с чувством меры, которое ненавязчиво подчеркивало в ней все ее достоинства. Создавалось впечатление, что она часами занимается в спортзале с персональным тренером. Казалось, что даже мочки ее ушей ежедневно получали задание на упражнения, которые сохраняли их такими молодыми и привлекательными.

– А не думали ли вы сами, или этот ваш частный детектив, что от нее с дочерью просто избавились?

Барбара смогла понять, что имеет в виду Батшеба, только через несколько секунд.

– Вы имеете в виду, что они убиты? Но кем? В квартире не было никаких следов борьбы. И она наговорила сообщение на мой автоответчик, при этом не звучала как человек, которого насильно заставляют говорить, держа нож у горла.

Батшеба пожала плечами.

– В принципе, я не могу объяснить появление ее послания. Но мне просто интересно... Кажется, что все безоговорочно верят ему.

– Кому?

Большие глаза Батшебы, голубые, как и у ее сестры, стали еще больше.

– Вы, что, хотите, чтобы я назвала имя по буквам?

– Так вы имеете в виду Ажара? Вы полагаете, что он убил Анжелину и Хадию – свою дочь, – а теперь, уже в течение пяти месяцев, разыгрывает безутешное горе с искусством, достойным премии «Оскар»? Ну и что же он сделал с телами, по вашему мнению? – поинтересовалась сержант Хейверс.

– Наверное, закопал, – миссис Уард улыбнулась дьявольской улыбкой. – Думаю, вы в состоянии представить себе, как это могло произойти. Никто из нас, из членов семьи, не видел ее в течение многих лет. Мы бы и не узнали, что она исчезла. Я просто рассматриваю все возможные варианты.

– Ваше предположение просто смехотворно. Вы когда-нибудь встречали Ажара?

– Однажды, давным-давно. Анжелина привела его в винный бар, чтобы похвастаться. Моя сестричка любила повыпендриваться. Всегда хотела показать мне, чего достигла, чем смогла отличаться. Честно говоря, она, так же как и я, ненавидела быть близнецом. Наши родители вбивали в нас это понятие – «быть близнецами». Думаю, они до сих пор не знают точно, кто из нас кто. Для них мы просто «близнецы». Иногда нам везло, и мы превращались в «девочек».

Барбара заметила в ее повествовании прошедшее время и обратила на него внимание Батшебы. Однако ее ничто не могло сбить с толку, эту Батшебу Уард, и она объяснила, что не видела сестру много лет, с того момента, когда они встретились в «Старбаксе» в Южном Кенсингтоне и Анжелина торжественно объявила о своей беременности. С этого момента прошло десять лет.

– Дальнейшие встречи потеряли смысл, так как моя сестрица только и делала, что тыкала мне в нос этим младенцем, – пояснила женщина.

– А у вас детей нет? – язвительно спросила Барбара.

– Двое, как видите на фотографии, – она указала на рамку на ее столе.

– Немного староваты, чтобы быть вашими.

– Понимаете, дети не обязательно должны быть... как бы это сказать... физическим творением женщины.

Барбара задумалась, что может подразумеваться под физическим творением. И о каком творчестве вообще можно говорить в применении к хомо сапиенс. Однако она понимала, что не стоит уводить беседу в сторону философских рассуждений.

Единственной необсужденной темой остался уход Анжелины к другому мужчине некоторое время назад. Что Батшеба может рассказать об этом? Знает ли она вообще о том, что Анжелина уже один раз уходила от Ажара и Хадии? Говорили, что она уезжала в Канаду, но это могла быть любая другая точка на планете.

– Я не удивлена, – беззаботно сказала Батшеба.

– Почему?

– Я думаю, что отношения между Анжелиной и Как-его-там-зовут стали для нее обычными. Поэтому, если вы сейчас ее ищете и уверены, что она к кому-то сбежала, ищите мужчину, который был бы для Анжелины необычен так же, как был необычен этот Как-его-там-зовут в самом начале их знакомства.

Барбаре хотелось схватить ее за горло и заставить произносить *Таймулла Ажар* до тех пор, пока она, наконец, не поймет, что это имя живого человека, а не название какой-то постыдной болезни, которое не принято произносить вслух. Но что бы это дало? Батшеба просто найдет другой способ унизить Ажара, и на сей раз выберет предметом для этого его национальность или религию. Барбаре также хотелось сказать ей, что ее мистер Нос был не таким уж большим подарком. Ее сестра, по крайней мере, все-таки выбрала красивого мужчину.

Но вместо всего этого она вежливо заметила:

– Его зовут Ажар. Ваша сестра называла его Хари. Это легко запомнить, а?

– Ажар, Хари... Да как вам будет угодно. Я только хочу сказать, что Анжелина всегда интересовалась и интересуется мужчинами, которые на нее не похожи.

– В каком смысле?

– В любом. В любом смысле, который отличается от того, который делает ее саму такой особой, – ответила миссис Уард. – Она жизнь положила на то, чтобы стать особой. Я ее за это не виню. Наши родители хотели, чтобы мы были близки. Чтобы мы были любящими, способными понимать друг друга без слов, ну и всякое такое. Нас одинаково одевали и заставляли проводить время в компании друг друга с момента нашего рождения. «Радуйтесь вашей идентичности, – говорила моя мать, – другие люди готовы убить за возможность иметь идентичного близнеца». Она не задумывалась, что, может быть, есть люди, которые с радостью готовы убить своего близнеца...

Все, что касалось убийства Анжелины, имело две стороны. С одной стороны, Ажар мог убить своих любовницу и дочь, с другой, что мешало Батшебе Уард поступить так же со своей сестрой и племянницей? В великом городе Лондоне случались вещи и поневероятнее.

– Кажется, что вы совсем не волнуетесь о ней или о вашей племяннице?

Батшеба улыбнулась фальшивой улыбкой.

– Вы же, кажется, уверены, что Анжелина жива. А я верю вам на слово. Что касается моей племянницы, то ее я вообще не знаю. И уверяю вас, никто в нашей семье не горит желанием ее узнать.

Боу, Лондон

Дуэйн Доути мог быть *вторым* последним шансом Барбары. Ибо та просто не умела смиряться с поражением, если сохранялся хоть малейший шанс. Наверное, если бы она увидела Офелию, проплывающую мимо нее под мостом, она бросила бы ей веревку на случай, если та передумает.

Поэтому вечером Хейверс поехала в Боу.

Там ничего не изменилось со времени их последнего визита. Правда, людей на улице было побольше. На Роман-роуд в различных кафе и кебабных начинался вечерний час пик, а в халяльном гастрономе вещи на кассах упаковывались, казалось, еще до того, как дамы в чадрах успевали за них заплатить. Банк уже закрылся, но дверь, ведущая в офис Дуэйна Доути, была открыта, и Барбара вошла. На лестнице она увидела Доути, разговаривающего с каким-то андрогенным существом, оказавшимся Эм Касс, женщиной, которая, по рассказам Ажара, была сотрудницей Доути. Когда они заметили ее, Касс и Доути обменялись взглядами, которые показались Барбаре настороженными. Они были немножко похожи на провинившихся любовников, которыми, по мнению Барбары, вполне могли бы быть на самом деле. До тех пор, пока Доути не назвал свою визави Эмили, Барбара думала, что он относится к категории мужчин, которым нравятся мальчики. Но это предположение было очень далеко от действительности.

Они обсуждали триатлон и какого-то парня, Брайана, который собирался присоединиться к Эм позже с секундомером, минеральной водой и эспандером. Видимо, это казалось Доути смешным, а Эм с ним не соглашалась.

Дуэйн объяснил Барбаре, что на сегодня они уже закончили и что ей надо было предварительно позвонить. Сейчас же, к сожалению, ему, как и Эм, надо идти.

– Да, надо было позвонить, – согласилась Барбара. – Но я была здесь неподалеку и решила попытать счастья. Всего пять минут вашего времени...

Было видно, что они не поверили ни в «была здесь неподалеку», ни в «пять минут». Случайно в районе Роман-роуд никто не оказывался, и ничего из того, чем они занимались, нельзя было сделать за пять минут, если только речь не шла о принятии оплаты за их труды. На это и пяти минут было много.

– Пять минут, – повторила Барбара, – ну пожалуйста. – Она достала чековую книжку, из которой выпал раздавленный мотылек. Плохой знак, но тогда она не обратила на это внимания. – Конечно, я заплачу.

– Вы хотите поговорить об...

– Все о том же.

Доути и Касс опять переглянулись.

Барбаре это показалось подозрительным. Дело в том, что Барбаре было хорошо известно, что среди частных детективов встречалось очень много разного рода мошенников. Например, они очень любили сообщать результаты своих изысканий разного рода таблоидам. Если Доути или его помощница занимались именно этим, то Барбара хотела бы узнать, что же такого им удалось выяснить, помимо того, что ей было уже известно.

Доути вздохнул и повторил:

– Пять минут.

Он открыл дверь и пропустил Барбару в офис.

– А как насчет?.. – спросила Барбара, имея в виду его помощницу.

– Подготовка к триатлону – дело ответственное, – объяснил Дуэйн. – Вам придется удовольствоваться моей компанией.

– А что конкретно она для вас делает?

Барбара прошла в офис, в то время как Эм Касс быстро сбежала по ступенькам.

– Эмили? Да все, что надо, – работает на компьютере, собирает информацию, отвечает на звонки, иногда опрашивает посетителей...

– А как насчет торговли конфиденциальной информацией?

На это Доути никак не прореагировал, всем своим видом желая убедить Барбару в том, что уж он-то абсолютно уверен, что его помощница не может преуспеть ни в чем, кроме плаванья, езды на велосипеде и преодоления марафонской дистанции.

– Послушайте, я говорила с Ажаром. Я знаю все, что вы ему сказали. Никаких следов. Бесследно исчезли. Но никто не исчезает, не оставив хоть каких-то следов, и, убейте меня, я не понимаю, как Анжелине Упман это удалось.

– Я тоже. Но таковы факты. Так иногда случается.

– Если бы еще она была одна. Тогда, приложив максимум усилий... Предположим, она могла бы выскользнуть, когда ее никто не видел или, что еще вероятнее, не обратил на нее внимания. Но это не тот случай – кто-то всегда что-то замечает. И она не одна. С ней девятилетняя девочка, которая, кстати, очень близка со своим отцом. Поэтому, даже если Анжелина хочет сохранить все в тайне, в какой-то момент ребенок может заговорить об отце и начать спрашивать, где он и почему они не послали ему даже открытки.

Доути согласно кивнул, но затем заметил:

– В подобных ситуациях детям рассказывают всякие небылицы об их родителях. Вы знаете, как это бывает.

– Ну, например?

– Ну, например: «Мы с папой разводимся», или «Папа сегодня упал в офисе и умер», или что-то вроде этого. Все дело в том, что она очень ловко замела следы. Я так и сказал об этом профессору. Если здесь можно сделать что-то еще, то ему придется поискать кого-то другого, потому что я не знаю, что еще здесь можно сделать.

– Ажар сказал, что вам удалось выяснить девичью фамилию ее матери – Рут-Джейн Сквиа.

– Ну, это-то было не очень трудно. Он и сам мог бы это узнать.

– Имея в своем распоряжении всё – фамилии, адреса и другие детали, мошенник, и мы оба это знаем, может сделать себе все, что угодно – открыть банковский счет, абонировать почтовый ящик, купить симку для мобильного телефона, паспорт, водительское удостоверение и так далее. А вы все-таки настаиваете, что никаких следов нет?

– Именно. Это может не нравиться мне или вам, это точно не нравится профессору, но это правда жизни.

– А кто такой Брайан?

– Простите?

– Я слышала, как Эмили упомянула имя Брайан. Он один из ваших платных агентов?

– Мисс... э-э-э... Хейверс, кажется?

– Отличная память, приятель.

– Брайан – это мой технический специалист. Он работал с компьютером, который малышка оставила в комнате.

– И?

– Безрезультатно. Компьютером пользовалась девочка. Мать до него не дотрагивалась. То есть мы опять можем сказать, что он не содержит ничего, что хотя бы отдаленно могло указать на заговор.

– Тогда почему на нем уничтожили всю информацию?

– Может быть, чтобы запутать нас. Представить все так, как будто на нем была важная информация, тогда как на самом деле ее не было.

Доути встал. Всем своим видом он показывал: время прощаться и ей пора уходить.

– Вы просили пять минут – я дал их вам. Дома меня ждет жена и разогретый обед, и если вы еще захотите со мной поговорить, нам придется перенести нашу встречу на другое время.

Барбара смотрела на него. Что-то должно быть, если не здесь, то в другом месте. Но она понимала, что здесь ей больше ничего не светит, если только она не готова загонять под ногти частного детектива бамбуковые щепки. Хейверс достала из сумки ручку и открыла чековую книжку.

Доути вытянул руку, как бы защищаясь.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Это за счет заведения.

Апрель, 15-е

Лукка, Тоскана

Он решил, что наилучшим местом для проведения операции будет *mercato*¹⁸. Их было много повсюду, но самый большой *mercato* Лукки находился в крепостных стенах, которые окружали старую часть города. *Mercato* на пьяцца Сан-Мигеле проходил не каждый день, и обычно на него собирались жители со всей округи, входившие на площадь через одни из старых ворот для того, чтобы продать все, что у них было, – от шарфов до головок сыра. Однако пьяцца Сан-Мигеле была окружена крепостными стенами, и это значительно затрудняло отход. Приходилось выбирать между *mercato* на Корсо Джузеппе Гарибальди, в десятке метров от ворот Порта Сан-Пьетро, и известным своей сумасшедшей атмосферой *mercato*, который тянулся от Порта Элиза до Порта Сан Джакопо.

На его выбор повлияли сама атмосфера на рынке и категория посетителей. На Корсо Джузеппе Гарибальди ходили в основном туристы и люди состоятельные, готовые платить немалые деньги за те деликатесы, которые там продавались. Именно поэтому семья не часто посещала этот *mercato*. Таким образом, он остановился на другом *mercato*, который тянулся вдоль длинной извилистой линии пассаджиата делле Мура Урбане, которая пролегла параллельно еле заметным остаткам разрушенной городской стены. Посетители на этом рынке были вынуждены маневрировать между покупателями, лающими собаками и нищими. Крики «*lo venderebbe a meno?*»¹⁹ перекрывали звуки разговоров, споров, музыки и криков в мобильные телефоны. Чем больше он об этом размышлял, тем больше убеждался в том, что *mercato* на пассаджиата делле Мура Урбане идеально подходил для задуманного. В этом месте все что угодно могло пройти незамеченным; кроме того, оно находилось очень близко к дому на виа Санта Джемма Галгани, куда семья еженедельно приходила на ленч. В хорошие дни – как, например, этот, – ленч накрывали в саду, лишь малую часть которого можно было рассмотреть с улицы.

Все сначала подумают, что ребенок скрылся именно здесь – в доме или в саду. Этот вывод напрашивался сам собой, и он представлял себе, как все произойдет. Папá обернется и увидит, что рядом ее нет, однако не обратит на это внимания, потому что рядом был дом, стоящий посреди прекрасного сада, и в этом доме жил мальчик, почти одного возраста с девочкой. Она называла его Куджино Гугли – произносила Гуу-Лии, поскольку ее знания итальянского были ограничены, и она еще не могла выговорить Гульельмо. Мальчику было все равно, потому что он тоже не мог правильно произнести ее имя. Да, в общем, это было и не важно – их связывал *calcio*²⁰. А для того чтобы любить *calcio*, не надо было изучать иностранные языки. Надо было просто очень хотеть, чтобы мяч влетел в сетку ворот.

Она не должна испугаться, когда он подойдет. Ей много раз объясняли, что бояться надо тех, кто ищет потерянных животных, тех, кто стоит за припаркованными машинами с котятками в коробке, *cara bambini*²¹, тех, кто источал запах похоти и желания, плохо одетых и с вонючим дыханием, немытых и тех, кто приглашает в особое место, где тебя ждет что-то особенное. Ни под одно из этих описаний он не подходил.

¹⁸ Базарная площадь (итал.).

¹⁹ А подешевле не пойдет? (итал.)

²⁰ Футбол (итал.).

²¹ Дорогое дитя (итал.).

У него был внешний вид *a faccia d'un angelo*²², как любила говорить его мама, и слово. Это слово он никогда не слышал ни на одном из трех языков, на которых говорил; но ему объяснили, что оно убедит ребенка в подлинности той сказки, которую он ей расскажет. Услышав это слово, девочка прекрасно поймет его. Именно поэтому для этой работы выбрали его, а не кого-нибудь другого.

Так как он был профессионалом, то потратил некоторое время на сбор информации, необходимой для выполнения задания. Большинство людей, он знал это, всегда следовали рутине. Это сильно облегчало ему жизнь. Месяц наблюдений, скрытных сопровождений и тщательных записей дали ему то, что было необходимо. Когда ему сообщили дату, он был готов.

Они припаркуют свою «Лянчу» за крепостной стеной, на *parcheggio*²³ рядом с пьятцале Дон Альдо Меи, и расстанутся на два часа. Мамаша направится на виа делла Цитаделла, где находился класс йоги. Папá и Детка направятся в Порто Элиза. Путь Мамашы был длиннее, но она несла только коврик для йоги и, кроме того, любила физические упражнения. Папá и Детка несли по пустой *borsa della spesa*²⁴, заранее готовясь к тому, что, когда они будут уходить с *mercato*, эти корзинки будут полны покупок.

Сейчас он уже настолько хорошо знал их, что мог бы точно предсказать, как будет одета Мамаша, и назвать цвета *borse*, которые будут нести Папá с Деткой. Его будет зеленой и сделанной из мягкой ткани; ее – оранжевой и сделанной из твердого материала. Они действительно были рабами привычек.

В день, когда все должно было произойти, он рано расположился на *parcheggio*. Он наблюдал семейство уже восьмой раз и был абсолютно уверен, что ничто не сможет изменить их рутину. Он не спешил. Потому что, когда делаешь работу, ее надо делать идеально и так, чтобы в течение нескольких часов никто не мог догадаться, что что-то случилось.

Свою машину он оставил на стоянке рядом с виа ле Гульельмо Маркони – приехал за несколько часов до открытия рынка, чтобы занять место рядом с выездом. По пути на пьятцале Дон Альдо Меи купил большой кусок *focaccia alle cipolle*²⁵. После еды пожевал мятные таблетки, чтобы отбить запах лука. Из своей наплечной сумки достал карту и разложил ее на капоте машины, как будто искал дорогу. Теперь для любого наблюдателя он был один из множества туристов, приехавших в Лукку.

Семейство прибыло с десятиминутным опозданием, но это не играло большой роли. Как всегда, они припарковались прямо за воротами: Мамаша отправилась на свой урок йоги, а Папá и Детка – в туристическое бюро, где есть туалет. Они были очень практичными людьми, ведь на *mercato* туалетов уже не было.

Он ждал их на улице. День был просто великолепен – светило яркое солнце, но было еще не так жарко, как будет месяца через три. Деревья, растущие на стене у него за спиной, были покрыты новыми, свежими, незапыленными листьями, и сейчас они бросали тень на *mercato*, слегка шевелясь на легком ветерке. Позже солнце станет вертикально над *mercato*, безжалостно светя прямо на прилавки, а к вечеру яркий свет перейдет с продавцов на древние здания на другом конце площади.

Он зажег сигарету и с удовольствием затянулся. Сигарета была почти докурена, когда Папá с Деткой вышли на улицу и направились на *mercato*.

Он пошел за ними. За все то время, что он наблюдал за ними, он уже выучил, когда и где они остановятся. Место, где ему нужно будет действовать, он выбрал очень тщательно. Рядом с городской стеной у Порто Джакопо, в дальнем конце *mercato* играл музыкант. В этом месте

²² Лицо ангела (итал.).

²³ Парковка (итал.).

²⁴ Корзина (итал.).

²⁵ Фокачча с луком (итал.).

Детка всегда останавливалась и слушала музыку, зажимая в ладошке двухъевровую монету, предназначенную для музыканта. Там она ждала, пока подойдет Папá. Но сегодня рутина будет нарушена. Она будет уже далеко, когда подойдет ее Папá.

Как всегда, *mercato* был полон людей. На него никто не обращал внимания. Когда эти двое останавливались, он останавливался тоже. Они купили фрукты и разные овощи. Потом Папá купил свежую пасту, пока Детка танцевала вокруг кухонных принадлежностей и пела «Ей нужен был кухонный нож...». Сам он, по случаю, купил терку для сыра. А потом эти двое перешли к шарфам. Шарфы были дешевые, но очень красочные, и Детка всякий раз пробовала все новые и новые способы укутать ими свою восхитительную шейку. Это могло продолжаться до бесконечности, но ее еще ждал магазин, где всё, от корзинок до украшений для волос, стоило один евро. Обувь была аккуратно выставлена в ряд, и любой, если у него были чистые ноги, мог ее примерить.

Затем Детка перешла к рассмотрению интимных предметов дамского туалета, солнечных очков и кожаных *cinture*²⁶. Папá попробовал один из них, просунув его в шлевки выгоревших джинсов, но забраковал и вернул назад. К этому моменту Детка убежала далеко вперед. Отрезанная голова свиньи означала начало прилавков *macellaio*²⁷, с их великолепным выбором мяса всех сортов, но Детка не обратила на них никакого внимания и направилась к Порта Сан Джакопо. С этого момента все будет развиваться по неизменной схеме, и он достал из кармана аккуратно сложенную пятиевровую бумажку.

Музыкант был на своем обычном месте – в двадцати ярдах от Порта Сан Джакопо. Как всегда, вокруг него собралась толпа – он исполнял итальянские народные песни, аккомпанируя себе на аккордеоне. Вместе с ним выступал танцующий пудель. Аккордеонист пел в микрофон, прикрепленный к вороту его рубашки. Рубашка с закатанными рукавами оставалась неизменной из недели в неделю.

Он подождал, пока будут исполнены две песни. Затем понял, что его час настал. Детка наклонилась вперед, чтобы положить свои два евро в корзинку, и он продвинулся вперед в тот момент, когда она возвращалась к остальным слушателям.

– *Scusa*²⁸, – обратился он к ней, когда она встала рядом с остальными зрителями. – *Per favore, glielo puoi dare...*²⁹

Он раскрыл руку. Пятиевровая бумажка была аккуратно сложена пополам. Она лежала на поздравительной открытке, которую он вынул из кармана пиджака.

Она улыбнулась, слегка прикусив губу. Подняла глаза.

Он кивнул на корзинку с деньгами.

– *Per favore*, – повторил он с улыбкой и продолжил: – *Anche... leggi questo. Non importa...*³⁰

Не закончив фразы, он опять улыбнулся. Открытка была не запечатана, чтобы можно было легко прочитать, что в ней написано.

А затем он добавил то, что, как он знал, должно было убедить ее. Это было то самое слово, и ее глаза широко раскрылись от удивления. Он перешел на английский и, тщательно подбирая слова, так, чтобы не спугнуть ее, произнес:

– Я буду ждать на другой стороне Порта Сан Джакопо. Вам абсолютно нечего бояться.

²⁶ Ремни (итал.).

²⁷ Мясник (итал.).

²⁸ Простите (итал.).

²⁹ Пожалуйста, могу я дать... (итал.)

³⁰ Пожалуйста, прочтите это... Это не важно, но... (итал.)

Апрель, 17-е

Белгравия, Лондон

День выдался очень странным. Барбара Хейверс уже давно привыкла к таинственности, которая всегда окружала Томаса Линли, но даже она удивилась, случайно узнав, что он с кем-то встречается. *Если* только это могло быть названо встречами. Оказалось, что его социальная жизнь после сложного расставания с Изабеллой Ардери состояла из регулярных посещений спортивных событий, о которых Барбара даже не слышала.

Линли настоял на том, чтобы она увидела все собственными глазами. Незабываемый опыт, как сказал он. Из всех сил она пыталась откреститься от этих настойчивых попыток расширить ее кругозор. Но, рано или поздно, ей пришлось покориться. Так она оказалась на турнире на выбывание по роллер-дерби, в котором победила группа атлетически сложенных женщин из Бирмингема, выглядевших так, как будто они получали дополнительное удовольствие от поедания маленьких детей на завтрак. Во время соревнований Линли объяснил ей все тонкости спорта. Он называл позиции и ответственность разных игроков, штрафы, очки. Он говорил о паке и о том, что пак обязан сделать для джаммера. Вместе со всеми остальными, включая, надо признать, и Барбару, он вскакивал на ноги и громко протестовал, когда кто-то получал локтем в физиономию, а штраф не назначался.

Через несколько часов Хейверс задумалась, какого черта она здесь делает. Затем ей пришло в голову, что Линли привел ее сюда, чтобы познакомить со спортом, который поможет дать выход ее собственной агрессии. Потом, в конце бог знает какой по счету схватки – она уже перестала их считать – к ним подъехала игрок с молниями, нарисованными на щеках, кроваво-красной краской на губах и сиянием, поднимающимся к бровям. Это воплощение атлетизма сняло шлем и произнесло:

– Как приятно видеть вас снова, сержант Хейверс.

Перед Барбарой стояла Дейдра Трейхир. Теперь ей все стало понятно.

Сначала Барбара подумала, что ей приготовлена роль дуэньи. Наверное, Линли нужен кто-то, кто успокоит ветеринара и позволит ей принять приглашение на обед. Но оказалось, что Томас регулярно встречается с Дейдрой Трейхир после их первой встречи в прошлом ноябре. Именно на этой встрече он был, когда не смог перезвонить ей. Сначала на матче, а потом просто пригласил Дейдру выпить. Он не сильно продвинулся вперед с того памятного дня, о чем сам не замедлил сказать Барбаре, пока они ждали Дейдру после окончания соревнований.

Дейдра Трейхир появилась, и последовало то, что, видимо, происходило каждый раз, когда они с Линли встречались. Она пригласила их с Барбарой на послематчевую вечеринку в пабе под названием «Три Великих Короля». Линли отказался и в свою очередь пригласил их с Барбарой на ранний обед. Дейдра сказала, что не одета для выхода. Линли ответил – Барбара так поняла, это было новым в их общении, – что это не имеет значения, так как он накрыл обед у себя дома. Если Дейдра – и, конечно, Барбара – согласились бы зайти к нему, он с удовольствием отвезет Дейдру в гостиницу после обеда.

Умно, подумала Барбара и решила не обижаться на Линли за то, что он беззастенчиво ее использовал. Она только надеялась, что обед Томас готовил не сам, иначе тот запомнится им надолго, и совсем не из-за великолепных вкусовых качеств блюд.

Дейдра в задумчивости переводила взгляд с Линли на Барбару. К ним подошла женщина невероятных размеров, настоящая амазонка, и спросила, не идут ли они в паб, опрокинуть пару рюмочек. В этом пабе, как оказалось, некто по имени Маккуинн ожидал Дейдру, чтобы сразиться в дартс. Имея такую возможность сбежать, Дейдра ею, тем не менее, не воспользо-

валась. Посмотрев сначала на Линли, а потом на амазонку, она ответила, что, к сожалению, в этот раз не сможет присоединиться ко всем, и попросила Лизу извиниться за нее. Та понимающе взглянула на нее и на Линли – и отошла. Она сказала, что беспокоиться нечего и что она все сделает.

Барбара подумала, не пора ли ей сматываться теперь, когда визит Дейдры в дом Томаса был гарантирован, но Линли сразу пресек все ее попытки сбежать. Кроме того, она оставила свой «мини» на въезде в гараж за углом от его дома. Хочешь не хочешь, но поехать придется, хотя бы для того, чтобы освободить дорогу.

По дороге в Белгравию они вели светскую беседу на тему, столь близкую тысячам их соотечественников, – говорили о погоде. После этого Дейдра и Линли заговорили о гориллах, хотя Барбара так и не смогла понять, какая тут была связь. Одна из трех горилл была счастливо беременна. С другой стороны, что-то случилось с правой передней ногой одного из слонов; велись переговоры о приезде нескольких панд; а Берлинский зоопарк не оставлял надежды заполучить белого медвежонка, родившегося в прошлом году. Линли хотел знать, трудно ли выращивать белых медведей в неволе. Выращивать в неволе всегда трудно, объяснила Дейдра – и замолчала, как будто сказала какую-то двусмыслицу.

Они поставили машину Томаса в гараж, переделанный из бывшей конюшни. Так как Барбаре надо было отъехать, чтобы дать Линли возможность припарковаться, она завела старую песню о том, что ей пора.

– Не глупите, Барбара, я знаю, что вы умираете от голода. – И Томас бросил на нее взгляд, который невозможно было не понять: она не имела права покинуть его в этот напряженный момент.

Барбара абсолютно не представляла, как она может помочь Линли. Он не был виноват в том, что обладал титулом, что его предки упоминались в Книге Страшного суда³¹ и что в Корнуолле у него было громадное родовое поместье. За столом с шестнадцатью видами приборов, сделанных из литого серебра, он мгновенно ориентировался, какой вилкой надо пользоваться, и понимал, для чего над его тарелкой лежали дополнительные ложки и еще какие-то приспособления, помимо тех, что лежали у нее по бокам. В то же время семья Дейдры, вполне возможно, пользовалась одним ножом и пальцами. Прелести жизни там, где жила она, не включали в себя изысканный китайский фарфор и пять хрустальных бокалов разных размеров и форм справа от тарелки.

К счастью, Линли подумал обо всем этом. Барбара увидела, что на столе в столовой – проблема была уже в том, что у несчастного *была* отдельная столовая, – стояли три тарелки из простого белого фаянса, с приборами, похожими на мельхиоровые. Наверное, куплены специально для этого случая, с иронией подумала Барбара. Она знала, на чем Томас ест обычно. Его столовая утварь точно не продавалась в соседнем супермаркете.

Еда была очень простой. Любой мог бы ее приготовить, хотя Барбара готова была поспорить, что Томас Линли не был этим «любим». Несмотря на это, она притворялась, что верила, будто он сам стоял у плиты, помешивая суп, и, повязав передник поверх своего изысканного костюма, сам смешивал салат. Скорее всего, подумала Барбара, он просто послал заказ в «Партриджиз»³² на Кингз-роуд. Если Дейдра тоже догадалась об этом, она не подала виду.

– А где Чарли? – спросила Барбара, беспечно стоя вместе с Дейдрой, обе с бокалами вина, пока Линли метался из столовой в кухню и обратно.

Линли объяснил, что Чарли отправился на один день в Хэмпстед, на утренний спектакль «Продавец льда грядет»³³.

³¹ Земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 г.

³² Известная кейтеринговая компания.

³³ Пьеса американского драматурга Юджина О'Нила.

– Но он может вернуться в любой момент, – жизнерадостно сказал Томас. Дейдра должна была быть уверена, что у него не будет возможности наброситься на нее, даже если Барбара вдруг уйдет.

А она действительно ушла, как только смогла. Линли пригласил их в гостиную для послеобеденного диджестива, когда Барбара решила, что уже выполнила свои обязанности по отношению к своему старшему офицеру и что ей пора домой. Конечно, еще рано, но все-таки пора. Что-то такое есть в этом роллер-дерби. Она чувствует себя совсем без сил.

Хейверс увидела, как Дейдра подошла к столику, расположившемуся между двумя окнами. На нем стояла фотография в серебряной рамке. Это была свадебная фотография Линли и его жены. Барбара посмотрела на Томаса и удивилась, почему он не убрал ее, прежде чем привести Дейдру в дом. Он подумал, казалось бы, обо всем, но забыл про это.

Когда Дейдра взяла фото, Томас и Барбара переглянулись. Прежде чем гостья повернулась и успела что-то сказать – очевидно, что она могла сказать только, как мила была Хелен Линли, – Барбара важно произнесла:

– Ну, что же, я, пожалуй, откланяюсь, сэр. Благодарю вас за обед. Надо бежать, пока я не превратилась в тыкву. Или как там в этой сказке? – добавила она, поняв, что в тыкву должна превратиться не она, а ее «мини». Со сказками у нее всегда были проблемы.

– Наверное, я тоже пойду, Томас. Может быть, Барбара подбросит меня до гостиницы? – сказала Дейдра.

Барбара и Линли еще раз переглянулись, и Томас поспешно сказал:

– Глупости. Я с удовольствием сам отвезу вас, как только вы будете готовы.

– Ловите его на слове, – сказала Барбара. – У меня все пассажирское сиденье забито коробками от фаст-фуда.

Произнеся это, она покинула дом. Последнее, что она увидела, был Линли, наливающий коньяк в два хрустальных шара. Надо было разлить по чайным чашкам, подумала Барбара. Хватило бы и одного обеда в настоящей столовой.

Девушка ей вполне нравилась, но она не понимала Линли. Между ними чувствовалось какое-то напряжение. Барбаре это казалось совсем не сексуальным.

«Да и бог с ними», – подумала она. Это совсем не ее дело. Любая, кто вырвет Томаса из лап Изабеллы Ардери, уже заранее будет иметь поддержку Барбары. Его роман с Изабеллой напоминал разлагающегося мертвого слона. Хейверс была счастлива, что этот вонючий труп наконец исчезнет из его дома.

Она ни о чем особенно не думала, когда подъехала к дому и увидела полицейский «воронк», стоящий перед виллой. Он был припаркован вторым рядом параллельно со старым «Саабом», и в вечернем свете Барбара увидела, что почти все обитатели дома вышли на улицу. Они группками стояли на тротуаре, как будто ожидая, что вот-вот кого-то выведут в наручники. Хейверс спешно припарковалась, нарушив все правила. Она услышала, как кто-то сказал:

– Не знаю... Ничего не слышал, пока не приехала полиция.

Барбара быстро подошла к зевакам.

– Что случилось? – Она обратилась к миссис Сильвер, которая жила на втором этаже. Как всегда, на ней был надет воздушный передник с подходящим тюрбаном. Она жевала какой-то шоколадный «антидепрессант».

– Она позвонила в полицию, – сказала миссис Сильвер. – Или кто-то другой. Может быть, даже он сам. Сначала были крики. Мы все их слышали. Кричали они оба. И еще один человек. Не англичанин, судя по акценту. Я не знаю, на каком чертовом языке он кричал. Не знаю. Но не важно. Их было слышно, наверное, на Чолк-Фарм-роуд.

Звучало как стенограмма. Но стенограмма чего? Этого Барбара не знала. Она оглянулась посмотреть, кто еще был среди зевак. Сержант сразу заметила, кого среди них не было. Затем

она повернулась к дому и увидела, что все огни в квартире на первом этаже были зажжены, а французские окна открыты.

У нее перехватило горло.

– Ажар... С ним что-то?..

Миссис Сильвер повернулась, увидела лицо Барбары и сказала:

– Она вернулась, Барбара. И не одна. Что-то случилось, и она вызвала полицию.

Чолк-Фарм, Лондон

«Она» могло значить только одно. Вернулась Анжелина Упман. Барбара порылась в своей сумке и выудила удостоверение. Только оно одно могло обеспечить ей доступ в квартиру Ажара, и не важно было, кто там находился. Она протолкалась через остальных соседей, открыла калитку и пошла по лужайке. Крики становились громче, по мере того, как она подходила к французским окнам. Теперь ясно слышался голос Анжелины.

– Пусть он скажет! – кричала она кому-то. – В Пакистан! Он увез ее в Пакистан, к своей семье. Ты просто монстр! Сотворить такое со своей собственной дочерью!

Затем панический голос Ажара:

– Как ты можешь такое говорить?

Затем иностранец с сильным акцентом:

– Почему вы не хотите арестовать этот человек?

Барбара вошла, чтобы увидеть сцену с замершими действующими лицами: два констебля в форме расположились между Таймуллой Ажаром и Анжелиной Упман. Она казалась похуذهвшей, темная тушь резко оттеняла ее глаза траурным цветом. Мужчина рядом с ней был красив, как может быть красив идеальный образчик для скульптуры атлета. Густые выющиеся волосы, широкие плечи и грудь. Кулаки у него были сжаты, как будто он готовился нанести удар Ажару, как только до него дотянется. Один из констеблей блокировал его, пока Таймулла и Анжелина кричали друг на друга.

Первым Барбару увидел Ажар. Его лицо, и так истощенное за эти месяцы, сейчас выглядело еще хуже. С момента последней встречи с Дуэйном Доути он метался – брал дополнительных дипломников, участвовал во всех конференциях, которые происходили как можно дальше от Чолк-Фарм. Как раз накануне вечером он вернулся с одной из них, на этот раз из Берлина, и заглянул к Барбаре узнать, нет ли каких новостей, не слышно ли чего новенького. Это были его обычные вопросы по возвращении. Ее ответы тоже не менялись.

Анжелина повернулась, когда увидела, что выражение его лица изменилось. Мужчина рядом с ней – тоже. Теперь его лицо было хорошо видно. На его щеке, начиная от мочки уха, располагалось большое родимое пятно, как печать Каина. Это было единственное, что нарушало его красоту.

Констебль, державший этого мужчину, произнес:

– Мадам, вам придется покинуть помещение.

Барбара открыла перед ним удостоверение.

– Сержант Хейверс. – представилась она. – Я здесь живу. Что у вас происходит? Могу я чем-то помочь?

– Хадия, – все, что смог произнести Ажар.

– Он украл моего ребенка, – заплакала Анжелина. – Он украл мою дочь Хадию. Он где-то ее прячет. Вы понимаете? Конечно, да. Не удивлюсь, если вы ему в этом помогли.

Барбара пыталась сообразить, что она говорит. Кто кому и в чем помог?

– Скажите мне, где она! – кричала Анжелина. – Черт вас всех побери, где моя девочка?!

– Анжелина, что произошло? – спросила Барбара. – Послушай меня. Я не понимаю, что происходит.

Со всех сторон слышались отрывки информации. Когда констебли поняли, что Барбара была другом семьи, а не чиновником из полиции, приехавшим по вызову, они попытались вывести ее из квартиры, но к этому моменту и Ажар, и Анжелина хотели, чтобы она осталась, каждый по своей причине. Правда, эти причины никто не называл, кроме рыдающей Анжелины.

– Она должна все это услышать.

– Она очень хорошо знает мою дочь, – не переставал повторять Ажар.

– Твою дочь, твою дочь, – передразнила Анжелина. – Ты не можешь быть отцом дочери, с которой ты так поступил.

Наконец Барбара поняла, что Хадия украли на базаре в Лукке, в Италии. Это произошло два дня назад. Она была там с Лоренцо – мужчиной, который находился сейчас в квартире. Для Барбары было очевидно, что это новый любовник Анжелины. Они каждую неделю ходили на этот рынок за покупками. Она должна была ждать его, где обычно, там, где играл уличный музыкант. Но, когда Лоренцо пришел туда, ее там не было, а он не стал ее искать.

– Почему же? – спросила Барбара.

– Какая разница? – огрызнулась Анжелина. – Мы знаем, что произошло. Мы знаем, кто увел ее. Она бы никогда не ушла с незнакомцем, ни за что. А насильно увести ее было невозможно – погожий рыночный день, на площади масса народу... Она бы закричала, она бы сопротивлялась. Это все ты, Хари, и Бог мне свидетель, я...

– *Cara*, – сказал Лоренцо, – *non devi*. – Он подошел к ней. – *La troveremo. Te lo prometto*³⁴.

При этом она разрыдалась, и Ажар шагнул к ней.

– Анжелина, – сказал он. – Ты должна выслушать меня. Так много зависит...

– Я не верю тебе, – рыдала она.

– Вы позвонили в полицию в Лукке? – спросила Барбара.

– Конечно, позвонила! Ты, что, меня за дуру принимаешь? Я позвонила, они приехали. Стали искать – они до сих пор ищут. *Ничего*. Девятилетняя девочка исчезает бесследно. Она у него. Никто больше не мог украсть ее. Заставьте его сказать, где она! – Последнее ее восклицание относилось к констеблям. Они посмотрели на Барбару, как будто та могла помочь.

Барбара хотела спросить: он украл ее, так же как и ты? И так же, как ты, должен рассказать, где Хадия теперь? Но вместо этого она обратилась к сопровождающему Анжелины, потребовал:

– Расскажите подробно, что произошло. Почему вы не стали искать ее, когда она не пришла на место встречи?

– Ты что, обвиняешь *его* в чем-то? – вскричала Анжелина.

– Если Хадия пропала...

– Если? Да что ты себе позволяешь?

– Анжелина, я прошу тебя, – сказала Барбара. – Если Хадия пропала, нельзя терять ни минуты. Я должна знать абсолютно все, с начала и до конца. – И повторила свой вопрос Лоренцо: – Почему вы ее не искали?

– Из-за моей сестры, – объяснил он.

А когда Анжелина закричала, чтобы он не смел отвечать, так как все абсолютно очевидно, он мягким голосом сказал ей:

– *Per favore, cara. Vorrei dire qualcosa, va bene*³⁵.

Затем на ломаном английском он обратился к Барбаре:

– Моя сестра жила рядом *mercato*. Мы всегда заходили к ее дому после. Когда Хадии нет, я думаю, она ходила туда. Играть.

– А почему вы так решили? – спросила Барбара.

– *Mia nipote*³⁶... – он беспомощно посмотрел на Анжелину.

– Там живет его племянник, – объяснила Анжелина. – Дети играли вместе.

В другом конце комнаты Ажар закрыл глаза.

– Все это время, – сказал он.

³⁴ Дорогая, не надо. Мы найдем ее. Я обещаю (итал.).

³⁵ Пожалуйста, дорогая. Я тоже хочу что-то сказать (итал.).

³⁶ Мой племянник (итал.).

И первый раз с тех пор, как пропала его дочь, Барбара увидела, как затряслись его губы.
– Я кончить покупки, – продолжил Лоренцо. – Думал увидеть Хадию, когда приходит дом.

– Она знала, как до него добраться? – поинтересовалась Барбара.

– Там, она ходит много раз играть, *si*³⁷. Анжелина приходит *mercato* потом и...

– Откуда пришла Анжелина?

– *Piazzale*³⁸.

– Я имею в виду, где она была. Где ты была, Анжела?

– Ты что, теперь хочешь обвинить меня...

– Конечно, нет. Где ты была? Сколько тебя не было? Может быть, ты что-то видела?

Как выяснилось, Анжелина занималась йогой. Она регулярно посещала занятия в городе.

– Она приходит *mercato*, мы идти моя сестра. Хадии нет.

Сначала они подумали, что девочка могла потеряться на рынке. Или, может быть, что-то отвлекло ее по пути к музыканту, а сейчас она уже вернулась и ждет их на старом месте рядом с Порта Сан Джакопо. Они вернулись, на этот раз вчетвером, с ними пришли сестра Лоренцо и ее муж. И вчетвером они начали поиски. Прочесали весь рынок. Затем перешли за стену, где раскинулась новая часть Лукки. Прошли по всей гигантской стене с ее массивными сооружениями, защищавшими город от врагов. Сейчас на них были посажены деревья и разбиты лужайки с детскими площадками. Но Хадии нигде не было видно. Не было ее и на площадке рядом с Порта Сан Донато, которая была расположена рядом с ее школой и куда ребенок вполне мог направиться, устав ждать родителей.

Барбара взглянула на Ажара, когда прозвучало слово «родители». Он выглядел так, как будто пропустил сильный удар в челюсть.

Тогда им пришлось поверить в самое страшное и позвонить в полицию. Но Анжелина также позвонила Ажару. Она узнала, что его вот уже несколько дней нет на работе. Потом она выяснила, что его мобильный тоже не отвечает. Номер в Чолк-Фарм тоже молчал. И тогда она поняла, что произошло на самом деле.

– Анжелина, – в отчаянии попытался объяснить Ажар. – Я был на конференции.

– Где? – спросила она.

– В Берлине, в Германии.

– Вы можете это доказать, сэр? – вмешался констебль.

– Конечно, могу. Конференция длилась четыре дня. Было много секционных заседаний.

Я выступил с докладом и участвовал в...

– Ты уехал из Берлина и успел украсть ее, правда? – сказала Анжела. – Это было очень просто. Именно так ты и поступил бы. Где она, Хари? Что ты с ней сделал? Куда увез?

– Ты должна меня выслушать. – Ажар обернулся к спутнику Анжелины, которого до тех пор игнорировал. – Пожалуйста, заставьте ее выслушать меня. Когда ты сбежала, я не мог вас найти, хотя и старался. Я даже нанял частного детектива много месяцев назад. Но безуспешно – никаких следов. Пожалуйста, выслушай меня.

– Мадам, – сказал констебль, – это дело надо расследовать на месте, а не здесь. Итальянская полиция должна расширить район поисков, не ограничиваясь только Луккой. Они также смогут проверить, действительно ли он был на этой конференции.

– Да вы не представляете, как легко он мог сбежать с этой конференции, – сказала Анжелина. – Он увез ее из Италии, разве вы не видите? Она может быть в Германии. Почему, ради всего святого, вы меня не слушаете?

– Как я мог ее увезти? – спросил Ажар, бросая на Барбару отчаянные взгляды.

³⁷ Да (итал.).

³⁸ Площадь (итал.).

– Послушай, Анжелина, – вмешалась Барбара, – ты только подумай. Паспорт и другие документы Хадии. Ты ведь все увезла с собой. Я была здесь и все проверила. Ажар пришел ко мне вечером того дня, когда вы исчезли. Он не мог вывезти ее из Италии вообще без документов.

– Значит, ты ему помогла, – объявила вдруг Анжелина. – Ты ведь ему помогла? Ведь ты знаешь, как достать фальшивый паспорт и поддельные удостоверения личности. Ты все это знаешь.

Сказав это, женщина разрыдалась.

– Верните мне мою дочь, – всхлипывала она. – Я хочу назад свою девочку.

– Жизнью клянусь, что у меня ее нет, – голос Ажара звучал совсем надломленным. – Надо ехать в Италию и искать ее там.

Илфорд, Большой Лондон

Ни Анжелина, ни ее новый любовник, которого, как выяснилось, звали Лоренцо Мура, не собирались возвращаться в Италию для продолжения поисков, до тех пор пока не получат в Лондоне исчерпывающую информацию, что бы они под этим ни подразумевали. Барбара смогла понять это после пятнадцати минут общения с ними.

Их абсолютно не интересовали документы, которые предъявил Ажар, чтобы доказать свое алиби. Вся эта куча авиационных билетов, счетов из гостиницы, счетов из ресторанов не произвела на них никакого впечатления. Казалось, Анжелина не хотела понимать, что поиски необходимо продолжать в Италии, а не тратить драгоценное время на склоки в Чолк-Фарм. Она заявила, что хочет поехать в Илфорд.

Когда Анжелина это произнесла, Барбаре показалось, что Ажара сейчас стошнит на ковер.

– *Илфорд?* – переспросила она сама. – А Илфорд-то здесь при чем?

Ажар загробным голосом произнес четыре слова, которые все объяснили:

– Моя жена и родители.

Барбара обратилась к Анжелине:

– Ты думаешь, он спрятал Хадию у своих родителей? Анжелина, возьми себя в руки. Не говори глупостей. Нам надо...

– Заткнись! – закричала Анжелина.

Два констебля попытались вмешаться, но, прежде чем они смогли ее остановить, она бросилась на Ажара.

– Ты на *все* пойдешь! – кричала она.

Барбара схватила ее за плечо и отбросила в сторону, однако, когда Анжелина набросилась уже на нее, она сказала:

– Хорошо, пусть будет Илфорд. Поехали в Илфорд.

– Барбара, мы не можем... – Казалось, Ажар агонизировал.

– Придется, – ответила Барбара.

Местные констебли с удовольствием передали дело в руки представителя полицейского управления, сержанта Барбары Хейверс. Они немедленно слиняли из квартиры; правда, уходя, они разогнали всех зевак на улице. Поэтому, когда Барбара и другие вышли из квартиры и направились к машине Ажара, им никто не мешал.

В Илфорд они ехали молча. Барбара слышала, как Лоренцо что-то шептал на ухо Анжелине, но говорил он на итальянском, что для Барбары было равносильно разговору на марсианском.

Вцепившись в руль, Ажар не отрывал глаз от дороги. По его прерывистому и хриплому дыханию Барбара поняла, чего все это ему стоило.

Семья Ажара жила рядом с Грин-лейн, за углом заведения, которое называлось «Фрукты и овощи от Ушана». Это была улица кондоминиумов, похожая на множество других улиц в городе, где уличные лампы освещали дома-близнецы, отличавшиеся только цветами в палисадниках при входе. На этой улице, в отличие от тех, которые были ближе к центру, было мало машин. Для жителей округа это было дорогое удовольствие.

– Куда теперь? – спросила Анжелина, когда Ажар остановил машину приблизительно посередине улицы.

Лоренцо открыл дверь и помог ей выбраться. Он держал ее за талию. Таймулла подошел к нужному дому. На звонок дверь открыл мальчик-подросток. Момент был ужасен. Барбара поняла это по каменному выражению лица Ажара. Она знала, что он смотрит на своего сына. На сына, которого не видел уже десять лет.

Было очевидно, что мальчик не представлял, кто они такие.

– Да, – сказал он, убирая со лба упавшие волосы тыльной стороной руки. Ажар шевельнулся, как будто хотел дотронуться до мальчика, но остановил себя. Затем он сказал:

– Саид, я твой отец. Скажи этим людям со мной, что я не привозил к вам в дом никаких детей.

Рот мальчика приоткрылся. Он оторвал взгляд от Ажара и перевел его на Барбару, а затем на Анжелину.

– Которая из них шлюха? – спросил он.

– Саид, сделай, что я прошу, – сказал Ажар. – Скажи этим людям, что я не привозил сюда никакой девочки девяти лет от роду.

– Саид? – раздался голос женщины. Она говорила за спиной мальчика, но казалось, что она была в другой комнате. – Саид, кто там?

Он не ответил. Его взгляд впился в отца, как будто вызывал его на то, чтобы тот сам назвался жене, которую бросил. Когда ответа не последовало, раздались приближающиеся шаги, и Саид отошел от двери. Ажар и его жена оказались лицом к лицу.

Не взглянув на сына, женщина сказала:

– Саид, иди в свою комнату.

Барбара ожидала увидеть *традиционные шаровары*. Она ожидала увидеть шарф. Чего она не ожидала, так это того, насколько красива была жена Ажара. Наверное, потому, что, как и большинство людей, Барбара считала, что Ажар оставил обычную женщину, для того чтобы продолжить жизнь с необычной. Мужчины, думала она, всегда уходят к тем, кто лучше, а не хуже. Но эта женщина была гораздо красивее Анжелины: темные глаза с поволокой, потрясающий овал лица, чувственный рот, грациозная длинная шея и идеальная кожа.

– Нафиза, – сказал Ажар.

– Зачем ты приехал? – спросила Нафиза.

На это ответила Анжелина:

– Мы хотим обыскать дом.

– Пожалуйста, Анжелина, – мягко сказал Ажар. – Ты же видишь... – Затем он обратился к своей жене: – Нафиза, я прошу прощения за вторжение. Я бы никогда... Пожалуйста, объясни этим людям, что моей дочери здесь нет.

Нафиза не была высокой женщиной, но выпрямилась во весь свой небольшой рост; чувствовалось, что в ней есть стержень.

– Твоя дочь в своей комнате наверху. Она занята домашним заданием. Она очень хорошая ученица, – ответила она.

– Рад слышать. Ты, наверное... Она будет источником... Но я сейчас не говорю о...

– Вы знаете, о ком он говорит, – вмешалась Анжелина.

Барбара достала свое полицейское удостоверение. Она с трудом переносила ту боль, которую, казалось, источал Ажар.

– Не могли бы вы впустить нас в дом, миссис... – К своему стыду, она не знала, как к ней обратиться. Попробовала еще раз: – Мадам, мы хотели бы войти. Мы ищем пропавшего ребенка.

– И вы думаете, что девочка у меня в доме?

– Ну, не совсем так...

Нафиза внимательно осмотрела их всех, каждого по отдельности, с ног до головы. Казалось, женщина не торопится. Затем она освободила вход. Все вошли и столпились в крохотном коридоре, который был уже занят лестницей, ведущей наверх, ботинками, рюкзаками, хоккейными клюшками и футбольными принадлежностями. Все сгрудилось в маленькой прихожей справа.

Здесь они увидели, что Саид не ушел в свою комнату. Он сидел в прихожей на краю дивана, поставив локти на колени и свесив руки между ног... На стене над ним висела фотография, на которой были изображены тысячи паломников в Мекке. Больше никаких украшений или картин не было, кроме двух маленьких школьных фотографий в рамках на столике. Ажар подошел к ним и взял их в руки. Он жадно рассматривал их. Нафиза пересекла комнату и забрала их. Она положила фото на стол, изображениями вниз.

– Здесь нет других детей, кроме моих, – сказала она.

– Я хочу проверить, – настаивала Анжелина.

– Муж мой, ты должен объяснить этой женщине, что я говорю правду, – сказала Нафиза. – Ты должен объяснить ей, что мне нет смысла врать. Что бы ни случилось, это не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к моим детям.

– А, так *вот* она, – вставил Саид. – Вот эта шлюха.

– Саид, – одернула мальчика мать.

– Я сожалею, Нафиза, – обратился к ней Ажар. – Но ради тебя, ради меня, ради всего того, что было...

– Сожалеешь? – Это сказал мальчик. – Ты еще смеешь говорить маме, что ты сожалеешь? Ты кусок дерьма, и не думай, что мы этого не знаем. Если ты полагаешься...

– Хватит, – вмешалась его мать. – Ты сейчас уйдешь в свою комнату, Саид.

– А вот эта, – гримаса в сторону Анжелины, – будет шарить у нас в доме в поисках своего убудка?

Ажар посмотрел на сына.

– Ты не смеешь говорить...

– Ты, урод, не смей говорить мне, что я должен делать.

С этими словами мальчик вскочил, протолкался сквозь них и вылетел из комнаты. Однако он пошел не наверх, а направился в коридор, где стал звонить по телефону. Говорил он на урду. Барбара поняла, что это было что-то важное, потому что Нафиза сказала Ажару:

– Это не займет много времени.

– Я очень сожалею, – повторил Таймулла.

– Ты не знаешь, что это такое, – отрезала она, затем обратилась к остальным; ее голос был полон чувства собственного достоинства: – Единственные дети в этом доме – те, кого я родила от этого человека, бросившего нас.

Барбара тихо спросила у Ажара:

– Кому звонил мальчик?

– Моему отцу, – был ответ.

«Этого только не хватало, черт нас всех побери», – подумала она. Барбара была уверена, что ситуация развивается по худшему сценарию. Она обратилась к Анжелине:

– Мы теряем время. Ты видишь, что Хадии здесь нет. Это же очевидно, ради всех святых. Ты, что, не видишь, что эти люди ненавидят его, так же как и твое собственное семейство?

– Ты просто влюблена в него, – огрызнулась Анжелина. – С самого начала. Я верю тебе не больше, чем гадюке. – Затем она повернулась к Лоренцо: – Ты посмотри наверху, а я...

Вдруг в комнату ворвался Саид. Он бросился на Лоренцо с криком:

– Убирайтесь из моего дома! Убирайтесь! Убирайтесь!

Итальянец отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Ажар шагнул вперед. Барбара схватила его за руку. Все шло именно по худшему сценарию. Последнее, что им было надо, – это звонок в полицию от одного из этих людей.

– Так. Послушай меня очень внимательно, – сказала она резким тоном. – Анжелина, у тебя есть выбор. Или ты веришь Нафизе, или проводишь обыск, а потом объясняешься с полицией, когда та появится. Будь я на месте Нафизы, то начала бы звонить в полицию еще в тот момент, когда мистер Вселенная поставил ногу на порог. Ты теряешь время. Все мы теряем

время. Подумай, ради бога. Ажар был в Германии. Он тебе это доказал. Он не был в Италии, и даже не догадывался, что вы именно там. Поэтому ты или продолжаешь свои истерики, или мы все садимся на самолет, летим в Италию и давим на тамошних полицейских, чтобы те искали Хадию. Ты должна решить это прямо сейчас.

– Я не поверю, до тех пор пока...

– Да что же, черт возьми, с тобой происходит?

– Вы можете посмотреть, – тихо сказала Нафиза. Она показала на Барбару. – Только вы.

– Это тебя устроит? – спросила Хейверс Анжелину.

– А откуда я знаю, что вы не в сговоре? Что ты, вместе с ним, не...

– Потому что я полицейский, черт тебя побери совсем. Я люблю твою дочь. И пойми ты наконец: ни я, ни Ажар, ни один из нас не сделает с тобой того, что ты сделала с Ажаром, спрятав Хадию и не давая ей видаться с отцом. Нам это и в голову не придет. Он *не такой*, как ты, понимаешь? Я не такая, как ты, и ты это прекрасно знаешь. Поэтому если ты не согласна сидеть в этой комнате и ждать, когда я обыщу дом, то я сама позвоню в полицию и вызову их в связи с нарушением границ частной собственности. Я все понятно объяснила?

Лоренцо что-то прошептал Анжелине по-итальянски и нежно обнял ее за шею.

– Ну, хорошо, – согласилась она.

Барбара направилась к лестнице. Обыскать дом было несложно – он оказался небольшим и расположился на трех этажах, вместе со всеми спальнями, ванными и кухней³⁹. Барбара оторвала дочь Ажара от ее домашнего задания, но девочка была единственным живым существом наверху.

Она вернулась к остальным.

– Ничего, – сказала она.

Глаза Анжелины наполнились слезами, и Барбара вдруг поняла, как сильно она надеялась, что, несмотря на всю абсурдность ее обвинений, Хадия вдруг окажется в этом доме. На секунду Барбара почувствовала к ней симпатию. Но тут же отбросила это чувство. Важнее всего был Ажар. А его только минуты отделяли от встречи с отцом. Она знала, что его необходимо увезти прежде, чем это случится.

Однако им не повезло. Они уже выходили из дома, когда увидели двух мужчин в национальных одеждах, несущихся со стороны Грин-лейн по направлению к дому. Один из них держал в руках лопату, другой – мотыгу. Не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять их намерения.

– В машину, – сказала Барбара Ажару, – *быстрее*.

Тот не пошевелился. Мужчины громко кричали что-то на урду. Тот, который повыше, являлся, наверное, отцом Ажара. Барбара поняла это, потому что его лицо исказила ярость. Его компаньон был приблизительно такого же возраста. Возможно, он добровольно вызвался помочь в исполнении наказания.

– *La macchina, la macchina*⁴⁰, – повторял Лоренцо Анжелине. Он открыл дверь и буквально впихнул ее внутрь.

Барбара подумала, что он последует за ней. Ничего подобного. Ему, видимо, нравилось помахивать руками. Он мог не испытывать большой любви к Ажару, но если дело дошло до уличной драки, *no problema*⁴¹.

Среди всех этих криков на урду и на итальянском невозможно было понять, кто кого и в чем обвиняет. Однако было очевидно, что целью пожилого пакистанца был Ажар, а Барбара не могла допустить, чтобы его тронули.

³⁹ Даже при наличии трех этажей лондонский дом действительно может оказаться весьма небольшим по площади.

⁴⁰ Машина (итал.).

⁴¹ Нет проблем (итал.).

Пакистанцы приблизились, размахивая своим инструментом. Хейверс оттолкнула Ажара в сторону и во весь голос крикнула:

– Полиция!

Это не подействовало. Лоренцо бросился вперед.

Потом Барбара вспоминала, что он ругался по-итальянски и, судя по его тону, не выбирал выражения. Он хорошо дрался руками, но еще лучше ногами. Несмотря на садовый инвентарь, нападающие оказались на земле прежде, чем поняли, откуда шла угроза. Однако они не остались лежать на земле и стали подниматься, когда из дома выскочил кричащий Саид. Затем пожилая женщина и двое мужчин бросились к месту схватки от соседнего дома. В ту же секунду Саид врезался в своего отца и ударил его кулаком в горло.

Кто-то завизжал. Барбара подумала, что это она, но затем поняла, что в руках у нее мобильный и она судорожно набирает номер полиции. Было понятно: то, что она сама из правоохранительных органов, не могло остановить побоище.

Наконец отец Таймуллы добрался до него. Он отбросил Саида и сам вцепился в Ажара. Лоренцо бросился на помощь, но был остановлен владельцем мотыги. Пожилая женщина с ходу врезалась в Ажара и его отца, выкрикивая, как показалось Барбаре, какое-то имя. Она тянула, толкала и дергала во все стороны, пытаясь разнять дерущихся и прекратить драку. Барбара пыталась оттащить владельца мотыги.

Нафиза выбежала из дома и схватила Саида. Однако на улице появились еще двое юнцов с крикетными битами, а женщины на противоположной стороне улицы стали выкрикивать проклятия и угрозы.

Только появление полиции положило конец побоищу. Две машины и четыре констебля, одетые в форму, быстро разобрались со всеми участниками. Только благодаря Барбаре никого не арестовали, хотя всем им пришлось дать показания в местном участке. Когда их привезли туда, она показала свое удостоверение и объяснила, что произошла семейная ссора, на что отец Ажара зло выплюнул:

– Он не из семьи.

Полицейские пригласили офицера, который хорошо говорил на урду, и каждый получил возможность высказаться. Результатом поездки было потерянное время, взбаламученные нервы, несколько синяков и полное отсутствие какой-либо новой информации.

Дорога в Чолк-Фарм прошла в полном молчании. Ажар молчал, Анжелина всхлипывала.

Апрель, 18-е

Виктория, Лондон

– Вы сошли с ума! – Такова была реакция Изабеллы Ардери на просьбу Барбары. Затем она добавила: – Возвращайтесь к работе, сержант, и не будем об этом больше говорить.

– Но вы же знаете, что им нужен офицер для связи, – именно так Барбара парировала распоряжение своего старшего офицера.

– Ничего я не знаю, – ответила Ардери. – И не собираюсь посылать никого, кто вмешивался бы в иностранное расследование.

Она заканчивала разговор по телефону, когда Барбара вошла в ее кабинет.

Наверняка обсуждала большой праздник. Сообщение пришло с заоблачных высот с гонцом в лице сэра Дэвида Хильера, почтившего своим посещением их часть Нового Скотланд-Ярда, для того чтобы сообщить построенным офицерам, что «*исполняющий обязанности*» больше не относится к *детективу суперинтенданту* Изабелле Ардери. Свист и аплодисменты от всех присутствовавших. Не важно, сквозь какие круги ада пришлось пройти Ардери за последние девять месяцев – важно было то, что она в этом преуспела.

Рано утром Ажар, вместе с Анжелиной Упман и Лоренцо Мурой, вылетел в Лукку. Барбара намеревалась незамедлительно последовать за ними. Она тщательно продумала, как это все произойдет, и только что закончила свой рассказ суперинтенданту.

Для Хейверс все выглядело очень логично. Британская подданная исчезла на иностранной территории. Вполне возможно, что ее даже похитили. Когда случается подобное преступление, обычно назначается офицер для связи, задача которого – нивелировать культурные, языковые, процессуальные и другие расхождения в ходе расследования. Барбара хотела, чтобы этим офицером стала она. Она хорошо знала семью, и требовалось только согласие суперинтенданта, после чего она могла ехать.

Ардери имела на этот счет другое мнение. Она внимательно выслушала подробный рассказ Барбары о том, что случилось, начиная с момента исчезновения Хадии и ее матери в ноябре прошлого года и кончая нынешним исчезновением девочки с рынка в Италии. Она слушала, задавая вопросы только для того, чтобы уяснить имена, географические названия и родственные связи. Когда Барбара закончила рассказ и уже ждала, что Ардери наконец произнесет «конечно, вы должны немедленно ехать в Тоскану», что для Барбары казалось абсолютно правильным, Изабелла указала ей на «небольшие детали», которые, по ее мнению, сержант упустила из виду.

Первым было то, что посольство Великобритании не было задействовано в расследовании. Никто туда не звонил, не заходил, не обращался по электронной почте или факсу, не подавал сигналов дымом или каким-либо еще способом. А без участия посольства, без помощи дипломатов, заранее сглаживающих возможные шероховатости, они будут выступать в роли слона в посудной лавке, вмешиваясь в расследование на территории иностранной державы, где их никто не ждет.

Второе, что отметила суперинтендант, было то, что задачей офицера связи было информировать семью, находящуюся на территории Великобритании, о ходе расследования на территории иностранного государства. Но родители девочки находились в Италии, не так ли? Или на пути в Италию, как сказала сама сержант. Более того, мать ребенка *жила* в Италии, не правда ли? Где-то в Лукке? Или под Луккой? И жила с гражданином Италии? В этом случае ей незачем требовать офицера связи. Поэтому она, суперинтендант Ардери, не видит никакой причины отправлять сержанта Барбару Хейверс в Тоскану в качестве офицера связи.

– Причина заключается в том, – сказала Барбара, – что похищена девятилетняя девочка. Британская подданная. Никто не видел, что произошло, но, что бы ни *произошло*, это случилось на рынке, заполненном людьми. Переполненный рынок, с сотнями потенциальных свидетелей, которые ничего не видели.

– Вот именно потому, – заметила Ардери, – что их так много, на них всех невозможно оказать давление. Как давно пропала девочка?

– Какое это имеет значение?

– Надеюсь, мне не надо объяснять вам, какое это имеет значение.

– Черт побери, вы сами знаете, что первые двадцать четыре часа являются определяющими. А сейчас прошло уже больше сорока восьми.

– Уверяю вас, итальянской полиции это тоже известно.

– Они говорят Анжелине, что...

– Сержант, – Изабелла говорила с Барбарой твердым голосом, в котором слышались нотки симпатии. Однако сейчас ее голос звучал напряженно. – Я изложила вам факты. Мне кажется, что вы думаете, что я могу как-то повлиять на ситуацию. Не обольщайтесь – у меня такой возможности нет. Когда иностранное государство...

– Ну что вам еще не понятно? – перебила Барбара. – Девочку похитили в публичном месте. Она, может быть, уже мертва.

– Может быть. И если это так...

– Да вы только послушайте, что вы такое говорите! – взвизгнула Барбара. – Мы говорим о ребенке. О ребенке, которого я знаю... А вы заявляете «может быть, и мертва» так, как будто вы говорите о пироге, который может подгореть в духовке. Или о сыре, который может протухнуть. Или о молоке, которое может скиснуть.

Изабелла вскочила на ноги.

– Извольте взять себя в руки, – сказала она. – Вы слишком близко принимаете это к сердцу. Даже если посольство позвонит и попросит о нашей поддержке, вы будете последней в списке возможных кандидатов. Вы совершенно не объективны, а если вы не понимаете, что объективность – это самое важное условие расследования преступления, то мне очень жаль. Думаю, что в этом случае вам надо еще раз прослушать курс того учебного заведения, в котором вы изволили учиться.

– А что, если нечто подобное случится с одним из ваших мальчиков? – спросила Барбара. – Насколько в этом случае хватит вашей объективности?

– Вы сошли с ума, – этим завершилась их беседа, и Барбаре посоветовали вернуться к работе.

Хейверс в бешенстве вылетела из офиса Ардери. В какой-то момент она даже не могла сообразить, к какой работе ей надо вернуться. Бросилась к своему столу, где экран компьютера пытался освежить ее память, но не могла ни о чем думать и не могла ничем заниматься до тех пор, пока не окажется в Италии.

Лукка, Италия

У старшего инспектора Сальваторе Ло Бьянко был вечерний ритуал, которому он следовал всякий раз, когда ему удавалось остаться после обеда дома.

С чашечкой *coffee corretto*⁴² в руке он забирался на верх башни, в которой жил со своей мамочкой, и там, на абсолютно плоской крыше, мог выпить свой кофе в покое, наблюдая за закатом солнца. Он любил закаты и то, как лучи заходящего солнца ласкали древние здания его города. Но больше всего он любил время, проведенное вдали от мамочки. Будучи 76 лет от роду и имея плохо действующий тазобедренный сустав, она уже не могла взбираться на самый верх Торре Ло Бьянко, башни, которая была домом для многих поколений их предков. Последние два пролета были очень крутыми и сделанными из металла. Стоило ей оступиться на них, и ей пришел бы конец. Сальваторе не хотел подвергать мамочку опасности, хотя и ненавидел жить с ней – почти так же сильно, как она обожала жить с ним после того, как он вернулся в дом.

То, что он вернулся, значило, что она была права, а мамочка Сальваторе больше всего на свете любила, когда она оказывалась права. Она носила черное с того момента, как он привел в дом эту шведскую девку, которую встретил на *Piazza Grande*⁴³ восемнадцать лет назад. Она была в черном даже на их свадьбе, словно пытаясь телеграфировать им свое неудовольствие. Сейчас же мамочка украшала свою одежду розами, которые она постоянно нежно гладила. Это началось в тот день, когда он сказал ей, что разводится с Биргит. Пусть думает, что его мамочка постоянно молится, чтобы та одумалась и попросила своего мужа вернуться в их дом в Борго Джанотти, как раз за городской стеной. Правда же заключалась в том, что она выполняла свой обет, данный Святой Деве Марии: положи конец этому богопротивному браку моего сына с *quella puttana straniera*⁴⁴, и до конца жизни я буду ежедневно благодарить тебя розой. Или пятью розами. Или шестью. Сальваторе не знал точно, сколько роз было обещано, но полагал, что очень много. Он не раз хотел напомнить ей, что католическая церковь не признает разводы, но часть его – та часть, которая отвечала за хорошего сына, – не хотела разрушать ее счастья.

Сальваторе прошел со своей чашечкой кофе к небольшому огородику, разбитому на крыше, и внимательно осмотрел томаты. На них уже появилась завязь – будет приятно наблюдать, как они наливаются соком здесь, так высоко над городом. Он бросил взгляд в направлении Борго Джанотти. Сейчас его мучило несколько вещей, и одной из них была мысль о Биргит.

Его мамочка была, конечно, права – женитьба на Биргит была абсолютной ошибкой, с какой стороны ни посмотри. Говорят, что противоположности притягиваются. Их противоположности больше напоминали магниты, положительные и отрицательные полюса которых отталкивались. Он должен был давно догадаться об этом. Наверное, в тот момент, когда впервые привел Биргит знакомиться со своей мамочкой и увидел ее реакцию на глубокую привязанность к нему его матери, которая в тот день перестирала, крахмалила и выгладила все его пятнадцать сорочек. Реакция Биргит была нечто вроде «ну что же, Сальваторе, у тебя есть член, и что из этого?» – и она начисто отказалась понять всю важность наличия в итальянской семье «мальчика-мужчины». Она не понимала, что продолжение рода превыше всего. Сначала его развлекало это непонимание Биргит одной из основополагающих ценностей его культуры. Он подумал, что со временем разница в итальянском и шведском взгляде на жизнь сотрется. В этом была его ошибка. На счастье, она не уехала в Стокгольм с их двумя детьми, после того как они разошлись, и за это Сальваторе был ей благодарен.

⁴² Натуральный кофе (итал.).

⁴³ Большая площадь (итал.). Обычно так называется центральная площадь в итальянских провинциальных городах.

⁴⁴ Этой иностранной шлюхой (итал.).

Второй мыслью, которая не давала ему покоя, была мысль о пропавшей девочке. О пропавшей *английской* девочке. Плохо, что она иностранка. Еще хуже, что она британка. Везде торчали уши Перуджи и Португалии⁴⁵. Сальваторе знал, что ни одна живая душа не упрекнет его за желание того, чтобы ситуация в Лукке развивалась по тому же сценарию. Репортеры местных таблоидов, сующие везде свой нос, репортеры иностранных таблоидов, занимающиеся тем же, телевизионные камеры на лужайке перед *questura*⁴⁶, истеричные родители, официальные запросы, звонки из посольства, чудеса «спихотехники», демонстрируемые разными департаментами полиции... До этого еще не дошло, но Сальваторе понимал, что это вполне может случиться.

Он был очень обеспокоен. С момента исчезновения прошло уже три дня, а все, что у них было, это показания полупьяного аккордеониста, который играет в базарные дни возле Порта Сан Джакопо, и хорошо известного наркомана, который в тот день стоял на коленях на пути у посетителей *mercato* с надписью на груди *No fame*⁴⁷ – почему-то он надеялся, что эта декларация сможет ввести в заблуждение прохожих. В любом случае любой справедливо решил бы, что все собранные деньги он потратит на приобретение той гадости, которую обычно употребляет.

От аккордеониста Сальваторе узнал, что девочка, о которой шла речь, приходила послушать его каждую субботу. *La Bella Piccola*⁴⁸, как он назвал ее, всегда давала ему два евро. Но в тот день дала семь. То есть сначала дала ему монету, а потом протянула пятиевровую бумажку. Музыканту показалось, что эту банкноту дал ей кто-то, кто стоял рядом. У аккордеониста спросили, кто бы это мог быть. Но он не смог ответить – просто не знал. В толпе, объяснил он, трудно кого-то выделить. Вместе со своим танцующим пуделем он улыбался и пел, стараясь доставить всем прохожим как можно больше удовольствия. Но выделял мужчина только тех, кто что-то ему подавали. Именно поэтому он знал *La Bella Piccola*. В лицо, но не по имени. Потому что девочка всегда подавала ему деньги. Последнее аккордеонист произнес с таким видом, как будто хорошо знал, что Сальваторе Ло Бьянко скорее даст отрезать себе палец, чем подаст уличному музыканту.

Когда его спросили, не было ли в поведении девочки чего-то необычного в тот день, он сначала ответил, что ничего не заметил. Затем, подумав, предположил, что деньги мог дать ей темноволосый мужчина, стоявший сразу за ней. Но, с другой стороны, пожилая женщина в крепдешиновом платье с бюстом до пояса тоже могла это сделать. Она стояла совсем рядом с девочкой. В любом случае, все, что аккордеонист мог рассказать *Ispettore*⁴⁹ о том, как они выглядели, ограничивалось темными волосами одного и большим бюстом другой. Под это описание легко подходило 80 % населения страны, и та женщина вполне могла быть мамочкой Сальваторе.

К этому немного добавил коленопреклоненный наркоман. От этого существа, которого звали Карло Каспариа и который был настоящей божьей карой для своей несчастной семьи, приехавшей из Падуи, старший инспектор узнал, что девочка прошла совсем рядом с ним. Хотя он смотрел в другую сторону, от Порта Сан Джакопо, так, чтобы все входящие на рынок могли видеть его лицо и прочитать его плакат, Карло знал, что это был тот самый ребенок, чьи фотографии сейчас были развешаны на стенах, дверях и окнах по всему городу. Потому что она остановилась и оглянулась, как будто искала кого-то, а когда она увидела надпись *Но*

⁴⁵ В Перудже (Италия) в 2007 году произошло убийство 21-летней британской студентки; в том же году в Прайя-да-Луж (Португалия) исчезла британская 4-летняя девочка, которую так и не нашли. Происшествия получили широкий резонанс в прессе.

⁴⁶ Участок (итал.).

⁴⁷ Я голоден (итал.).

⁴⁸ Красивая малышка (итал.).

⁴⁹ Инспектор (итал.).

fame, то подошла к нему и отдала банан, который несла с собой. Затем девочка пошла дальше и исчезла из вида. И просто растворилась в воздухе, как потом оказалось. Никаких других следов не было.

После того, как мамаша девочки, пройдя через все стадии истерики, смогла все-таки объяснить, что девочка не просто убежала из дома, что она не играла где-то со своими друзьями, а также рассказала, что они – мамаша и ее любовник – обыскали все окрестности, заглянув за каждый угол и спустившись в каждый подвал, Сальваторе решил допросить всех возможных подозреваемых. Он приказал доставить их в *questura*, и на виале Кавур были собраны шесть сексуальных маньяков, шесть подозреваемых педофилов, один вор-рецидивист, ожидающий суда, и священник, который уже много лет был на подозрении у Сальваторе.

Это ничего не дало. Пока еще дело не вышло на уровень провинции или страны, но Сальваторе знал, что это вопрос времени, если только ему не удастся найти ребенка в кратчайшие сроки.

Сделав последний глоток кофе и бросив последний взгляд на закат, он направился к люку, который приведет его назад к его мамочке. Раздался звонок мобильного, и он посмотрел на номер звонившего. Увидев, кто звонит, издал стон и на ходу стал соображать, что делать.

Сальваторе мог подождать, пока телефон переключится на голосовую почту, но он знал, что это не имело смысла. Звонивший будет названивать по четыре раза в час всю ночь, пока он не ответит. Он подумал, не бросить ли мобильный через парапет башни, но вместо этого ответил:

– *Pronto*⁵⁰.

Он услышал то, что и ожидал услышать:

– Приезжай в Баргу, *Toro*⁵¹. Пора нам с тобой побеседовать.

⁵⁰ Слушаю вас (итал.).

⁵¹ Мышонок (итал.).

Барга, Тоскана

Было совершенно естественно, что Пьеро Фануччи не жил в Лукке или ее окрестностях. Ведь это бы облегчило жизнь многим людям. А *il Pubblico Ministero*⁵² был не тем человеком, который думает об облегчении жизни другим, особенно полицейским, которые ему подчинялись. Он любил жить на холмах Тосканы. И если кому-то, с кем он хотел обсудить расследование, приходилось больше часа в апрельский вечер добираться до его дома, – что ж, такова жизнь.

Хорошо хоть, что *il Pubblico Ministero* не жил в центре Барги. В этом случае до него пришлось бы добираться, преодолевая бесконечные ступени и лавируя по множеству переходов, которые вели в сторону Дуомо, расположенного высоко на холме. Фануччи жил недалеко от дороги на Джалликано. Чтобы попасть к нему, надо было ехать по серпантину под углом, который заставлял волосы вставать на затылке дыбом, из деревни, расположенной в долине, но туда хотя бы можно было добраться на машине.

Сальваторе знал, что, когда он приедет, *il Pubblico Ministero* будет один. Его жена навещала одного из их шести детей – именно в посещении детей проходила ее жизнь с момента, когда дети стали достаточно взрослыми, чтобы жениться и завести собственные дома. Его любовница, несчастная женщина из Джаликкано, которая стирала, убирала и подчинялась малейшему приказу Фануччи, появляясь в его спальне по первому зову, тоже уже ушла, после того как съела свой одинокий обед на кухне и вымыла посуду после одинокого обеда, который Фануччи съел в столовой. Он будет заниматься своей единственной и непреходящей любовью – орхидеями, ухаживая за ними с такой нежностью, которую он мог бы выказать, но никогда не выказывал по отношению к своей семье. По прибытии Сальваторе полагалось восхититься теми цветами, которые цвели в настоящий момент. До тех пор, пока он этого не сделает, причем с той долей восхищения, которая бы удовлетворила *il Pubblico Ministero*, ему не раскроют причину, по которой его пригласили в Баргу.

Сальваторе припарковался перед домом Фануччи – приземистой квадратной виллой терракотового цвета, которая расположилась среди ухоженных садов, за металлическими воротами. Как всегда, они были закрыты, но, набрав нужный код, старший инспектор смог войти.

Он не стал заходить в дом, а вместо этого обогнул его и прошел на задний двор виллы, откуда открывался вид на крутой обрыв в долину и склоны холмов напротив, к которым прилепились десятки тосканских деревенок. Еще через час они превратятся в россыпь огней во мраке ночи. В дальнем конце террасы виднелась крыша оранжереи с орхидеями, которая располагалась на нижнем уступе холма. Тропинка, посыпанная щебенкой, вела к виноградной беседке, которая обеспечивала тень. В тени стояли кресла и стол, на котором высилась бутылка граппы и стояла тарелка с любимым *biscotti*⁵³ Фануччи. Самого *il Pubblico Ministero* за столом не было. Как и предполагал Сальваторе, он находился в оранжерее, ожидая комплиментов. Сальваторе мысленно собрался с силами и вошел.

Фануччи занимался тем, что обрызгивал водой листья десятка или более цветов, стоявших на торфяной полке, протянувшейся вдоль стены теплицы. Они относились к тем сортам, у которых на одном высоком стебле, привязанном к бамбуковой палке, росло одно-единственное соцветие цветов, которые Фануччи тщательно оберегал от попадания на них воды. На носу у него были одеты очки, а во рту торчала самокрутка. Живот его нависал над *cintura*, который поддерживал его брюки.

⁵² Прокурор (итал.).

⁵³ Печенье (итал.)

Фануччи не прервал своего занятия. Он молчал. Это дало Сальваторе время собраться с мыслями и попытаться понять, чего хочет от него его начальник на этот раз. Все знали, что Фануччи, как хамелеон, был *il drago*⁵⁴ для одних и *il volcano*⁵⁵ для других.

Он был также самым уродливым мужчиной, которого Сальваторе видел в своей жизни. Чернявый, как *contadini*⁵⁶ в Базиликате, месте, где он родился; лицо его было усыпано бородавками, которые не мог бы вылечить даже святой Рокко; на правой руке у него был шестой палец, которым он по привычке размахивал перед лицом собеседника, чтобы сразу же понять по его лицу, как собеседник к нему относится. Его внешний вид был для него божьим испытанием во времена молодости, но со временем Фануччи научился ловко им пользоваться. И теперь, достигнув возраста и положения, которые позволяли ему легко изменить свой внешний вид, он отменил эту возможность. Его внешний вид был его верным слугой.

– Прекрасны, как всегда, *magistrato*⁵⁷, – произнес Сальваторе. – Как называется вот эта?

И он указал на цветок, на лепестках которого, цвета фуксии, были мазки желтого цвета, которые освещали цветок изнутри, как вечерние лучи солнца иногда освещают темнеющую опушку леса.

Фануччи мельком взглянул на орхидею. Пепел его сигареты упал на манишку, на которой уже видны были пятна от оливкового масла и томатного сока. Впрочем, это не сильно волновало самого Фануччи, который, конечно, не собирался сам стирать свою рубашку.

– Это ерунда. Всего один цветок за сезон. Просто мусор, – сказал он. – Ты ничего не понимаешь в цветах, *Toro*. Я все надеюсь, что ты научишься, но ты безнадежен.

Он поставил распылитель и затянулся сигаретой. Раздался кашель. Это был глубокий и влажный кашель, сопровождавшийся хрипами в легких. Курение для него было все равно что попытка самоубийства, но он упорно отказывался бросить. Было множество офицеров и среди *polizia di stato*⁵⁸ и *carabinieri*⁵⁹, которые сильно надеялись, что его попытка все-таки удастся.

– Как мамочка? – спросил Фануччи.

– Как всегда.

– Она святая женщина.

– Именно в этом она пытается меня убедить.

Сальваторе прошел до конца торфяной полки, восхищаясь цветами.

Воздух в оранжерее пах торфяником. Сальваторе подумал, что было бы здорово почувствовать его в руке – жирный, глинистый и крошащийся под пальцами. В этой почве чувствовалась первобытная честность, и это ему нравилось. Она была тем, чем была, и делала то, что делала.

Фануччи закончил свой ежевечерний обход и вышел из оранжереи. Сальваторе пошел за ним. За столом *il Pubblico Ministero* налил два стаканчика граппы. Сальваторе предпочел бы «Сан Пеллегрино»⁶⁰, но он не обманул ожиданий и вежливо принял граппу. Однако отказался от предложенного *biscotti*. Он похлопал себя по животу и издал звук, который должен был объяснить, что творится там после прекрасной еды, приготовленной его матерью. Хотя в действительности он беспокоился о своем весе.

Сальваторе ждал, когда *il Pubblico Ministero* объяснит ему причину вызова. Он знал, что не нужно предлагать Фануччи пропустить всю светскую часть беседы и сразу, не теряя времени, перейти к главному. Фануччи проведет эту встречу так, как считает нужным и как задумал.

⁵⁴ Дракон (итал.).

⁵⁵ Вулкан (итал.).

⁵⁶ Фермер (итал.).

⁵⁷ Судья (итал.); общепринятое вежливое обращение к судебским чиновникам.

⁵⁸ Городская полиция (итал.).

⁵⁹ Карабинеры (итал.).

⁶⁰ Популярная минеральная вода.

Не имело смысла торопить его. Он как скала. Поэтому Сальваторе задал ритуальные вопросы о его жене, детях и внуках. Они поговорили о сырой весне и, возможно, о длинном и жарком лете. Обсудили глупый спор между *vigili urbani*⁶¹ и *polizia postale*⁶². Решили, как контролировать толпу во время предстоящей битвы оркестров на Пьяцца Гранде в Лукке.

Наконец, когда Сальваторе уже смирился с тем, что не уедет от *il Pubblico Ministero* раньше полуночи, Фануччи перешел к делу. Он взял с сиденья стоящего рядом стула свернутую газету.

– Теперь пора поговорить об этом, *Toro*.

Настроение Сальваторе сразу испортилось, когда он увидел в руках Фануччи завтрашний утренний выпуск «Прима воче», ведущей газеты провинции. Статья «*Da Tre Giorni Scomparsa*»⁶³ рассказывала о новости номер один. Под заголовком помещалась фотография британской девочки. Она была очень хорошенькой, что придавало статье особую важность. Ее связь с семьей Мура гарантировала, что публикации будут продолжаться.

Увидев статью, Сальваторе сразу же понял, почему его пригласили в Баргу.

Когда он докладывал *il Pubblico Ministero* о пропавшей девочке, то не упомянул о семье Мура. Он прекрасно понимал, что Фануччи, так же как и газета, сразу ухватится за это и начнет совать свой нос во все, что связано с расследованием. Этого Сальваторе хотелось меньше всего. Мура были старой луккской семьей, землевладельцы и торговцы шелком с незапамятных времен, чье влияние окрепло два столетия назад, еще до того, как Наполеон передал город своей несчастной сестре. То есть Мура могли легко осложнить любое расследование. Пока этого не случилось, но их молчание не должно было успокоить любого здравомыслящего человека.

– Ты ничего не сказал мне о Мура, – сказал Фануччи. Его тон был дружелюбным, с нотками легкого любопытства, но это не обмануло Сальваторе. – Почему, друг мой?

– Я не подумал, *Magistrato*, – ответил Сальваторе. – Ни девочка, ни ее мать не принадлежат к семье. Просто мать – любовница одного из сыновей Мура, *certo*⁶⁴...

– И ты думаешь, что это значит... что это значит, *Toro*? Что он хочет, чтобы ребенка не нашли? Что он нанял кого-то, чтобы ребенка украли и чтобы девочка исчезла из жизни его и ее матери?

– Совсем нет. Но до сего дня я концентрировал свои усилия на тех, кто мог бы похитить девочку. Так как Мура я не подозревал...

– А что рассказали тебе другие, Сальваторе? Ты скрываешь от меня что-то еще, так же как скрыл связь Мура с этой девочкой?

– Я уже сказал, что ничего не скрывал.

– А эти Мура звонят мне, требуют информации, новых данных, спрашивают об именах подозреваемых. А я ни сном, ни духом. Как же так, *Toro*?

На это Сальваторе нечего было ответить. Его целью было держать *il Pubblico Ministero* как можно дальше от расследования.

Фануччи был неисправимым занудой. Знание того, когда, что и как ему сказать, было искусством, которым Сальваторе овладел еще не до конца. Он сказал:

– *Mi dispiache*⁶⁵, Пьеро. Я не подумал. Такой утечки, – он показал на газету, – больше не будет.

⁶¹ Инспекторы дорожного движения (итал.).

⁶² Почтовая полиция (итал.).

⁶³ Три дня как исчезла (итал.).

⁶⁴ Конечно (итал.).

⁶⁵ Простите (итал.).

– Чтобы этого избежать, *Торо*, я думаю, – тут Фануччи притворился, что размышляет о том, как наказать Сальваторе, хотя наверняка уже решил это для себя и сейчас только притворялся, – что тебе надо будет представлять мне ежедневные отчеты.

– Но так часто новостей не бывает, – запротестовал Сальваторе. – Кроме того, иногда совсем нет времени на подготовку отчета.

– Ну, я надеюсь, что ты справишься. Потому что, Сальваторе, я не хочу больше узнавать новости из «Прима воче». *Capisci*⁶⁶, *Торо*?

Что ему оставалось делать? Да ничего.

– *Capisco, Magistrato*⁶⁷, – ответил он.

– *Bene*⁶⁸. Сейчас мы пройдемся по этому случаю вдвоем, ты и я. И ты расскажешь мне все, каждую деталь.

– Сейчас? – переспросил Сальваторе, потому что действительно было уже поздно.

– Сейчас, друг мой. Ведь жена от тебя ушла, чем теперь тебе еще заниматься?

⁶⁶ Понимаешь, Мышонок? (итал.).

⁶⁷ Понимаю, судья (итал.).

⁶⁸ Хорошо (итал.).

Апрель, 19-е

Вилла Ривелли, Тоскана

Она была грешницей. Она была женщиной, которая обещала себя Богу, в обмен на то, что Он ответит на ее молитву. Господь сделал это, и теперь она жила здесь почти десять лет, нося простое ситцевое платье летом и шерстяные платья грубой домашней вязки зимой. Она боролась с искушениями плоти, туго перетягивая свою грудь. Она собирала шипы роз, за которыми ухаживала, отрывая их от веток и зашивая в свое белье. Боль была постоянной, но она была необходимой. Потому что нельзя молить о грехе, быть проклятой его обретением и не заплатить за это.

Жила она просто. Ее комнаты над стойлом, где она держала коз, которых доила, были маленькими и пустыми. В спальне стояла одинокая жесткая постель, комод и молитвенная скамейка, над которой висело распятие. Кроме того в ее распоряжении была кухня и крохотная ванная. Но ее запросы были невелики. Цыплята, огород и фруктовый сад обеспечивали ее едой. Рыбу, муку, хлеб, коровье молоко и сыр она брала на вилле в уплату за то, что ухаживала за территорией. Жители виллы никогда не покидали ее. Не важно, какое время года стояло на дворе и какая была погода, они оставались в стенах виллы Ривелли. Так она и жила, год за годом.

Ей хотелось верить, что благословение Господне когда-нибудь снизойдет на нее. Но с годами она стала подозревать, что дело тут было совсем в другом: наши мирские страдания могут быть недостаточны для искупления наших грехов.

Он сказал ей:

– Дела Господа нам не дано предугадать во время наших молитв, Доменика. *Capisci?*⁶⁹

И она согласно кивнула. Потому что не могла не понять это простое правило своей жизни, когда глаза его говорили о ее грехе. О грехе, который она совершила не только против себя и своей семьи, но и, самое главное, против него.

В тот раз она протянула руку, чтобы дотронуться до его лица, до его теплой щеки, чтобы почувствовать его изгибы, которые так хорошо знала. Но увидела брезгливое выражение на его губах и отдернула руку, опустив глаза.

Грешница вновь согрешила. Между ними все было именно так. Он никогда не простит ее. И она не могла проклинать его за это.

А потом он привел к ней ребенка. Девочка прошла сквозь большие двустворчатые ворота виллы Ривелли, и ее лицо осветилось восхищением перед великолепием этого места. Она была смуглой, как и Доменика, с глазами цвета кофе, кожей цвета *nocci*⁷⁰ и волосами как *cascata castana*⁷¹: они опускались ей до пояса темными каскадами с пробивающимися на солнце рыжими прядями и сами просились в руки, чтобы их нежно ласкали и причесывали; чтобы кто-то, вроде Доменики, ухаживал за ними.

Сначала девочка бросилась к большому фонтану, над которым, в кристально чистом воздухе, висела радуга. Его бассейн располагался на полпути от ворот к крытой террасе, которая заканчивалась громадными входными дверями. Она подбежала к крытой террасе, на которой, в своих нишах, уже много веков стояли статуи древних римских богов. Она что-то прокричала,

⁶⁹ Понимаешь (итал.).

⁷⁰ Орех (итал.).

⁷¹ Коричневый водопад (итал.).

но Доменика не могла услышать ее из окон своей каморки над стойлом. Девочка повернулась – ее волосы метнулись вслед за ней – и крикнула что-то в том направлении, откуда пришла.

И тогда Доменика увидела его. Он вошел во двор той своей походкой, которую она хорошо помнила с их детства. Ее подруги говорили, что у него напыщенный вид. Ее тетушки говорили, что он живое воплощение опасности. Он наш племянник, и мы обязаны дать ему крышу над головой, говорил ее отец. Так все и началось. И когда он вошел в ворота виллы Ривелли, с этим своим туманным взглядом, направленным на девочку, сердце Доменики забилося быстрее и шипы глубже впились в ее тело. Она поняла не *только* что она хочет, все *еще* хочет, но и что сейчас произойдет. Почти десять лет самоистязания, и вот наконец Господь простил ее? Был ли это только ее грех?

– Ты должна сделать это для меня, – это произнес не сам Господь, но уста его слуги, которыми он говорил с миром.

Девочка подбежала к нему, подняла на него глаза и что-то сказала. И Доменика увидела, как он нежно погладил ее по голове, кивнул и дотронулся до ее лба. А затем, не снимая руки с ее плеча, он повернулся от громадной виллы и нежно направил ребенка на тропинку из желтой *sassolini*⁷² и прошел с ней по изгибу дорожки к старой изгороди из камелий, в проходе сквозь которую открывался вид на истоптанное поле и громадный каменный амбар. Увидев, как он ведет себя с девочкой, Доменика почувствовала первые признаки надежды.

Услышав их шаги на лестнице, она вышла встретить их. Дверь была открыта – день был теплым, – и полоски из пластика ярких цветов, висящие в дверном проеме, не позволяли мухам влететь, а ароматам пекущегося хлеба – улетучиться из комнаты. Раздвинув занавески, Доменика осмотрела их обоих: девочку и мужчину. Он опустил руки на плечи девочки. Та стояла с поднятым лицом, светящимся от нетерпения.

– *Aspettami qui*⁷³, – сказал он. Девочка кивнула в знак понимания.

– *Tornerò*⁷⁴, – добавил он. Она должна была ждать его здесь. Он вернется.

– *Quando?* – спросила она. – *Perché lei ha ditto*⁷⁵...

– *Presto*⁷⁶, – ответил он. Потом жестом указал на Доменику, которая стояла перед ними с колотящимся сердцем и опущенной головой. – Сестра Доменика Джустина, – представил он ее, хотя в его голосе не было уважения. – *Rimmarrai qui alle cure della suora, sì? Capisci, carina*⁷⁷?

Девочка снова кивнула. Она все поняла. Она останется здесь, с сестрой Доменикой Джустиной, которую ей только что представили.

Доменика не знала имени девочки. Его ей не сказали, а она побоялась спросить. Наверное, ей не полагалось этого знать. Поэтому она стала называть девочку Карина, и та благосклонно приняла это имя.

Сейчас они с девочкой были в огороде. Побегі еще не проклянулись из земли, но было ясно, что ждать осталось совсем недолго. Они купались в теплом весеннем воздухе. Обе едва слышно что-то напевали – каждая свое. Время от времени они смотрели друг на друга и улыбались.

Карина появилась меньше недели назад, но у Доменики было чувство, что она была с ней всегда. Девочка оказалась молчаливой. Хотя сестра часто слышала, как та разговаривает с козами, с Доменикой она объяснялась отдельными словами или короткими фразами.

⁷² Галька (итал.).

⁷³ Подожди здесь (итал.).

⁷⁴ Я вернусь (итал.).

⁷⁵ Когда? Почему вы то же самое... (итал.)

⁷⁶ Скоро (итал.).

⁷⁷ Вы останетесь здесь на попечении монахини. Понятно, дорогая? (итал.)

Часто Доменика совсем не понимала ее. Но работали они в гармонии, и ели в гармонии, и, когда наступала ночь, засыпали в гармонии друг с другом.

Только в своей вере они отличались. Карина не преклоняла колени перед распятием. Она не пользовалась четками, вырезанными из черешни, которые Доменика вложила ей в руку. Она повесила их на шею, в виде греховного *collana*⁷⁸, которое Доменика поспешно сорвала и опять дала четки в руки девочки. Фигурка, вырезанная на маленьком распятии, была хорошо видна, поэтому не понять, для чего они сделаны, было невозможно. Но когда девочка так и не стала ими пользоваться во время молитвы, а также не стала повторять за ней слова самой молитвы во время утренней, дневной и вечерней службы, Доменика поняла, что у Карины не было того, что было необходимо для бессмертия. У нее не было благословения Господа.

Доменика встала с колен на грядке с перцем. Она положила руки на бедра и сразу же почувствовала боль, пронзившую ее тело. Быть может, колючки спрашивали, не пора ли их снять, теперь, когда появление Карины могло быть сигналом Господа о прощении? Нет, решила она. Не сейчас. Сперва дело.

Карина тоже распрямилась. Она посмотрела на безоблачное небо, не раскаленное, каким оно будет летом, а теплое и ласковое. На веревке за ней сушилась ее одежда. Девочка не привезла ничего, кроме того, что на ней было надето, и сейчас на ней была белая накидка, похожая на плащ ангела, под которой ее детские формы были почти не видны. Ее ноги торчали, как ноги жеребенка, а тоненькие ручки напоминали побеги молодого деревца. Доменика сшила для нее две такие накидки. К зиме она сошьет еще.

Она махнула рукой Карине. «*Vieni*⁷⁹», – сказала она. – Пойдем со мной». Она вышла из сада и остановилась, чтобы убедиться, что девочка закроет калитку так же тщательно, как делала это она сама.

Доменика повела Карину к проходу в загородке из камелий, который позволял пройти на территорию, непосредственно примыкающую к вилле. Девочка любила это место и проводила здесь ежедневно по два часа, под присмотром Доменики.

Ей нравилась *peschiera*⁸⁰ с голодными золотыми рыбками, которых Доменика разрешала кормить. Она танцевала вокруг бассейна с рыбками, а с его западного края могла видеть территорию самой виллы с идеальными дорожками и цветниками в саду. Однажды Доменика взяла ее с собой к этим идеально подобранным цветам, и они смогли взглянуть на Гротта деи Венти, из входа в который, украшенного пушками и ракушками, на них подул прохладный ветерок, похожий на дыхание мраморных статуй, стоящих на своих пьедесталах при входе.

Сегодня они пошли в другое место – не на территорию сада, а к самой вилле. На ее восточной стороне ступеньки вели вниз, к паре зеленых дверей, за которыми скрывались подвалы виллы – громадные, таинственные и не использовавшиеся по назначению в течение последних ста лет. В подвалах находились бочки, в которых раньше хранилось вино. Их были сотни, покрытых грязью, опутанных столетней паутиной. Среди них стояли терракотовые кувшины, которые когда-то хранили в себе оливковое масло, а сейчас были черными от скопившейся на них глины. Деревянные прессы, которыми давили масло, хранили на себе остатки почерневшего от времени масла, а на металлических частях и металлическом желобе, по которому в прошлом текли потоки *l'oro di Lucca*⁸¹, виднелись следы сильной ржавчины. На всем лежала печать запустения и заброшенности.

В подвалах была масса интересного: фигурные потолки, покрытые плесенью, неровные полы из камня и плиток, деревянные лопаты, прислоненные к огромным бочкам, невероятных

⁷⁸ Ожерелье (итал.).

⁷⁹ Пойдем (итал.).

⁸⁰ Рыбный садок (итал.).

⁸¹ Золото Лукки (итал.).

размеров сита, сложенные в стопки, камин, который, казалось, все еще хранил горячие угли под слоем пепла. Запахи были очень сильными и разнообразными. Звуки – приглушенными: крики птиц снаружи, бляные коз, звуки капающей воды; а над всем этим чуть слышная мелодия, как будто пение ангелов.

– *Senti, Carina*⁸², – прошептала Доменика, приложив палец к губам.

Девочка притихла. Услышав эти чуть слышные звуки, она спросила:

– *Angeli? Siamo in cielo?*⁸³

Доменика улыбнулась от мысли, что этот подвал может кому-нибудь показаться раем.

– *Non angeli, Carina. Ma quasi, quasi*⁸⁴.

– *Allora fantasmi?*⁸⁵

Доменика улыбнулась. Призраки здесь не водились. Но она сказала:

– *Forse. Questo luogo è molto antico. Forse qui ci sono fantasmi*⁸⁶.

Хотя она ни одного никогда не видела. Потому что если даже призраки и ходили по вилле Ривелли, то за ней они не охотились. Ее преследовала только ее вина.

Она подождала несколько минут, чтобы Карина убедилась, что опасность ей не угрожает. Затем сделала приглашающий жест рукой. В этих мрачных помещениях еще много чего скрывалось. Может быть, даже прощение самой Доменики.

Показался неяркий свет. Он шел из подвальных окон.

Они были забиты мусором и покрыты грязью, но через них все-таки проникало достаточно света, чтобы освещать проходы, ведущие из одной комнаты в другую.

Та, которую она искала, скрывалась в глубине подвала. Эхо их шагов раздавалось под сводами, пока они шли туда. Эта комната была совсем не похожа на остальные, хотя вдоль ее стен тоже стояли бочки, но у нее был мозаичный пол, а в центре находился мраморный бассейн.

Именно отсюда доносились звуки капающей воды, которые они слышали. Вода лилась из родника, расположенного под полом виллы, набиралась в бассейн, а затем вытекала из него через отверстие в полу и текла своей дорогой, как уже многие и многие годы.

Три мраморные ступеньки вели в бассейн. По их краям рос зеленый мох. Дно бассейна было темным. Цемент, который скреплял мрамор, почернел от плесени. Воздух в комнате был спертым.

Но для Доменики самым важным был сам бассейн. Она никогда в него не заходила. Она избегала его из-за мха, и плесени, и Бог его знает чего еще, что могло бы жить на дне. Но сейчас она знала. Всемогущий Бог сказал ей.

Она показала на бассейн, сняла сандалии и пригласила девочку сделать то же. Затем сняла через голову свою тунику и аккуратно сложила ее на краю. Осторожно спустилась по скользким мраморным ступеням. Опять повернулась к девочке и повторила приглашающий жест. *Fai così*⁸⁷, казалось, говорили ее движения.

Но Карина стояла с широко раскрытыми глазами и не шевелилась.

– *Non avere paura?*⁸⁸ – спросила Доменика. – Здесь нечего бояться.

Карина отвернулась. Доменика подумала, что девочка может стесняться, и закрыла лицо руками, чтобы дать ей раздеться. Но вместо звука снимаемой одежды раздались звуки удаляющихся шагов, и девочка исчезла.

⁸² Слышишь, Карина? (итал.)

⁸³ Ангелы? Мы на небесах? (итал.)

⁸⁴ Не ангелы, Карина. Но почти, почти (итал.).

⁸⁵ Тогда призраки? (итал.)

⁸⁶ Может быть. Ведь это место очень древнее. Может быть, здесь есть и призраки (итал.).

⁸⁷ Делай, как я (итал.).

⁸⁸ Ты что, боишься? (итал.)

Доменика опустила руки. Вокруг никого не было. Ее ноги скользили на мраморе, когда она выходила из бассейна. Она посмотрела вниз, чтобы не оступиться, и увидела то, что увидел ребенок.

Из-под тесного бандажа на груди текла кровь. Кровь от терний на остальном теле капала на ноги. Ну и вид у нее был перед девочкой, которая ничего не знала о ее грехе! Ей придется объясниться в той или иной форме.

Потому что было очень важно, чтобы Карина не боялась.

Холборн, Лондон

Барбара Хейверс давно завела своего человека среди представителей четвертой власти. У них было взаимовыгодное сотрудничество, которое она поддерживала. Иногда он предоставлял ей информацию, иногда она делала то же самое для него. Совместное шпионство, как она любила это называть, было не совсем обычной частью ее работы. Но возникали моменты, когда журналист мог быть полезен, и сейчас, после ее беседы с суперинтендантом Изабеллой Ардери, она решила, что такой момент настал.

Последняя встреча с ее агентом стоила Барбаре целого состояния. Она сдуру пригласила его на ленч, а он с удовольствием согласился. В результате ей пришлось заплатить за ростбиф, йоркширский пудинг и многочисленные закуски, получив взамен только одно имя.

Она не собиралась снова повторять эту ошибку, потому что не могла включить «получение информации от журналиста таблоида» в свой еженедельный финансовый отчет. Поэтому назначила встречу в Мемориале Уоттса⁸⁹. Это оказалось очень удобно, потому что ее человек в эти дни сидел на судебном заседании в Олд Бейли⁹⁰.

Дождь начинался, когда Хейверс выходила из Ярда. Он усилился, пока она дошла до Поустменз-парк. Барбара спряталась под зеленой крышей, которая защищала мемориал от влияния времени и лондонской погоды. Перед одной из мемориальных табличек она зажгла свечку. Табличка рассказывала о самопожертвовании ради лошади. 1869 год, Гайд-парк, понесшая упряжка и дама в расстроенных чувствах. Смерть унесла ее спасителя, некоего Уильяма Дрейка. Увы, подумала Барбара, таких мужчин уже больше не делают.

Митчелл Корсико тоже был в своем роде человеком уникальным. Когда он показался со стороны Королевского судного двора, то был одет как обычно, то есть как американский ковбой. Барбара, как обычно, подумала, как ему это удастся при его-то работе. Очевидно, как человек одевается, в «Сорсе»⁹¹ не имело такого большого значения, как то, каким образом человек добывает информацию для этого лживого таблоида. Барбара была очень зла, и Корсико должен был сыграть свою роль. Так или иначе, но огонь должен был загореться под задницей суперинтенданта Ардери – задницей, на которую было затрачено столько занятий пилатесом. Барбара так решила. Она принесла с собой фотографии, которые смогла утащить из квартиры Ажара утром. Там была фотография Таймуллы, фотография Хадии и фотография Анжелины Упман. А кроме того, там была их общая фотография, сделанная в недалеком прошлом, когда они еще были счастливой семьей.

Корсико заметил ее и направился к ней, перепрыгивая через лужи в своих остроносых узорчатых сапогах. Под крышей мемориала он торжественно снял свой стетсон. Барбара уже ожидала услышать что-то вроде «к вашим услугам, мэм», но оказалось, что он просто хотел стряхнуть с него воду... Причем стряхнул ее ей на ноги. «Хорошо, что я в брюках», – подумала Хейверс. Тем не менее она демонстративно отряхнула воду и посмотрела на него. Журналист извинился и плюхнулся на скамейку рядом с ней.

– И? – сказал он.

– Похищение.

– И что, я должен прыгать от радости, что ты мне об этом сказала?

– Похищение в Италии.

– Ты полагаешь, что, услышав про похищение в Италии, я сразу брошусь к своему компьютеру?

⁸⁹ Мемориал человеческой самоотверженности, созданный Уоттсом.

⁹⁰ Традиционное название центрального уголовного суда Великобритании.

⁹¹ Название таблоида от англ. source – источник.

- Жертва – гражданка Британии.
- Корсико мельком взглянул на нее.
- О'кей, считай, что ты меня слегка удивила.
- Ей девять лет.
- Я заинтригован.
- Она умна и обладает привлекательной внешностью.
- А разве они не все такие?
- Ну, не такие, как эта.

Барбара достала первое фото. Фото Хадии. Корсико не был дураком. Он сразу засек, что девочка была полукровкой, и приподнял бровь, показывая Барбаре, что сержант может продолжать. Хейверс достала фото Анжелины Упман, а затем фото Ажара. Потом пришла очередь фотографии счастливого семейства с двухлетней Хадией в сидячей коляске. К счастью, все они смотрелись очень привлекательно.

Как постоянный читатель, Барбара хорошо знала, что «Сорс» никогда не поместит на первой странице никого, кто не обладает привлекательной внешностью, будь это жертва похищения, убийства или чего-то еще. Уголовники с лицами, выглядевшими так, словно их переехала машина, появлялись на первой странице таблоида только в том случае, если их арестовывали за преступление, представлявшее интерес для газеты. Убитый горем муж или отец с физиономией плоской, как у рыбы? Да ни за что на свете.

– Девочка может быть мертва, – заметила Барбара, злясь на себя за то, что употребила слово «девочка», говоря о Хадие, не говоря уже о «мертва». Но Корсико не должен почувствовать ее личного интереса в этом деле. Если он это почувствует, то сразу слиняет. Барбара это хорошо знала. Он почувствует, что его используют, и перестанет сотрудничать, независимо от того, насколько интересна сама история.

– Девочка может быть в публичном доме в Бангкоке. Девочку могли продать в какой-нибудь подвал в бельгийской деревне. Девочка может быть уже в США. Она может быть черт знает где... Потому что сами мы ни черта не знаем.

Это «мы» зацепило его, как она и рассчитывала. Это «мы» значило больше, чем просто местоимение. Это «мы» означало для «Сорс» возможность начать атаку на полицию Метрополии. Оба они понимали, что подобная атака лишь немногим уступала новости о члене Парламента – педофиле или фотографии пьяного голого принца, сжимающего «драгоценности короны», сделанной мобильным телефоном. Но Митчелл Корсико был осторожным человеком. Осторожность в ситуациях, подобных сегодняшней, привела его туда, где он сегодня был, – с публикациями на первой странице 2–3 раза в неделю и со всеми остальными таблоидами, стоящими в очереди, чтобы предложить ему шестизначные гонорары за его изыскания. Поэтому он спросил, стараясь звучать равнодушным:

- А почему другие газеты ничего не пишут об этом?
- Потому что никто не знает всей истории.
- Отвратительно, правда? – Конечно, он имел в виду «достаточно отвратительно».
- Я думаю, что эта история как раз для тебя, – сказала ему Барбара.

Апрель, 21-е

Виктория, Лондон

Информация о том, что Изабеллу Ардери вызвали к начальству, пришла от Доротеи Гарриман. «За ней послали» были точные слова, которые она употребила. Барбара услышала это от секретаря Департамента в тот момент, когда скармливала монеты автомату, надеясь получить «Фанту». Она знала, что, скорее всего, Изабеллу вызвал помощник комиссара. Для суперинтенданта это не означало ничего хорошего, однако Барбара не собиралась лить слезы по этому поводу. Если она приговорена работать с инспектором Стюартом в качестве чертовой машинистки до тех пор, пока Ардери не решит, что та получила достаточно, любые кары на голову начальницы были как бальзам на душу Барбары.

Ей не пришло в голову, что вызов Изабеллы сэром Дэвидом Хильером может быть связан с ее махинациями с Митчеллом Корсико. Хейверс звонила журналисту практически каждый час после их последней встречи в Поустменз-парк, и, как она смогла понять, он продвинулся не дальше чем «мы работаем над этим».

Барбара готова была скрежетать зубами от нетерпения. От Ажара она регулярно слышала только одно слово, после того как он уехал с Анжелиной и ее любовником. И слово это никогда не менялось. «Ничего», – повторял он каждый раз. Барбаре казалось, что это слово застревает у нее в горле и мешает ей произнести все те слова утешения, которые приходили на ум.

Что сейчас произойдет нечто, стало понятно, когда Ардери вернулась от начальства и рявкнула:

– Сержант Хейверс, немедленно зайдите ко мне. – И добавила: – Вас это тоже касается, инспектор Линли.

Последнюю фразу она произнесла не таким ненавидящим голосом. Остальные офицеры стали перешептываться. Только инспектор Стюарт был доволен. Любая выволочка, которая устраивалась Барбаре, искренне его радовала.

Хейверс бросила на Линли взгляд «что случилось?»; тот ответил взглядом «не имею понятия». Он подошел к кабинету Ардери и остановился, пропуская Барбару вперед. Неукоснительное соблюдение правил хорошего тона было требованием Ардери.

Суперинтендант бросила что-то на стол. Таблоид. Он назывался «Сорс». Для полиции Метрополии настал судный день. «Неплохо сработано, – подумала Барбара. – Митч умудрился все проверить за сорок восемь часов. Наконец-то что-то будет сделано в отношении исчезновения британской девочки в Италии».

Насколько смогла заключить Барбара, Митч поработал на славу. Заголовок, написанный трехдюймовым шрифтом, вопил: «Похищение британской школьницы!» Рядом стояло – Митчелл Корсико. Фотография Хадии, выглядевшей очень привлекательно, занимала половину первой страницы. Здесь же была врезана фотография, сделанная со спутника: верхушки громадных стен, узкие и кривые улицы старого европейского города, торговые киоски и тысячи людей. Барбара помнила, что одной из причин, по которой задерживался весь материал, было отсутствие приличной фотографии места, откуда похитили Хадью. Она наклонилась, чтобы рассмотреть, на какую страницу было перенесено продолжение истории. На третью! Ей захотелось закричать от радости, когда она это увидела. То был сигнал для всех читателей, что за развитием событий будут пристально наблюдать. Наблюдатели придут в ботинках «Доктор Мартенс» с металлическими носками, и эти ботинки будут топтать полицию Метрополии до тех пор, пока тайна похищения Хадии не будет раскрыта. Хильер понял это в тот момент, когда помощник по связям с прессой принес ему свежий, с пылу с жару, номер таблоида. Именно

это Изабелла и хотела обсудить с сержантом – поверьте мне, я бы с удовольствием понизила вас до должности клерка, отвечающего за картотеку, Барбара Хейверс, если бы могла.

Она схватила газету, бросила ее Барбаре и потребовала, чтобы та доставила удовольствие ей и инспектору Линли, громко и с выражением зачитав вслух то, что, без сомнения, «жаждала увидеть напечатанным».

– Командир, я не... – сказала Хейверс.

– Следы ваши жирных пальцев видны повсюду, сержант, – сказала Ардери. – Не советую вам считать, что я полная идиотка.

– Командир, – произнес Линли миролюбивым тоном.

– Я хотела бы, чтобы вы послушали, – резко ответила ему Изабелла. – Вам необходимо быть *полностью* в курсе происходящего, Томас.

Услышав это, Барбара ощутила некоторый дискомфорт. Это могло быть свидетельством того, о чем ей совсем не хотелось думать. Она подчинилась команде Ардери и начала читать. После каждого важного предложения, а их в статье было очень много, Изабелла останавливала ее и заставляла повторять.

Таким образом, они имели счастье дважды услышать, что никто из служащих Британской полиции не принимал участие в поисках британской девочки, похищенной на рынке в Лукке, Италия; что ни один сотрудник Британской полиции не был послан в Тоскану для помощи итальянским коллегам; что ни один сотрудник Британской полиции не был назначен для связи с безутешными родственниками жертвы ни здесь, в Англии, ни там, в Италии.

Было множество догадок, почему ситуация развивалась так, как она развивалась. Девочка, о которой шла речь, была рождена от смешанного брака, и результатом этого стало то, что дело не расследовалось с должным вниманием ни в одной из стран, так как иностранцы в них, особенно выходцы с Ближнего Востока, все чаще и чаще рассматривались с подозрением и неприязнью. В качестве примера был приведен Бредфорд. Были упомянуты и условия проживания таких семей в «худших районах наших городов», нападения на мечети, назойливые приставания к женщинам в чадрах и с шарфами на головах, а также преследования и обыски молодых темнокожих людей. *Куда*, задавался вопросом таблоид, куда катится наш мир?

Корсико использовал все возможности насытить историю различными «вкусными» деталями, способными вызвать ее дальнейшее обсуждение посредством неафишируемых телефонных звонков, которые уже давно позволяли таблоидам зарабатывать себе на хлеб с маслом: отец – профессор микробиологии в Университетском колледже; бабушка и дедушка с материнской стороны принадлежат к верхушке среднего класса и проживают в Далвиче; тетя с материнской стороны – известный дизайнер, завоевавший множество наград; таинственное исчезновение матери и дочери поздней осенью прошлого года неизвестно куда, а теперь оказалось, что в Тоскану; нежелание всех участников как-либо комментировать создавшуюся ситуацию. Все это приглашало любого, кто знал хоть что-нибудь о людях, чьи имена упоминались в статье, позвонить в «Сорс» и выдать все тайны, которые могли бы разрушить репутацию всех этих людей. В свое время так и произойдет. Всегда происходит.

Все говорило о том, что сэр Хильер пригласил Изабеллу на свой уилтонский ковер для показательной порки, и сейчас она горела желанием поделиться этой радостью с Барбарой. Помощник комиссара хорошо подготовился к встрече. Поэтому в тот момент, когда Ардери вошла к нему в кабинет, он уже знал, что все написанное было правдой от начала и до конца, за исключением, может быть, приставаний к женщинам в чадрах. Никто из сотрудников полиции Соединенного Королевства не участвовал в расследовании, даже местные полицейские в Северном Лондоне, где жил отец похищенной. У Изабеллы есть отчет кэмденской полиции об этом происшествии? Ну конечно, нет. Тогда разберитесь с этим. Потому что пресс-секретарь хочет поместить ответ в утреннем выпуске, и все ждут, что тот будет звучать в том смысле, что необходимый человек уже назначен.

Барбара знала наверняка, что Изабелла Ардери не сможет доказать, что ее подчиненная была замешана в появлении этой публикации. Все сотрудники департамента ненавидели Митчелла Корсико еще с тех времен, когда тот работал с ними по серийному убийце. Никто бы не дотронулся до него даже концом багра, и именно это делало его таким полезным для Барбары.

Она аккуратно положила газету на стол и так же аккуратно сказала:

– Я думаю, что рано или поздно это должно было всплыть, ваша честь.

– А, так вот как вы это расцениваете?

Ардери стояла около окна, с руками, скрещенными под бюстом. Барбаре пришло в голову, какого высокого роста она была – больше чем шесть футов в обуви, и как ловко она использовала свой рост для угрозы. Изабелла стояла абсолютно прямо, и то, что на ней была надета юбка-карандаш и мягкая шелковая кофта, позволило Барбаре сразу же оценить ее физические кондиции. Последние тоже использовались для устрашения, поэтому Барбара решила не пугаться. В конце концов, у этой женщины тоже был свой скелет в шкафу, и этот скелет сидел сейчас в этом же кабинете.

Барбара посмотрела на Линли. Инспектор выглядел очень серьезным.

– Ситуация не очень хорошая, командир, с какой стороны ни посмотри, – сказал он.

– Ситуация «не очень хорошая» потому, что присутствующая здесь сержант сделала ее такой.

– Командир, как вы можете говорить, что...

Барбара мгновенно замолчала, когда Ардери произнесла:

– Вам поручается это дело. Вы отправляетесь в Италию завтра утром. Сейчас вы можете уйти с работы, чтобы собраться.

Эта декларация не предназначалась для Барбары.

– Но я знаю семью, ваша честь, – возразила Барбара, – а инспектор уже ведет другое расследование. Вы не можете послать его...

– Вы собираетесь учить меня? – взорвалась Ардери. – Неужели вы полагали, что результатом всего этого, – она показала на газету, лежащую на столе, – будет мое благословение вам отправиться в Италию, с оплатой всех расходов? Вы что, действительно верите, что мной так легко можно манипулировать, сержант?

– Я не говорю... Я только...

– Барбара, – сказал Линли тихим голосом. В нем звучало и предупреждение, и призыв к спокойствию.

По-видимому, это же услышала в нем суперинтендант, потому что она сказала:

– Не вздумайте встать на ее сторону, Томас. Вы так же хорошо, как и я, понимаете, что за всем этим стоит именно она. Единственная причина, по которой она еще не перебирает картотеку в участке где-нибудь на краю света, это то, что нет прямых доказательств ее связи с этим проходившем Корсико.

– Да не встаю я ни на чью сторону, – спокойно сказал Линли.

– И не смейте говорить со мной этим возмутительным тоном, – огрызнулась Изабелла. – Если вы думаете о примирении, то я не собираюсь ни с кем мириться. Я хочу, чтобы этим делом в Италии занялись немедленно. Я хочу, чтобы расследование было закончено в кратчайшие сроки, и я хочу, чтобы вы вернулись в Лондон еще до того, как я замечу, что вы из него уехали. Это понятно?

Барбара увидела, как Линли сжал челюсти. Очевидно, в постели она говорила с ним совсем другим тоном.

– Вы знаете, что я работаю над... – сказал инспектор.

– Расследование передано Джону Стюарту.

– Но он уже ведет другое расследование, – запротестовала Барбара.

– И он пользуется вашей профессиональной помощью, сержант. Не так ли? – спросила Ардери. – Так что в ближайшее время вы будете очень заняты. А теперь убирайтесь из моего кабинета и получите у инспектора Стюарта следующее задание, так как сейчас он сможет полностью загрузить вас работой, чтобы вы больше ни во что не вляпались. За что, кстати, вы должны на коленях благодарить Господа Бога. Оставьте нас. И не дай бог, если я увижу, что вы занимаетесь *чем-то еще*, кроме того, что выберет для вас инспектор Стюарт.

Барбара хотела запротестовать. Линли бросил на нее взгляд, который был совсем не дружелюбным, потому что самое худшее уже случилось – из-за ее махинаций он едет в Италию. Она же, из-за своих махинаций, не ехала никуда.

Белгравия, Лондон

Только вернувшись домой, Линли стал звонить Дейдре. Она все еще была на работе, обсуждая с командой помощников проблемы, которые могли возникнуть при усыплении пожилого льва – ему надо было удалить три гнилых зуба.

– Ему восемнадцать лет, – сказала Дейдра. – По львиному летоисчислению это... Приходится принимать во внимание состояние его сердца и легких. И в любом случае, когда даешь наркоз такому крупному животному, это всегда небезопасно.

– Думаю, что его нельзя попросить открыть рот, сказать «а-а-а» и влить новокаин, – прокомментировал Линли.

– Да, это все мечты, – сказала она. – К сожалению, мне придется сделать это в среду, Томас, поэтому боюсь, что в этом месяце я больше не появлюсь в Лондоне.

Новость не обрадовала Линли. Ее ежемесячные визиты в Лондон для участия в роллер-дерби уже успели превратиться в привычку и за последние несколько месяцев перестали быть приятной неожиданностью. Все-таки он сказал: «Ах вот как...» – и выдал свои новости. В результате бесплодных попыток Барбары Хейверс влезть в расследование в Тоскане ему придется поехать в Италию.

– Я отправляюсь утром. Занимайтесь вашими стоматологическими упражнениями со львом без всякой спешки.

– А...

Дейдра замолчала. На заднем плане Томас услышал мужской голос, спрашивающий: «Дей, ты идешь с нами или подождешь позже?» Она ответила: «Подождите, я быстро», а затем в микрофон Линли:

– Так вас не будет какое-то время?

– Понятия не имею, сколько это займет времени... – Он ждал хоть каких-то признаков разочарования.

– Понятно.

Это позволяло надеяться. Но она произнесла:

– А что это за расследование?

– Похищение, – ответил он. – Девятилетней девочки.

– Ужасно.

– Барбара знает родителей.

– Боже. Неудивительно, что она хотела поехать сама.

Честно сказать, Линли совсем не хотел слышать никаких оправданий поведению Барбары, особенно потому, что расплачиваться за него пришлось ему самому.

– Может быть. Я вполне мог бы прожить без этой поездки. Мне совсем не улыбается выступать связующим звеном между родителями и итальянской полицией.

– А вы должны будете делать именно это?

– Похоже на то.

– Пожелать вам удачи? Я просто не знаю, что надо говорить в таких случаях.

– Не важно. – Томас хотел, чтобы она сказала: «Я буду скучать». Хотя он подозревал, что это не тот случай.

– А когда вы уезжаете?

– Как только соберусь. Вернее, как только Чарли соберется. Он как раз сейчас этим занимается.

– А, понятно. Ну что же...

В ее голосе не было слышно разочарования, несмотря на все его желание. Линли попытался придумать причину ее холодности.

– Дейдра... – Он замолчал, не зная, что говорить дальше.

– Да.

– Думаю, мне пора закругляться. Как я понимаю, вас ждут.

– Соревнование по дартсу, – сказала она. – После работы. В местном пабе. Ну, то есть в том, который у работы, а не у моего дома.

Ее дома Томас никогда не видел, но решил не говорить об этом.

– Планируете разгромить соперников? Я помню, как классно вы играете.

– А я помню, что у нас с вами было пари, – легко сказала она, – проигравший моет посуду после обеда. Сейчас, правда, за меня не стоит беспокоиться. Обедать не будет, а противник знает, что мы достойны друг друга...

Линли хотел спросить, кто ее противник, но подобная патетика застряла в горле. Поэтому он просто сказал:

– Надеюсь увидеть вас после возвращения.

– Обязательно позвоните мне.

Вот и всё. Томас положил трубку и стоял некоторое время, глядя на телефон. Он был в гостиной своего дома в Итон Террас, строгой комнате с бледно-зелеными обоями и кремовыми деревянными панелями. Над камином, в позолоченной раме, висел портрет его прапрабабушки. Она стояла в профиль среди роз, одетая во все белое, – воплощение воспитания времен короля Эдуарда и великолепных кружев той же эпохи. Казалось, она смотрела вдаль, в будущее, и говорила ему: «Смотри вперед, Томас, будущее прекрасно».

Он вздохнул. На столике между двух окон, смотрящих на Итон Террас, все еще стояла его свадебная фотография в серебряной рамке. На ней Хелен смеялась, стоя в группе близких друзей, а он с обожанием смотрел на нее.

Линли положил фото на стол и перевернул его изображением вниз. В дверях стоял Дентон.

Их взгляды встретились, замерли на секунду, а затем Дентон отвернулся и беззаботно сказал:

– Достал ваши вещи. Все вроде бы собрал, но лучше вам глянуть еще раз самому. Я проверил прогноз погоды. Там будет тепло. Распечатал ваш посадочный. Из Гатвика в Пизу. В аэропорту вас будет ждать машина.

– Спасибо, Чарли, – сказал Линли и направился к лестнице.

– Что-нибудь... – Чарли заколебался.

– Что?

Чарли посмотрел сначала на Томаса, а затем перевел взгляд на столик, где лежало фото свадьбы.

– Будут какие-нибудь распоряжения на время вашего отсутствия?

Линли знал, что имеет в виду Чарли. Это было то же, что имели в виду все остальные, – и то, что он все еще не мог сделать.

– Ничего не приходит в голову, – ответил он. – Пусть все идет своим чередом.

Это им всегда удавалось лучше всего.

Боу, Лондон

После того, как Изабелла Ардери отправила в Италию Линли, у Хейверс осталась только одна надежда – частный детектив. Барбара злилась на себя за то, что не смогла просчитать реакцию Ардери на статью в «Сорс», но она знала, что не стоит долго оплакивать убежавшее молоко. Важнее всего была Хадия. Линли сделает все, что можно, в рамках итальянского законодательства и британско-итальянских взаимоотношений в области полицейского сотрудничества. Но и то и другое будет связывать Томаса. Поэтому со стороны суперинтенданта было полным идиотизмом надеяться на то, что Барбара будет спокойно сидеть в Лондоне и выполнять указания Джона Стюарта, даже не пытаясь помочь в поисках девочки.

Поэтому она пошла в то единственное место, где надеялась получить помощь, – к Дуэйн Дуути и его андрогенной помощнице Эм Касс. В этот раз она позвонила заранее и назначила встречу, как полагается. Казалось, Дуути не горел желанием выстилать ее путь пальмовыми ветвями, поэтому она сообщила ему, что хотела бы заранее услышать цифру его гонорара, так как собиралась нанять его.

Он начал мямлить:

– Ужасно извиняюсь и все такое, но не уверен, что в настоящий момент располагаю временем...

– Удвойте гонорар, – быстро ответила Барбара.

Это заставило его посмотреть на ее предложение под другим углом.

На этот раз они встретились не в офисе, а в модном баре неподалеку. Он назывался «Морган Армз» и находился на Корбон-роуд. На улице стояли столики, за которыми, несмотря на прохладный вечер, дымили посетители. Барбара с удовольствием присоединилась бы к ним, но оказалось, что Эм Касс выступала за здоровый образ жизни. По-видимому, пассивное курение и победы в триатлоне плохо совмещались.

Они вошли внутрь. Барбара вытащила чековую книжку.

– Давайте не будем менять лошадь и тележку местами, – сказал Дуути.

Потом детектив пошел и заказал выпивку. Вернулся он с пинтой «Гиннеса» для себя, элем для Барбары и неизбежной минеральной водой для Эм. Кроме того, притащил четыре упаковки чипсов. Их он бросил на стол, который выбрала Барбара. Столик стоял в дальнем углу, на достаточном расстоянии от группы из восьми молодых леди, собравшихся на девичник.

Барбара не стала рассказывать частному детективу и его помощнице преамбулу. Она сказала только:

– Хадию похитили.

Дуути по очереди открыл все упаковки чипсов, высыпал их на салфетку, которую расстелил на столе, затем спросил:

– И что здесь нового?

– Я не говорю о прошлом, – объяснила Барбара. – То есть я не говорю о ее похищении собственной матерью. Я имею в виду то, что сейчас. Несколько дней назад. Она была в Италии, и ее там похитили.

Она быстро рассказала основные детали: Лукка, рынок, исчезновение Хадии, Анжелины Упман, Лоренцо Мура и их появление на Чолк-Фарм. Она не стала распространяться о схватке с законной семьей Ажара в Илфорде. Барбара просто не хотела о них думать.

– Анжелина думает, что ее украл Ажар, поэтому и примчалась в Лондон. Она уверена, что он нашел ее в Тоскане, украл и где-то спрятал.

– А почему она так думает?

– Потому что никто ничего не видел. Там была толпа людей, все произошло в базарный день, и никто не видел, как Хадию утащили. Поэтому Анжелина считает, что никто не уводил девочку насильно. Она думает, что Ажар знал, что Хадия будет на рынке. Он ждал ее там. Она думает, что дочь увидела отца и спокойно ушла с ним. То есть я полагаю, что она так думает, так как большую часть времени она просто орет.

– Девочка?

– Анжелина. «Ты украл ее, где ты ее спрятал, где она, верни мне ее», и так далее и тому подобное.

– И никто ничего не видел?

– По-видимому, нет.

– То есть все эти люди не обратили внимания, по-видимому, на бурное воссоединение отца и пропавшей дочери, которые не видели друг друга больше пяти месяцев? То есть если ее увел господин Ажар.

– Прямо в точку, – сказала Барбара. – Вот это-то мне в вас и нравится.

– А как ему все это могло удалиться? – спросил Доути.

– Ни малейшего представления. Но Анжелине не до логики. Она была в состоянии паники. Да и кто не был бы на ее месте? Все, что она хочет, это вернуть Хадию. Итальянцы не очень продвинулись в расследовании.

Доути кивнул. Эм Касс отпила минеральной воды. Барбара хлебнула эля и взяла чипсы. Не ее любимые «соль и уксус», но сойдет. Внезапно она почувствовала, что зверски голодна.

Доути поерзал на стуле и посмотрел на окна, за которыми были видны люди, сидящие за столиками. Затем сказал, внимательно изучая их:

– Хочу задать вам один вопрос, мисс Хейверс. Почему вы так уверены, что Ажар *не похищал* девочку? Я уже сталкивался с подобными ситуациями в прошлом, и поверьте мне, там, где дело идет о разводе и детях...

– Свадьбы не было.

– Давайте не будем. По всем человеческим законам, они жили как муж и жена, не так ли? Поэтому, когда речь идет о расставании, в котором замешаны дети, может случиться все что угодно. И обычно случается.

– Как он мог ее украсть? И на что он должен был надеяться? Что он может схватить Хадию и привезти ее в Лондон, и Анжелина не окажется на его пороге уже на следующий день? Да как он вообще мог найти девочку?

Заговорила Эм Касс:

– Он мог нанять итальянского детектива, мисс Хейверс, – так же, как нанял Дуэйна. Если он каким-то образом сам выяснил, что девочка в Италии... Или он подозревал это... Как сказал Дуэйн, в этой ситуации все возможно.

– Хорошо. Как скажете. Давайте представим себе, что Ажару каким-то образом удалось узнать, что она в Италии. Давайте представим себе, что ему удалось найти итальянского детектива. Давайте представим себе, что этот детектив – Бог знает как – может быть, заглядывая в каждую дверь в этой проклятой стране, нашел Хадию и сообщил об этом Ажару. Все это не меняет тот факт, что Ажар был в Германии в тот момент, когда похитили Хадию. Он присутствовал на конференции, и несколько сотен людей, не говоря уже о гостинице и авиакомпании, могут подтвердить это.

Наконец Доути проявил интерес:

– А вот это уже кое-что. Это можно проверить, и будьте уверены, что полицейские так и сделают. Итальянцы... Давайте посмотрим правде в глаза. Для приезжего страна выглядит абсолютно неорганизованной, но я думаю, что итальянские полицейские знают, как вести расследование, а вы как считаете?

По правде сказать, Барбара совсем так не считала. Она не думала так ни о каких полицейских. Поэтому сказала:

– Великолепно. Да. Как вам угодно. Но мне нужна ваша помощь, мистер Доути, независимо от того, что делают итальянцы.

Дуэйн быстро посмотрел на Эм Касс. Ни один из них не спросил: «Какая помощь вам нужна?» Это показалось Барбаре плохим знаком.

– Послушайте. Я знаю эту девочку. Я знаю ее отца. Я должна что-то сделать, понимаете?

– Абсолютно, – подтвердил Доути.

– А как же полиция Соединенного Королевства? – Эм Касс пристально уставилась на Барбару, и ее пристальный взгляд напомнил Барбаре о факте, который она хотела бы забыть.

Они замолчали. Вечеринка за соседним столом набирала обороты. Будущая невеста забралась на скамейку и прижала лицо к стеклу. Она кричала: «Мой последний шанс, ребята!» Ее шаль сбилась, и на копчике была видна татуировка в виде большой красной буквы L.

– Полиция послала туда инспектора для связи, – ответила Барбара. – Его зовут инспектор Линли. Он вылетел сегодня.

– Странно, что у вас есть эта информация, – промышчал Доути с полным ртом чипсов. Он посмотрел на Эм Касс. Вдвоем они уставились на Барбару.

Она отпила эль.

– Ну хорошо. Я могла бы дать вам совсем другое имя. Например, Джулия Голубоглазка или еще как-нибудь. Но я знала, что вам понадобится не более десяти минут, чтобы узнать, что я из полиции, и я этого не сделала. Это что-то да значит.

– А теперь скажите – верьте мне, – сухо произнесла Эм Касс.

– Я это и говорю. Я здесь не затем, чтобы изображать отчаяние и ловить вас на чем-то противозаконном. Я знаю, что все вы нарушаете закон, и мне это до фонаря. Дело как раз в том, что я хочу, чтобы вы нарушили закон, если это будет необходимо. Я должна найти этого ребенка, и прошу вас о помощи, потому что мой коллега инспектор Линли не сможет сделать то, что сможете вы. У него нет ваших ресурсов. И закон он нарушать не будет. Не тот человек.

Это подразумевало, что сама Хейверс не прочь нарушить закон время от времени, поэтому не может строго судить Доути и Эм Касс.

Тем не менее Дуэйн произнес:

– Вам придется поискать других. Мы не нарушаем...

– Я и говорю, что мне все равно, нарушаете вы законы или нет, мистер Доути. Шпионьте за теми, за кем считаете нужным. Ройтесь в их мусоре. Подключайтесь к их мобильным и почте. К их соцсетям. Станьте *ими*, в конце концов. Я назвала вам много способов, и я хочу, чтобы вы использовали их все. Пожалуйста.

Они не стали спрашивать, почему она сама этого не делает, и Барбаре не пришлось раскрывать им страшную тайну: по ее собственной вине и из-за ее собственной глупости она была связана по рукам и ногам. С Ардери, пристально наблюдающей за ней, и инспектором Стюартом, подбрасывающим ей все новые и новые задания, с двумя расследованиями, в которых она участвовала, ее возможности делать что-то, помимо ее ежедневной работы, были сильно ограничены. Более того, этих возможностей просто не было. Нанять Доути и его помощницу было, пожалуй, единственным, что она могла сделать в реальности. Это означало, что ей, по крайней мере, не придется ждать вестей от Линли, который, по-видимому, не жаждал делиться с ней новостями, так как был зол на нее за то, что ему пришлось из-за нее уехать из Лондона.

Доути вздохнул.

– Эмили? – спросил он, казалось, перекладывая решение на своего помощника.

– Сейчас у нас нет ничего особо срочного, – отозвалась та. – Только развод и эта история с получением компенсации за поврежденную спину. Думаю, что мы смогли бы проверить некоторые факты. В первую очередь Германию.

– Ажар не...

– Минуточку. – Доути наставил свой палец на Барбару. – Для начала вы не будете ничего категорически отрицать, мисс... Глупости. Давайте я буду называть вас по званию. Сержант, не так ли, Эм?

– Точно, – подтвердила Касс.

– Поэтому вам необходимо подготовить себя к чему угодно, сержант. Вопрос – готовы ли вы к этому?

Барбара кивнула:

– Абсолютно готова.

Боу, Лондон

Они вместе вышли из бара, но на тротуаре распрощались. Дуэйн Доути и Эм Касс проводили взглядом плохо одетого детектива, направляющуюся в сторону Роман-роуд. Когда она скрылась из виду, они вернулись в бар. Это было сделано по требованию Эмили.

– Плохая идея, – сказала она. – Мы не работаем на полицию, Дуэйн. Это дорога приведет нас туда, где я совсем не хочу оказаться.

Нельзя сказать, что он был с ней полностью не согласен. Однако она, видимо, не видела ситуацию в целом.

– Проверка алиби в Берлине. Да это детские игрушки, Эм. И потом, все хотят, чтобы девочка нашлась.

– Это от нас не зависит. У нас существует масса ограничений, а тут еще Скотланд-Ярд, идущий за нами по пятам...

– Она призналась, что работает там. А могла соврать. Это о чем-то говорит.

– Это не говорит ни о чем. Она знала, что мы будем проверять ее, уже в тот момент, когда назвала свое имя, придя к тебе с профессором. Она не дура, Дуэйн.

– Но она в отчаянии.

– Она просто влюблена в него. И в его дочь.

– А любовь, как мы знаем, бывает изумительно слепа.

– Не любовь, а ты. Ты не спрашивал меня о моем мнении по поводу всего этого, но я тебе его скажу: «Нет». Предлагаю пожелать ей успехов и все такое, и мы, к сожалению, ничем не сможем вам помочь... Потому, что это правда, Дуэйн. Ничем.

Доути изучал ее. Эмили редко говорила с такой страстью. Для этого она была слишком холодна. Он не платил ей ее солидную зарплату за то, чтобы она демонстрировала эмоции. Но это дело взволновало ее, что говорило о том, насколько оно ее беспокоило.

– По-моему беспокоиться не о чем, – сказал он. – Это позволит нам больше знать о происхождении. А наша работа остается неизменной – мы предоставляем информацию. И нам не важно, предоставляем мы ее полицейским или первому встречному на улице. Что люди делают с этой информацией, нас не касается, как только мы передаем ее заказчику.

– Ты что, действительно думаешь, что кто-то в это поверит?

Он посмотрел на нее и улыбнулся своей неторопливой улыбкой.

– Ну же, Эм. Что тебя беспокоит? Я готов выслушать, если ты назовешь причину.

– Причина простая. Полиция Метрополии и эта женщина – сержант Хейверс.

– Которую, как ты сама только что сказала, привела к нам любовь. А любовь, как это только что заметил я, изумительно...

– Слепа. Хорошо. Великолепно. – Эмили вышла на улицу и встала по ветру от курильщиков. – С чего ты хочешь начать?

Ей все это не нравилось, но она прежде всего была профессионалом. И ей, как и ему, надо было ежемесячно оплачивать счета.

– Спасибо, Эмили, – сказал он. – Начнем с немецкой части расследования. Но, чтобы подстраховаться, давай будем записывать телефонные разговоры. Для нашего спокойствия.

– А как с компьютерами?

Он взглянул на нее.

– Компьютеры – значит Брайан.

Эмили закатила глаза.

– Предупреди меня заранее, чтобы я взяла отгул.

– Договорились. Серьезно – мне кажется, что тебе надо ему отжаться, Эм. Все станет гораздо проще.

– Ты хочешь сказать, что он будет выполнять мои распоряжения и, таким образом, делать то, что нужно тебе?

– В мире бывают вещи и похуже, чем прибрать к рукам такого парня, как Брайан Смайт.

– Да, но все вещи похуже, которые происходят именно тогда, когда такой парень, как Брайан Смайт, уже прибран к рукам. – На лице у нее появилась гримаса недовольства. – Бессердечное соблазнение только для того, чтобы лучше защитить наши секреты? Не пойдет.

– Ты предпочитаешь альтернативу?

– Мы ее не знаем.

– Ну, всегда можно догадаться.

Эм посмотрела через его голову в глубину паба. Он повернул голову в том же направлении. Участницы девичника строились в паровозик. Музыка уже не было, но это ни в малейшей мере не умаляло их удовольствия. Они стали двигаться в сторону выхода, под аккомпанемент криков, хихиканья и звуков падения.

– Боже, – вздохнула Эм Касс. – Почему женщины такие дуры?

– Все мы дураки, – утешил Доути. – Но понимаем это только задним умом.

Апрель, 22-е

Вилла Ривелли, Тоскана

Напротив сада и у дальнего конца рыбного садка, на вершине холма находилась низкая стена, все еще зеленая после зимних дождей. С холма открывался широкий вид на окрестности с деревеньками, которые купались в теплом весеннем солнечном свете, и с дорогой, извивавшейся между ними на пути из долины, расположенной внизу. Дорога хорошо просматривалась, поэтому сестра Доменика Джустина сразу увидела его, хотя он был еще далеко.

Она и Карина пришли кормить золотых рыбок, которые мелькали в воде, как сполохи оранжевого цвета. Они отходили от края пруда и наблюдали, как рыбки захватывали корм своими жадными ртами. Когда корм кончился, сестра Доменика Джустина повернула девочку в сторону великолепного вида.

– *Che bella vista, nevvro?*⁹² – произнесла она и стала перечислять Карине названия окрестных деревень.

Девочка с серьезным видом повторяла каждое название. Она изменилась с того дня в подвале: стала более наблюдательной и менее беспечной, быть может, более обеспокоенной. Но сестра Доменика решила, что этого не изменишь. Надо было выбирать, что важнее. Именно в этот момент она заметила машину, мелькавшую среди ветвей, затенявших дорогу... Она узнала ее даже на таком расстоянии. Машина была ярко-красная и с убранной крышей. Водителя она узнала бы в любом месте земли. Его приезд означал опасность. Ведь если он привез к ней Карину, он же мог ее и увести. Он уже поступил так однажды, правда ведь?

– *Vieni, vieni*⁹³, – сказала она девочке. И чтобы Карина лучше поняла ее, взяла ребенка за руку и повела ее по узкой террасе и вниз по тропинке.

Они пересекли широкую поляну сзади виллы, торопясь в направлении подвалов.

Плотная штора поднялась в одном из окон здания. Сестра Доменика Джустина увидела это, но то, что происходило на территории виллы, ее мало волновало. Бояться надо было того, что находилось за оградой.

Она заметила, что Карина спустилась к подвалам без всякого энтузиазма. Сестра Доменика больше не водила девочку к тому странному пруду внутри здания – она видела, что девочка этого боится. В том пруду бояться было нечего, но она не умела объяснить Карине, почему. Сейчас Доменика совсем не собиралась вести ее в ту часть подвалов. Она просто хотела, чтобы девочка остановилась у первой винной бочки.

– *Veramente? Non c'è nulla da temere qui*⁹⁴, – прошептала она. Может быть, пауков, но они безобидны. Если уж бояться, то дьявола.

К счастью, Карина поняла смысл того, что говорила сестра Доменика, и, казалось, она вздохнула с облегчением, когда поняла, что женщина не собирается вести ее в подвалы дальше второй комнаты. Она скорчилась между двумя древними винными бочками, став коленями на грязный пол. Шепотом девочка спросила:

– *Non chiuda la porta. Per favore, Suor Domenica*⁹⁵.

Это она могла сделать для ребенка. Закрывать дверь было совсем не обязательно, особенно если Карина обещает сидеть тихо.

⁹² Какой красивый вид, правда? (итал.)

⁹³ Пойдем (итал.).

⁹⁴ Ведь правда? Нам нечего здесь бояться (итал.).

⁹⁵ Пожалуйста, не закрывайте дверь, сестра Доменика (итал.).

Карина обещала.

– *Aspetterai qui?*⁹⁶ – спросила сестра Доменика.

Карина кивнула. Конечно, она подождет.

Когда он приехал, сестра Доменика уже была среди своих овощей. Сначала она услышала шум мотора и шорох шин по гальке. Затем мотор замолчал, хлопнула дверь, а затем послышались шаги, взбирающиеся по лестнице в ее крохотное жилище над стойлом. Он позвал ее. Она поднялась с земли, тщательно вытирая руки о тряпку, висевшую у нее на поясе. Услышала, как две двери открылись и захлопнулись наверху, а затем его шаги стали спускаться. Заскрипела садовая калитка, и она наклонила голову. Доменика, скромница Доменика, готовая подчиниться любому его желанию...

– *Dov'è la bambina? Perch' non sta nel granaio?*⁹⁷ – спросил он.

Женщина ничего не ответила. Послышались его шаги в огороде, и она увидела его ботинки, когда он остановился рядом с ней. Она повторяла себе, что должна быть сильной. Он не отберет у нее Карину, хотя девочка и не сидит в стойле, как он приказывал.

– *Mi senti?*⁹⁸ – спросил он. – *Domenica, mi senti?*

Доменика кивнула. Она не была глухой, и он знал это. Она сказала ему:

– *La porterai via di nuovo*⁹⁹.

– *Di nuovo?* – переспросил он недоверчиво. Казалось, он спрашивал, почему же никогда не сможет забрать у нее девочку.

– *Lei e mia*¹⁰⁰, – сказала она.

Она подняла глаза. Он наблюдал за ней. По его лицу было видно, что он обдумывает ее слова. Наконец он что-то понял, положил ей руку на затылок и мягко сказал:

– *Cara, cara*¹⁰¹.

Он притянул ее ближе к себе. Тепло его руки на ее теле было как тавро, которое делало ее навсегда его. Она чувствовала его всем телом, даже кровью.

– *Cara, cara, cara*, – шептал он. – *Non me la riprenderò più, mai più*¹⁰².

Он наклонился и накрыл своими губами ее рот. Его язык раздвинул ее губы, лаская. Потом он поднял льняную юбку, которую она носила.

– *L'hai nascosa?* – проговорил он, не отрываясь от ее рта. – *Perch' non sta nel granaio? Ne l'ho ditto, no? La bambina deve rimanere dentro il granaio. Non ti ricordi? Cara, cara?*¹⁰³

Как же она могла держать Карину в холодном каменном сарае, как он того требовал, удивилась сестра Доменика. Девочка была ребенком, а ребенок должен быть свободным.

Он покрывал ее шею нежными поцелуями. Его пальцы дотрагивались до нее. Сначала здесь. Потом там. Казалось, пламя медленно сжигало ее, когда он нежно опустил ее на землю. На земле он вошел в нее и стал двигаться в ней с завораживающим ритмом. Она не могла не подчиниться ему.

– *La bambina*, – он ей на ухо. – *Capisci? L'ho ritornata, tesoro. Non me la riprenderò. Allora. Dov'è? Dov'è? Dov'è?*¹⁰⁴

С каждым толчком он продолжал говорить. Где она? Я привез его к тебе, мое сокровище.

⁹⁶ Ты будешь ждать здесь? (итал.)

⁹⁷ Где ребенок? Почему ее нет в сарае? (итал.)

⁹⁸ Ты слышишь меня? (итал.)

⁹⁹ Тебе не удастся это снова (итал.).

¹⁰⁰ Она моя (итал.).

¹⁰¹ Дорогая (итал.).

¹⁰² Ты знаешь, я не прошу второй раз, никогда (итал.).

¹⁰³ Где ты ее прячешь? Почему она не в сарае? Я же велел. Ребенок должен находиться в сарае. Ты что, забыла? Дорогая, дорогая (итал.).

¹⁰⁴ Девочка. Понимаешь? Я привез это сокровище. И не заберу его. Где? Где? Где? (итал.)

Доменика приняла его. Она позволила удовольствию накрыть ее с головой до тех пор, пока они не достигли высшей точки. Она даже не думала ни о чем.

Потом он лежал, задыхаясь, в ее руках. Правда, только несколько секунд, а затем он поднялся. Привел в порядок свою одежду. Посмотрел на нее, и она увидела, что на его лице не было выражения любви.

– *Copriti*, – сказал он сквозь зубы. – *Dio mio. Copriti*¹⁰⁵.

Повинуясь, она опустила юбку. Посмотрела на небо. Оно было голубым, без единого облачка. Солнце светило с него, как будто Божье благословение нисходило на нее.

– *Mi senti? Mi senti?*

Нет, она не слушала. Она была далеко. Она была в объятьях любимого, но сейчас...

Он рывком выпрямил ее.

– *Domenica, dov'è la bambina?*¹⁰⁶

Казалось, он выплевывал слова.

Она встала на ноги. Посмотрела на землю, где между грядками с молодым салатом отпечатались контуры ее тела. Взгляд ее был сконфуженным.

– *Che cos'è successo?* – пробормотала она, посмотрев на него. Затем настойчиво повторила:

– *Roberto. Che cos'è successo qui?*¹⁰⁷

– *Pazza*, – ответил он. – *Sei sempre stata pazza*¹⁰⁸.

И тогда Доменика поняла, что между ними действительно что-то произошло. Она чувствовала это в своем теле, и это носилось в воздухе. Они совокуплялись в грязи, как животные, и она еще раз запятнала свою душу.

Он опять спросил, где маленькая девочка. И услышав эти слова, сестра Доменика Джустина почувствовала, как будто шпага вошла ей в бок, чтобы выпить остатки крови. Она сказала ему:

– *Mi hai portato via la bambina già una volta. Non ti permetterò di farlo di nuovo*¹⁰⁹.

Она еще раз повторила, на этот раз очень настойчиво, что он уже однажды забрал у нее ребенка. Больше этого не повторится.

Он закурил сигарету. Отбросил спичку. Затянулся и сказал:

– Почему ты мне не хочешь верить, Доменика? Я был молод. Ты тоже. Теперь мы стали старше. Ты ее где-то прячешь. Ты должна отвести меня к ней.

– Что ты собираешься сделать?

– Ничего плохого. Просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Я привез ей одежду. Пойдем, я покажу тебе. Она в машине.

– Если это так, можешь оставить ее и уезжать.

– *Cara*, – прошептал он. – Этого я сделать не могу.

Он посмотрел за их головы, туда, где в проходе в изгороди из камелий виднелась величественная вилла, молчаливая, но настороженная.

– Ты же не хочешь, чтобы я остался? Ничего хорошего это нам не принесет.

Она поняла, чем он угрожает. Он действительно мог остаться. Если она не покажет ребенка, у нее будут проблемы.

– Покажи мне одежду, – потребовала она.

¹⁰⁵ Прикройся. Ради бога, прикройся (итал.).

¹⁰⁶ Доменика, где ребенок? (итал.)

¹⁰⁷ Что случилось? Роберто, что случилось? (итал.)

¹⁰⁸ Сумасшедшая. Ты всегда была сумасшедшей (итал.).

¹⁰⁹ Один раз ты уже забрал у меня ребенка. Не вздумай сделать это еще раз (итал.).

– Я только этого и хочу. – Он открыл ворота и придерживал их, пока она не прошла. Когда она проходила мимо, он улыбнулся. Его пальцы легко коснулись ее шеи, и она вздрогнула, почувствовав его плоть на своей.

На полу машины она увидела мешки. Два мешка. Он не солгал. Одежда была аккуратно разложена по ним. Это была одежда для маленькой девочки, не новая, но вполне пригодная.

Доменика посмотрела на него. Он сказал:

– Я не хочу ей зла, Доменика. Ты должна научиться мне верить.

Она резко кивнула, повернулась к машине и сказала:

– *Vieni*.

Они прошли через изгородь из камелий. Однако на ступенях подвала Доменика задержалась и посмотрела на своего кузена. Он улыбнулся улыбкой, которую она так хорошо знала. Не бойся, говорила эта улыбка. Я не опасен, сообщала она ей. Оставалось только верить, как она уже сделала это однажды.

– Карина, – тихо позвала она. – *Vienni qui. Va tutto bene*¹¹⁰, Карина.

В ответ она услышала топот быстрых детских ножек, и девочка появилась из своего укрытия среди старых винных бочек.

Она бросилась к ним. Хотя света было недостаточно, сестра Доменика Джустина увидела паутину в темных волосах девочки. Ее колени были испачканы, а на одежде виднелись следы вековой грязи.

Ее лицо осветилось, когда она увидела, с кем пришла сестра Доменика Джустина. Ничуть не боясь, она грациозно подбежала к нему и заговорила по-английски:

– Ну же, ну! Вы пришли забрать меня? Сейчас я поеду домой?

¹¹⁰ Иди сюда. Все в порядке (итал.).

Лукка, Тоскана

Приглашение посетить офис *il Pubblico Ministero* было не намного лучше, чем приглашение посетить его жилище. Последнее было оскорблением и задумывалось как оскорбление; тогда как первое напоминало скорее *un'eritema*¹¹¹, как прыщик на коже, от которого никак не можешь избавиться. Таким образом, Сальваторе Ло Бьянко понимал, что он должен быть благодарен, что Фануччи не стал ждать вечера, чтобы приказать ему предстать перед его прокурорскими очами среди обожаемых орхидей. Однако инспектор почему-то благодарности не испытывал. Он аккуратно представлял свои ежедневные отчеты, как ему и было приказано, однако *Magistrato* с каждым днем влезал в расследование все глубже и глубже. Пьеро был далеко не дурак, но его мозг напоминал тюремную камеру: закрытую, запертую и с потерянным ключом.

Пьеро понимал, что *Magistrato* обладает абсолютной властью при проведении расследования, и он часто ею пользовался. Он лично назначал офицеров, ответственных за расследование. То есть любой офицер мог легко лишиться своего назначения, и все это знали. Поэтому, когда он приглашал кого-то к себе, приходилось подчиняться. Или принимать кару за неподчинение.

Сальваторе направился в палаццо Дукале, где Пьеро Фануччи располагался в офисе, настолько впечатляющем, насколько это позволял местный бюджет. Он отправился пешком, так как *палаццо* находилось совсем рядом, на пьяцца Гранде, где толпа туристов толпилась около памятника любимице города Марии Луизе де Бурбон. Они делали фотографии и слушали истории, связанные с отвратительной Элизой Бонапарт, которая была приговорена своим братом править этим итальянским захолустьем. На южной стороне площади они могли полюбоваться на красочную карусель, увозившую детишек в никуда.

Сальваторе тоже полюбовался на это. Остановился на минутку, чтобы обдумать, что он должен сказать в прокуратуре. Дело в том, что он получил интересную информацию от самого неожиданного источника: от своей собственной дочери. Девочка ходила в Скуола Элементаре Статале Данте Алигьери здесь, в Лукке. Так же как и пропавшая девочка.

В этом не было ничего необычного, дети из окрестностей Лукки часто учились в городских школах. Необычным было то, что Бьянка так много знала об этой девочке.

Сальваторе не сказал Бьянке, что Хадия Упман пропала. Не хотел пугать ребенка. Однако ничего не мог поделать с фотографиями пропавшей, которые были расклеены по всему городу. На этих фото его дочь узнала свою одноклассницу. Узнав ее, она рассказала матери о том, что знакома с ней. Слава богу, Биргит рассказала об этом Сальваторе.

Удобно расположившись с мороженым в единственном кафе, построенном на самой великой стене Лукки, Сальваторе стал аккуратно расспрашивать дочь. Оказалось, что его дочь сначала думала, что Лоренцо Мура был отцом Хадии, не понимая, что в этом случае ее итальянский был бы гораздо свободнее. Хадия сама поведала ей, что ее папа находится в Лондоне. Она гордо сообщила, что он профессор в университете. Она вместе с мамочкой навещала в Италии маминого друга Лоренцо. Папа собирался приехать на Рождество, но у него было слишком много работы, и теперь она ждала его на Пасху. Но планы опять поменялись, потому что он был ужасно занят... Вот его фотография. Он ученый. Он присылает ей электронные письма, и она тоже пишет ему, и, может быть, он приедет на летние ка...

– Как ты думаешь, мог ее папа приехать и забрать ее в Лондон? – спросила Бьянка, и в ее больших темных глазах светилась тревога, которой не должно быть в глазах восьмилетней девочки.

– Может быть, *sara*, – сказал Сальваторе, – все может быть.

¹¹¹ Воспаление (итал.).

Вопрос был в том, должен ли он сообщить эту информацию Пьеро Фануччи. Старший инспектор решил, что все будет зависеть от того, как пойдет встреча.

Первая, кого Сальваторе увидел, когда начал подниматься по ступеням парадной лестницы, была секретарша Фануччи. Долготерпеливая семидесятилетняя женщина, она напоминала Сальваторе его мать. Разница была в том, что вместо черного она всегда носила красное, красила свои волосы в цвет угля и у нее были довольно непрезентабельные усы, которые она, за многие годы, что ее знал Сальваторе, ни разу не попыталась убрать. Секретарша умудрялась оставаться в офисе *Magistrato* столь долгое время потому, что была абсолютно не привлекательна для Фануччи. Настолько, что он даже ни разу не попытался пристать к ней. Будь она хоть немножко привлекательнее для *il Pubblico Ministero*, то не продержалась бы и полугода. Всем было известно, что служебный путь Фануччи был выстлан телами женщин, которых тот уничтожил как морально, так и психологически.

Войдя в приемную, старший инспектор узнал, что ему придется подождать. Ему сказали, что как раз перед его приходом к Фануччи был вызван младший обвинитель. Это значило, что кто-то получает внеочередной нагоняй. Сальваторе вздохнул и взял журнал. Он пролистал его, обратив внимание на то, что очередная американская звезда, скрытый гомосексуалист, собирается жениться на очередной пустоголовой супермодели лет на 20 его моложе, и отбросил это *revista idiota*¹¹² в сторону. После пяти минут ожидания он потребовал, чтобы секретарша Фануччи сообщила *Magistrato*, что его ждут.

Та была шокирована. «Он, что, действительно хочет попасть под извержение *il volcano?*» – спросила она. «Ну конечно», – заверил ее Сальваторе.

Однако оказалось, что прерывать Фануччи не было необходимости. Белый, как мел, молодой человек появился из кабинета и быстро направился вон. Сальваторе вошел без объявления, как он и хотел.

Пьеро внимательно смотрел на него. Его бородавки выглядели белыми наростами на фоне щек, порозовевших от гнева во время беседы с его подчиненным. Видимо, решив не комментировать появление Сальваторе в своем кабинете без предупреждения, он кивнул на телевизор, не произнеся ни слова. Телевизор стоял на одной из книжных полок, и он немедленно включил его.

Это была запись утренней программы BBC. Сальваторе очень плохо владел английским, поэтому с трудом понимал беседу двух дикторов, говоривших со скоростью автоматов. Создавалось впечатление, что их беседа была посвящена обсуждению английских газет, и время от времени они по очереди показывали зрителям то или иное издание.

Сальваторе быстро понял, что ему не потребуется перевод передачи. Пьеро остановил запись в тот момент, когда они дошли до первой страницы одного из таблоидов. Он назывался «Сорс». В нем была напечатана статья.

Старший инспектор понимал, что это не есть хорошо. Один таблоид означал много таблоидов. А много таблоидов значило возможное нашествие британских журналистов на Лукку.

Фануччи выключил запись и жестом предложил Сальваторе присесть. Сам Пьеро остался стоять, потому что быть выше собеседника значило продемонстрировать свою власть над ним, а власть всегда нуждается в демонстрации.

– Что еще ты узнал от этого своего нищего попрошайки? – спросил Фануччи. Он имел в виду несчастного наркомана с плакатом *No fame*. Сальваторе уже один раз официально допросил его в *questura*, но Фануччи настаивал на повторном допросе. Это должен быть, инструктировал он Сальваторе, более серьезный и длительный допрос. Допрос, который мог бы «разбудить» память свидетеля... Если там было что будить.

¹¹² Обозрение для идиотов (итал.).

Сальваторе всячески избегал второго допроса. Если Фануччи был уверен, что наркоман пойдет на все, чтобы удовлетворить свою пагубную привычку, то Сальваторе считал, что это не так. В случае данного конкретного наркота, Карло Каспариа, который собирал милостыню на одном и том же месте возле Порта Сан Джакомо последние шесть лет без каких-либо замечаний, то он был горем своей семьи, но не представлял никакой опасности для других.

Старший инспектор сказал:

– Пьеро, поверьте мне, от этого человека больше ничего не добьешься. У него мозг слишком поражен, чтобы спланировать похищение.

– Спланировать? – повторил Фануччи. – *Торо*, почему ты считаешь, что это было спланировано? Он увидел ее и захватил.

«Ну, а потом что?» – подумал Сальваторе. Он постарался придать своему лицу выражение, в котором был бы виден этот невысказанный вопрос.

– Вполне возможно, друг мой, – важно произнес Фануччи, – что мы имеем дело со спонтанным преступлением. Разве это не очевидно? Он ведь сказал тебе, что видел ребенка, нет? У него хватило мозгов, чтобы это запомнить. Почему же он запомнил именно этого ребенка, а не какого-нибудь другого? Почему он вообще запомнил ребенка?

– Она дала ему еду, *Magistrato*. Банан.

– Вы только послушайте его! Она дала ему другое – надежду.

– Простите?

– Она дала ему надежду заработать большие деньги. Мне, что, надо объяснять тебе, что произойдет, когда он захватит ребенка?

– Но не было никакого требования выкупа.

– А зачем нужен выкуп, когда существует масса других возможностей сделать хорошие деньги на невинной девочке? – Фануччи стал перечислять их, загибая пальцы на шестипалой руке. – Запихнуть ее в машину и вывезти из страны. Продать в секс-индустрию. Превратить в домашнюю рабыню. Продать педофилу с хорошим подвалом, в котором она сейчас и находится. Передать религиозным фанатам для принесения человеческой жертвы. Превратить ее в игрушку для богатого араба.

– Но все это нужно спланировать, Пьеро, не так ли?

– И мы об этом ничего не узнаем, до тех пор пока ты не допросишь Карло еще раз. Ты должен сделать это, не откладывая в долгий ящик. Я хочу прочесть об этом в твоём следующем отчете. Скажи мне, малыш, как еще ты собираешься вести расследование, если не в этом направлении?

Прежде чем ответить на этот обидный вопрос, Сальваторе приказал себе успокоиться. Затем он подумал о той информации, которую смог получить благодаря плакатам и фотографиям, развешанным по всему городу. Это были два звонка из двух отелей в Лукке. Один из них был в черте городских стен, а другой в Арансио, по дороге в Монтекатини. В эти отели приходил мужчина и показывал фото девочки в компании приятной молодой женщины, по-видимому, ее матери. Мужчина их разыскивал и даже оставил карточку со своими телефонами. К сожалению, в обоих случаях служащие ресепшн эти карточки выбросили.

Фануччи стал проклинать женскую глупость. Сальваторе не стал говорить ему, что в обоих случаях на ресепшн работали мужчины. Однако он сказал, что незнакомец разыскивал девочку, по крайней мере, за месяц, а то и за шесть недель до последних событий. Это всё, сказал он, что они знали.

– Кто был этот человек? – потребовал Фануччи. – Как он, по крайней мере, выглядел?

Сальваторе покачал головой. Требовать от местного сотрудника гостиницы, чтобы тот рассказал, как выглядел человек, которого он видел всего один раз месяц, или шесть, или восемь недель назад и не дольше минуты?..

Он развел руками. Это мог быть кто угодно, *Magistrato*.

– И это все, что ты знаешь? Все, что у тебя есть? – наседал Фануччи.

– Что касается мужчины, разыскивавшего женщину с девочкой, *purtroppo*¹¹³, да, – солгал Сальваторе.

А когда Фануччи начал нудную лекцию о его неумении вести расследование с угрозами заменить его, он пошел со своего главного козыря – рассказал об электронных письмах, которыми Хадия обменивалась с отцом.

– Сейчас он в Лукке, – сказал старший инспектор, – и этот вопрос стоит у него выяснить.

– Отец в Лондоне, который пишет письма своей дочери в Лукку, – фыркнул Фануччи. – Насколько это может быть важным?

– Дело в том, что в письмах он давал обещания приехать, которые не выполнил, – сказал Сальваторе. – Нарушенные обещания, несостоявшиеся встречи, разбитое сердце и убежавший ребенок. Это возможность, которую надо проверить. – Он посмотрел на часы. – Я встречаюсь с этими людьми, с ее родителями, через сорок минут.

– После чего ты доложишь...

– *Sempre*¹¹⁴, – сказал Сальваторе. Что-нибудь он, может быть, и доложит. Достаточно, чтобы *il Pubblico Ministero* был доволен тем, как расследование движется под его идиотским руководством. – Итак, что-нибудь еще? – спросил он, поднимаясь со стула.

– Дело в том, что мы еще не совсем закончили, – сказал Фануччи. На его губах появилась улыбка, однако глаза не улыбались. Власть все еще принадлежала ему, и Сальваторе понял, что его в очередной раз переиграли.

Он присел, стараясь выглядеть как можно увереннее, и спросил:

– *E allora?*¹¹⁵

– Звонили из Британского посольства, – сказал Фануччи. В его голосе слышались нотки торжества, и Сальваторе сразу понял, что этот невозможный человек сохранил самые важные новости напоследок. Это было самое малое, что он мог сделать, чтобы отомстить. – Англичане присылают детектива из Скотланд-Ярда. – Пьеро мотнул головой в сторону телевизора, который они только что посмотрели. – После всей этой шумихи у них, по-видимому, нет выбора.

Сальваторе выругался. Такого развития событий он не ожидал. И это ему совсем не нравилось.

– Он не будет сильно мешать, – рассказал ему Фануччи. – Его задача – поддерживать связь между нами и матерью девочки.

Сальваторе выругался еще раз. Теперь ему придется удовлетворять любопытство не только *il Pubblico Ministero*, но и детектива из Скотланд-Ярда. Времени на работу остается все меньше и меньше.

– Кто этот офицер? – спросил он, смирившись.

– Его зовут Томас Линли. Это все, что я знаю. Кроме еще одной детали...

Фануччи замолчал, чтобы подчеркнуть всю драматичность сказанного. Сальваторе подыграл ему.

– И что же это за деталь? – спросил он измученным голосом.

– Он говорит по-итальянски.

– И как хорошо?

– Насколько я понимаю, достаточно. *Sai attento, Topo*¹¹⁶.

¹¹³ К сожалению (итал.).

¹¹⁴ Обязательно (итал.).

¹¹⁵ И что же это? (итал.).

¹¹⁶ Будь осторожен, мышонок (итал.).

Лукка, Тоскана

Для встречи с родителями девочки Сальваторе выбрал «Кафе ди Сима». При других обстоятельствах он пригласил бы их в *questuro*, однако старший инспектор предпочитал использовать такое место в тех случаях, когда на допрашиваемого надо было оказать давление. Ему хотелось, чтобы родители девочки были расслаблены, насколько это было вообще возможно. А *questuro* с его постоянным шумом, гамом и полицейскими не обеспечил бы наличие той атмосферы, которая нужна была Сальваторе. «Кафе ди Сима» было известно своей историей, атмосферой и *pasticceria*¹¹⁷ отменного вкуса. В нем хотелось думать о комфорте, а не о подозрениях: капучино или кофе маккиато для каждого из них, блюдо с *cantucci*¹¹⁸ для всех и спокойная неторопливая беседа в отдельной комнате с маленькими столиками, деревянными панелями и ярким белым полом.

Они пришли по отдельности – мать и отец. Она появилась одна, без сопровождения Лоренцо Мура, который опекал ее на всех предыдущих встречах. Профессор появился тремя минутами позже. Сальваторе сделал заказ в баре и, держа в руках *piatto di biscotti*¹¹⁹, провел их в дальний угол кафе, где находилась дверь, ведущая во внутреннюю комнату, в которой никого не было. Сальваторе надеялся, что здесь их никто не побеспокоит.

– Синьор Мура? – вежливо справился он у синьоры о ее сопровождающем.

– *Verrà*¹²⁰, он подойдет позже. *Stia giocando a calcio*¹²¹, – пояснила она с печальной улыбкой. По всей видимости, Анжелина Упман хорошо понимала, как это выглядит, когда ее любовник отдает предпочтение футболу вместо того, чтобы быть с ней. – *Lo aiuta*¹²², – добавила она, как бы оправдываясь.

Сальваторе удивился. Казалось, что футбол в любом варианте – играть в него или смотреть – никак не мог помочь в их ситуации, что бы она об этом ни говорила. Но, может быть, час-два занятий спортом позволяли Мура отвлечься. А может быть, таким образом он защищался от вполне понятного, постоянного и сильного чувства беспокойства женщины за судьбу ее дочери.

Хотя сейчас Анжелина совсем не выглядела возбужденной – напротив, она была совершенно убита и выглядела совсем больной. Отец девочки – пакистанец из Лондона – выглядел не лучше. Оба они представляли из себя комки нервов, и их можно было понять.

Старший инспектор обратил внимание на то, как профессор подал стул синьоре, прежде чем сел сам. Он заметил, как тряслись руки синьоры, когда она клала сахар в кофе. Заметил, как профессор предложил ей тарелку с *biscotti*, хотя Сальваторе поставил ее прямо перед ним. Заметил, что синьора употребляла имя Хари, разговаривая с отцом девочки. Заметил, как отец моргнул, когда она впервые употребила это имя.

Для Сальваторе были важны любые детали общения этих людей между собой. Он прослужил двадцать лет в полиции не для того, чтобы забыть, что семья первая попадает под подозрение, когда трагедия случается с одним из ее членов.

Используя комбинацию из своего плохого английского и более-менее приличного итальянского синьоры, Сальваторе рассказал им о том, что, по его мнению, им полагалось знать. Что все аэропорты были проверены, так же как и железнодорожные станции, и автобусные

¹¹⁷ Кондитерские изделия (итал.).

¹¹⁸ Особый вид печенья (итал.).

¹¹⁹ Тарелку с печеньем (итал.).

¹²⁰ Увы (итал.).

¹²¹ Он играет в футбол (итал.).

¹²² Это помогает (итал.).

маршруты; что они раскинули широкую сеть поиска, которая не сворачивается, причем не только в Лукке, но и в близлежащих городах. Однако, *purtroppo*, никаких новостей не было.

Сальваторе подождал, пока синьора медленно переведет все это отцу девочки. Ее итальянский позволил ей объяснить основные моменты темнокожему мужчине.

– Теперь все не так... просто, как было раньше, – сказал он, когда она закончила. – До ЕС границы были совсем другими. – Старший инспектор махнул рукой, не для того, чтобы продемонстрировать безразличие, а, напротив, показать свою заинтересованность в происходящем. – Для преступников такое отсутствие охраняемых границ очень хорошо. Здесь, в Италии... – он улыбнулся извиняющейся улыбкой. – С ЕС мы получили стабильную валюту. Но все остальное – например, наблюдение за передвижениями людей – все стало гораздо труднее. Например, если дорога пересекает границу... Все это можно проверить, но на это требуется время.

– А порты? – спросил отец ребенка. Мать перевела, хотя и без перевода было понятно, что он имеет в виду.

– Порты проверяют, – Сальваторе не стал говорить им то, что было очевидно для любого, хоть немного знакомого с географией. Сколько портов и доступных пляжей было в этой длинной и узкой стране с береговой линией, протянувшейся на тысячи километров? Если кто-то тайно вывез ребенка из Италии морским путем, можно считать, что девочка потеряна навсегда.

– Но существует вероятность, большая вероятность, что Хадия все еще в Италии, – заметил он. – Возможно, что она все еще в Тоскане. Вот на что вы должны надеяться.

На глазах синьоры показались слезы, но она сдержалась.

– Скажите, инспектор, сколько дней... обычно проходит, прежде чем находят... ну какие-то... следы, улики? – Анжелина, конечно, не сказала «прежде чем находят тело». Ни один из них не хотел это произнести, хотя все, по-видимому, думали именно об этом.

Старший инспектор постарался как можно подробнее рассказать ей о местности, в которой они жили. Здесь находились не только Тосканские холмы, но и, сразу же за ними, начинались Апуанские Альпы¹²³. И там, и там находились сотни деревень, замков, ферм, коттеджей, убежищ, церквей, монастырей и гротов. Ребенок мог находиться где угодно, в любом из этих мест. До тех пор, пока не найдется какая-нибудь улика или кто-то что-то не вспомнит, им придется запастись терпением и ждать.

В этот момент слезы все-таки потекли из глаз Анжелины Упман. Она совсем не обратила на них внимания. Они просто текли из глаз по ее щекам, а женщина не делала ни малейшей попытки вытереть их. Профессор подвинулся ближе к ней и положил свою руку на ее.

Сальваторе рассказал им о Карло Каспари, чтобы дать им хоть крохотную надежду. Наркомана уже допрашивали и допросят еще. Они все еще пытаются извлечь что-то полезное из той пустыни, в которую превратился его мозг. Сначала казалось, что он мог сам организовать похищение, объяснил Сальваторе. Но так как никто не потребовал выкупа... Он вопросительно замолчал.

– *Si*, никакого выкупа, – шепотом подтвердила Анжелина Упман.

– ...Приходится согласиться, что он здесь ни при чем. Конечно, он мог бы захватить девочку и передать ее кому-то за деньги. Но это требовало такого уровня подготовки и планирования, на который Карло был просто неспособен. Ведь его так же хорошо знали на рынке, как и аккордеониста, которому их дочь регулярно давала деньги. Если бы он повел девочку куда-то, один из *venditori*¹²⁴ его наверняка бы узнал.

Во время этого объяснения наконец появился Лоренцо Мура. Он бросил свою спортивную сумку на пол и приставил стул к столу. Итальянец тут же заметил, что английский профес-

¹²³ Горный хребет на севере Италии в Тоскане.

¹²⁴ Продавцы (итал.).

сор сидит близко к синьоре. Его взгляд скользнул по руке мужчины, которая все еще лежала на руке синьоры. Таймулла Ажар убрал руку, но не отодвинулся. Мура сказал Анжелине «*cara*» и поцеловал ее в макушку.

Сальваторе не нравилось, что футбольные занятия Муры оказались для него более важны, чем эта встреча. Поэтому он просто продолжил. Если Мура хотел узнать, что говорилось раньше, кто-то другой должен будет рассказать ему об этом.

– Потом, это совсем не в характере Карло. Мы ищем кого-то, для кого похищение ребенка было бы приемлемым делом. Это ведет нас к педофилам, за которыми мы пристально наблюдаем, и к тем, кого мы подозреваем в педофилии.

– И что же из этого? – задал вопрос Мура – отрывисто, как это и должен был сделать представитель известной семьи. Все они считают, что полиция сразу же встанет перед ними на задние лапки, так, как она это делала в годы их невероятного богатства и могущества. Это Сальваторе не нравилось, хотя он и мог это понять. Однако он не собирался вставать на задние лапки.

Старший инспектор проигнорировал вопрос Муры и обратился к родителям девочки:

– Оказалось так, что моя дочь знает вашу Хадью, хотя я не имел об этом представления, пока Бьянка не увидела плакаты в городе. Они вместе ходили в школу Данте Алигьери. Кажется, они часто общались, после того как ваша дочь пришла в класс Бьянки. Она рассказала мне кое-что, что заставило меня усомниться в том, что это было похищение.

Родители не сказали ни слова. Мура ухмыльнулся. По-видимому, все они подумали об одном и том же. Если полиция не рассматривала исчезновение ребенка как похищение, значит, полиция считала, что ребенок или убежал из дома, или был убит. Иной альтернативы не было.

– Ваша девочка много рассказывала моей о вас, – сказал Сальваторе, на этот раз обращаясь только к профессору. Он подождал, пока синьора перевела. – Она сказала, что вы писали ей электронные письма, в которых обещали приехать на Рождество, а затем на Пасху.

Придушенный возглас профессора остановил старшего инспектора. Синьора поднесла руку ко рту. Мура перевел взгляд со своей любовницы на отца девочки, и его глаза подозрительно сощурились, в то время как профессор сказал:

– Я не... Электронные письма?

И вся ситуация сразу усложнилась еще больше.

– *Si*, – сказал Сальваторе. – А что, вы не писали электронных писем Хадии?

Потрясенный профессор произнес:

– Я не знал... Когда Анжелина с Хадией уехали, никто не знал, куда. У меня не было возможности... Ее компьютер остался у меня. Мне в голову не приходило... – Он говорил с таким трудом, что было очевидно: все, что он говорит – правда. – Анжелина... – Профессор посмотрел на нее. – Анжелина... – Кажется, это все, что он мог выговорить.

– Мне пришлось. – Она скорее выдохнула слова, чем произнесла их. – Хари. Ты должен... Я не знала, как еще... Если бы она не получала от тебя весточки, она бы... Она бы стала задавать вопросы. Она боготворит тебя, и это был единственный способ...

Сальваторе откинулся на стуле и внимательно смотрел на синьору. Его английского хватило на то, чтобы уловить смысл сказанного. Он перевел взгляд на профессора. Затем посмотрел на Муру. Он видел, что тот ничего об этом не знает. Сальваторе быстро сложил пазл.

– Настоящих писем не было. Эти письма, которые получала ваша дочь... Кто писал их, синьора?

Анжелина покачала головой и нагнула ее так, что часть лица оказалась закрыта волосами.

– Моя сестра. Я говорила ей, что писать.

– *Батшеба*? – воскликнул профессор. – Батшеба писала письма, Анжелина? Она притворялась... Но когда мы с ней говорили... когда мы говорили с твоими родителями... все они говорили... – Одна его рука сжалась в кулак. – Хадия верила этим письмам, правда? Ты сделала

аутентичный английский адрес. Чтобы у нее не было никаких сомнений, никаких вопросов... Так, чтобы она думала, что это пишу я, и даю ей обещания, которые не выполняю.

– Хари, я очень сожалею...

Теперь слезы лились из ее глаз потоком. Она стала рассказывать. Это был рассказ о ее сестре и ненависти, которую она – и вся их семья – испытывала к нему, ведь он был пакистанец. И о том, как ее сестра согласилась помочь ей сбежать от него. И о том, как обе женщины общались все это время. И как все, начиная с ноября прошлого года, было спланировано, за исключением, конечно, самого похищения Хадии.

Синьора спрянула лицо в ладонях и сказала в заключение:

– Мне очень, очень жаль.

Ажар долго смотрел на нее. Сальваторе показалось, что он пытается найти в себе силы, которые позволили бы ему пережить все это, силы, которые старший инспектор никогда бы не смог найти в себе.

– Что сделано, то сделано, Анжелина, – сказал профессор с большим достоинством. – Не могу сказать, что я тебя понимаю. Все вот это... Все, что ты сотворила... Но сейчас самое главное – это безопасность Хадии.

– Пойми, я не ненавижу тебя, – всхлипывала синьора. – Просто ты никогда меня не понимал. Я все старалась и старалась заставить тебя увидеть...

Профессор еще раз положил свою руку на ее.

– Может быть, мы не смогли понять друг друга. Но сейчас это не важно. Послушай меня, Анжелина – сейчас важна только Хадия. Только Хадия.

Неожиданное движение Муры заставило Сальваторе посмотреть на него. На фоне родимого пятна кожа его лица всегда выглядела бледной, но сейчас от старшего инспектора не укрылась краснота, ползущая от его шеи, и его сжатые челюсти. Он быстро подался вперед и так же быстро – почувствовав, наверное, взгляд полицейского, – выпрямился. Сальваторе заметил это. На этого человека тоже надо обратить внимание, подумал он, и сказал родителям:

– Вам, наверное, будет интересно узнать, что к расследованию подключилась британская полиция. Сегодня прибывает детектив из Скотланд-Ярда.

– Барбара Хейверс? – Профессор произнес имя с такой надеждой, что Сальваторе было жаль разочаровывать его.

– Это мужчина, – сказал он. – Его зовут Томас Линли.

Ажар дотронулся рукой до плеча Анжелины. Он не убрал руку.

– Я знаю этого человека. Он поможет найти Хадия, – сказал он. – Это очень хорошие новости.

Сальваторе не разделял его мнения. Он хотел сказать им, что целью детектива будет информировать их о том, как продвигается расследование. Но прежде чем он успел это сказать, Лоренцо вскочил на ноги.

– *Andiamo*¹²⁵, – резко сказал он Анжелине, рывком отодвигая ее стул. Кивнул на прощание Сальваторе. Профессора он полностью проигнорировал.

¹²⁵ Пойдем (итал.).

Лукка, Тоскана

Линли без проблем добрался из Пизы в Лукку, благодаря подготовке, проведенной Чарли Дентоном. Последний по полной программе обеспечил его картами из Интернета, съемками города со спутника, указателями движения и картой автомобильных парковок, отмеченных крупным красным Р, как в пределах стены, так и за ней. Чарли также указал на карте местонахождение *questura*, а на снимке из космоса стрелками указал местонахождение римского амфитеатра, в котором находилась гостиница Линли. Он забронировал себе тот же пансионат, в котором жил Ажар. Это сделает его общение с Ажаром проще, размышлял Томас.

Он бывал в Италии множество раз – будучи ребенком, затем подростком и, наконец, во взрослом возрасте. Однако в Лукке до этого ему бывать не доводилось. Поэтому Томас не ожидал увидеть прекрасно сохранившуюся громадную стену, защищавшую когда-то город от захватчиков и наводнений, часто случавшихся в силу расположения города на плоской равнине, по которой несла свои воды река Серхио. Во многом Лукка напоминала множество тосканских городов и деревень, которые он видел раньше: с их кривыми, вымощенными булыжником улочками, с их пьяццами, на которых обязательно стояла церковь, и фонтанами, в которых сверкала чистая родниковая вода. Но были три отличия Лукки от всех остальных городов, которые он видел раньше, – количество церквей, почти идеально сохранившиеся башни и невероятных размеров городская стена.

Ему дважды пришлось объехать вокруг стены, прежде чем он нашел парковку, которую Дентон отметил как ближайшую к амфитеатру, так что у него была возможность рассмотреть тенистые деревья, растущие на ней, а также статуи и древние бастиины. Он обратил внимание на парки, людей на велосипедах, роликовых коньках или в креслах на колесиках. Полицейская машина проезжала между ними, двигаясь со скоростью улитки. Другая была припаркована у одних из многочисленных ворот, ведущих во внутренний город.

Сам Линли въехал через Порта Санта Мария. Там он припарковался и пешком направился к пьяцца делл' Анфитеатро, полусфере на плоском лице города.

Томасу пришлось пройти половину внешней окружности амфитеатра, прежде чем он нашел одну из похожих на туннель галерей, которая привела его внутрь строения. Оказавшись там, он заморгал от яркого солнца, которое освещало древние белые жилые здания и желтые плиты, составлявшие основу площади. Здесь же находились сувенирные лавки, кафе, апартаменты и пансионы. Его назывался Пансион Джаardiniно, хотя его единственной связью с садом была впечатляющая коллекция кактусов, других растений с мясистыми листьями и кустарников, выставленных в терракотовых горшках вдоль заведения.

Через несколько минут Томас уже познакомился с владелицей этого места. Это была молодая женщина на последнем сроке беременности, которая представилась, задыхаясь, как Кристина Грация Валлера. Она передала ему ключи от номера, показала комнату с низким потолком, где по утрам накрывался завтрак, и назвала ему время *calazione*¹²⁶. Прodelав все это, женщина исчезла в задней части здания, откуда доносился плач ребенка и запах пекущегося хлеба, предоставив ему самому искать его комнату.

Это оказалось не так уж и трудно. Линли взобрался вверх по ступенькам, увидел двери четырех комнат и обнаружил свою, под номером 3, в передней части здания. Внутри было жарко, и он поднял металлические жалюзи, а затем открыл и само окно. Взглянул на площадь внизу. В центре нее, в круг, сидела большая группа студентов, смотревших на здания, окружавшие их. Каждый из них рисовал свою часть площади, тогда как их учитель прогуливался между ними.

¹²⁶ Завтрак (итал.).

Томас увидел Ажара в тот момент, когда пакистанец вышел из галереи и направился к пансиону. И наблюдал, как он шел. Казалось, в нем не осталось ничего, кроме отчаяния. Линли хорошо знал это чувство, все его мельчайшие нюансы. Он наблюдал, отступив на шаг от окна, до тех пор, пока Ажар не скрылся из виду, войдя в пансион.

Томас снял пиджак и положил чемодан на кровать. В этот момент он услышал шаги в коридоре и подошел к двери. Когда он открыл ее, Ажар уже стоял рядом с дверью в свою комнату, которая располагалась рядом с комнатой Линли. Он оглянулся – как сделал бы любой на его месте, – и Линли потрясло, насколько Таймулла владел собой, несмотря на отчаяние, которое было хорошо заметно даже в тусклом освещении коридора.

– Старший инспектор сказал мне, что вы приезжаете, – сказал Ажар Томасу, подходя, чтобы пожать ему руку. – Я очень благодарен вам, инспектор Линли, за то, что вы приехали. Я знаю, какой вы занятой человек.

– Барбара хотела, чтобы послали ее, – объяснил Линли, – но начальство не согласилось.

– Я знаю, что ей приходится вести себя очень осторожно во всем этом деле, – Ажар сделал жест, как бы показывая на пансион, но Линли понимал, что он имеет в виду ситуацию с исчезновением Хадии. Он также понимал, что «она» во фразе Ажара никак не относилось к Изабелле Ардери.

– Она так и делает, – сказал он профессору.

– Я хотел бы, чтобы она держалась подальше от всего этого. Беспокоиться еще и о ней... о том, что с ней может произойти... как это может отразиться на ее работе в полиции... Мне бы этого не хотелось, – откровенно объяснил Ажар.

– Не волнуйтесь об этом, – сказал инспектор. – За многие годы знакомства я понял, что Барбара всегда поступает по-своему в том, что касается вещей, которые важны для нее. Наверное, временами это нерационально. Ее сердце всегда право, но, к сожалению, не всегда дает правильные советы ее рассудительности.

– Это я тоже понял.

Линли объяснил Ажару, каковы будут его функции, пока он будет находиться в Лукке. Он был абсолютным чужаком, и степень его помощи расследованию будет зависеть от местной полиции и *Magistrato*. Этот человек – *Magistrato* – руководил следствием, объяснил Линли Ажару. Такова была структура итальянской полиции.

– Моя задача – накапливать информацию, – продолжал Линли свой рассказ о том, как случилось так, что полиция Метрополии решила направить своего представителя в Лукку: все это произошло из-за «Сорс» и из-за того, что Барбара, по-видимому, слила им информацию.

– Как вы можете догадаться, суперинтендант Ардери была далеко не в восторге. Конечно, невозможно доказать, что именно Барбара делилась закрытой информацией с газетой, но я должен сказать, что, надеюсь, мое присутствие здесь избавит ее от дальнейших неприятностей в Лондоне.

Ажар молчал, обдумывая услышанное.

– Я тоже надеюсь... – Он не закончил мысль. – Таблоиды здесь тоже пишут о развитии событий. Я тоже делаю все возможное, чтобы дело не затихло. Потому что когда в дело вступают таблоиды... – Он грустно пожал плечами.

– Я понимаю вас, – сказал Линли. – Давление на полицию – это давление на полицию. Не важно, кто давит, но это дает свои результаты.

Ажар рассказал ему, что распространяет листовки в соседних деревнях и городках. Вместо того, чтобы агонизировать в ожидании хоть каких-нибудь новостей, он каждый день развозит листовки с информацией о похищении Хадии по все расширяющейся окружности, охватывавшей Лукку и ее окрестности. Таймулла принес их из комнаты и показал инспектору. На листовке была большая и очень качественная фотография Хадии, ее имя, а также большими

буквами надпись «ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ» на итальянском, английском, немецком и французском языках. Там же был телефонный номер – Линли решил, что это номер полиции.

Томас был потрясен, какой невинной выглядела Хадия на фото, и тем, каким еще, в сущности, ребенком она была. В нынешнем мире дети взрослеют все раньше и раньше, поэтому Хадия вполне могла выглядеть на фото как миниатюрная болливудская¹²⁷ звезда. Вместо этого на фото была маленькая девочка с волосами, заплетенными в косы, перевязанные маленькими бантиками. На ней была отутюженная школьная форма, и она улыбалась, смущенно глядя в объектив своими карими глазами. Хадия выглядела довольно миниатюрной для девятилетней, и Ажар подтвердил, что так оно и есть. Это значило, что ее можно было принять за девочку младше по возрасту. Отличный выбор для педофила, угрюмо подумал Линли.

– Листовки совсем не трудно распространять вблизи города, но когда двигаешься дальше, туда, где города взбираются на холмы... Там это гораздо сложнее.

Достав карту из ящика, Ажар объяснил, что собирался продолжить разносить листовки в близлежащие населенные пункты. Если у инспектора Линли есть время, то он, Ажар, может показать, куда ему уже удалось добраться. Томас кивнул. Они спустились по ступенькам, вышли на площадь, на которой, напротив пансиона, находилось кафе с маленькими столиками и тенью, уселись и заказали кока-колу, после чего Ажар раскрыл свою карту.

Линли заметил, что Таймулла обводил кружками населенные пункты, где уже успел побывать. И хотя сам Томас был хорошо знаком с тосканскими пейзажами, он позволил Ажару рассказать о сложностях, с которыми сталкивался последний, переходя из одного городка в другой среди соседних холмов. Линли видел, что сам процесс рассказа о проделанной работе позволял Ажару отвлечься от того невероятного напряжения, которое давило на него. Поэтому Томас кивнул на карту и заметил, что Таймулла был очень кропотлив в поисках своей дочери.

Однако скоро рассказ профессора иссяк. И тогда он сказал то, что, по-видимому, избегал говорить с самого начала:

– Инспектор, прошла уже целая неделя.

Когда Линли ничего не ответил, а только кивнул, Ажар продолжил:

– Что вы думаете обо всем этом? Прошу вас, скажите мне правду. Я знаю, как вам этого не хочется, но я должен услышать правду.

Линли притворился, что верит всему, что рассказал ему Ажар. Он отвел от него глаза и посмотрел на студентов, занятых своими рисунками; отметил насыщенную зелень растений, решетчатые ставни на окнах, защищающие квартиры от солнечных лучей. Из одной из квартир доносилось лаянье собаки, из другой – звуки фортепьяно. Линли размышлял, как лучше рассказать правду. И решил рассказать все как есть.

– Дело в том, что наша ситуация отличается от похищения совсем маленького ребенка, – негромко сказал он отцу Хадии. – Бывает, что грудничка выхватывают из коляски или стульчика. Подобное похищение, без требования выкупа, означает, что ребенка похитили или для себя, или для кого-то, кто не планирует причинить ему вред. Речь может идти о незаконном «усыновлении» с помощью денег или о передаче ребенка родственникам, которые жаждут заиметь своего малыша. Но похищение ребенка в возрасте Хадии, в девять лет, предполагает нечто другое.

Ажар не задавал никаких вопросов. Он только сильнее сцепил руки, лежащие на карте.

– Не было никаких требований... – тихо произнес он, – никаких требований... ни единого свидетельства...

Он имел в виду «тело не найдено», понял Линли.

– Это очень хороший знак. – Томас не стал распространяться на тему, как легко можно спрятать тело в тосканских холмах или в Апуанских Альпах сразу за ними. Вместо этого он

¹²⁷ Болливуд – распространенное название индийской киноиндустрии.

сказал: – Из этого мы можем заключить, что она здорова. Испугана, но здорова. Кроме того, мы можем предположить, что, если Хадию украли с целью передать какому-то третьему лицу, ее будут некоторое время прятать.

– Почему?

Линли глотнул коку и подлил еще себе в стакан, в котором плавали три кубика льда, безуспешно старавшиеся охладить напиток.

– Маловероятно, что девятилетний ребенок забудет своих родителей, правда? Значит, ее надо удерживать в изоляции до тех пор, пока она не станет послушной, не привыкнет к своему положению и не смирится с ним. Она находится в чужой стране, и ее языковые возможности, скорее всего, ограничены. Со временем, для того, чтобы выжить, ей придется научиться смотреть на своих похитителей, как на спасителей. Она должна привыкнуть зависеть от них. Но все это нам только на руку. Потому что время работает на нас.

– И все-таки, если ее не похитили для последующего удочерения, – заметил Ажар, – то я не понимаю...

Линли быстро прервал его, не давая разыгаться его воображению:

– Она достаточно юна, чтобы быть использованной в целом ряде занятий, в которых необходим ребенок. Однако не столь важны сами эти занятия, как то, что для них она нужна живой и здоровой.

Томас не стал говорить о более ужасных сценариях, которые, по его мнению, тоже были возможны. Он не сказал, что по возрасту она идеально подходила на роль игрушки для педофила, которую держат в подвале, в доме с тщательно спрятанной и еще более тщательно звукоизолированной комнатой, в одиноком заброшенном доме среди холмов, наконец. Потому что тот, кто так успешно увел ее с рынка в тот день, должен был хорошо подготовиться к похищению. А это подразумевает и подготовку к дальнейшему использованию. В таких случаях продумываются все мелочи. Поэтому, хотя время и было на их стороне, правда состояла в том, что обстоятельства были против них.

Однако была одна небольшая надежда, и этой надеждой была сама Хадия. Потому что не все дети ведут себя так, как это предписывает детская психология. И было достаточно просто выяснить, как она может повести себя в той или иной нестандартной ситуации.

– Я хотел бы спросить вас, – сказал Линли, – насколько велика вероятность, что Хадия будет бороться в создавшейся ситуации.

– Что вы имеете в виду?

– Иногда дети бывают удивительно изобретательны. Могла бы она поднять шум в подходящий момент? Смогла бы привлечь к себе внимание?

– Каким образом?

– Ведя себя не так, как ей сказали. Пытаясь вырваться из плена, бросившись на похитителей с кулаками, разведя огонь, проколов шины у автомобиля? Все что угодно, но не быть послушной.

«Что-нибудь, – подумал про себя Линли, – что мог бы попытаться сделать взрослый человек».

Казалось, Ажар задумался, пытаясь найти ответ. Где-то зазвонил церковный колокол; этот звон подхватили другие колокола, и он плыл над городом, отражаясь от узких улочек Лукки. Высоко в небе плотным каре кружились дикие голуби, не давая взлететь домашней птице.

Таймулла откашлялся.

– Нет, ничего из того, что вы назвали. Ее воспитывали, чтобы она не доставляла проблем взрослым. Я обращал на это, да простит меня Всевышний, очень много внимания.

Линли кивнул. К сожалению, так устроен мир. Очень часто маленькие девочки, независимо от их культурной принадлежности, воспитывались родителями и окружающими в духе покорности и послушания. Использовать находчивость и кулаки учили обычно мальчиков.

– Старший инспектор Ло Бьянко, мне кажется, надеется... Несмотря на то, что прошла уже неделя... – добавил Ажар.

– Я с ним согласен, – сказал Линли.

Но он не сказал своему собеседнику, что без информации от похитителей или от кого бы то ни было другого эта надежда очень быстро улетучивалась.

Виктория, Лондон

Барбара Хейверс откладывала звонок, сколько могла. Более того, она пыталась запретить себе звонить. Но к обеду уже не могла больше ждать отчета инспектора Линли, поэтому позвонила ему на мобильный.

Барбара знала, что он ею недоволен. Любой другой сотрудник целовал бы ей ноги в знак благодарности за то, что ее вмешательство в судьбу Хадии привело к его командировке в Италию в качестве офицера связи для семьи девочки. Но у Линли были свои планы, которые не включали в себя поездку в Италию за счет полиции Метрополии. Ему надо было посещать матчи по роллер-дерби, и у него была Дейдра Трейхир для... черт знает, чего бы он хотел от нее добиться.

Когда Томас ответил единственным словом «Барбара», она заторопилась.

– Я знаю, что вы злитесь. Я, правда, очень сожалею, сэр. У вас были свои планы, а я перекрыла вам кислород и все испортила. Я знаю.

– А, как я и предполагал, – ответил он.

– Я ни в чем не признаюсь, – быстро произнесла она. – Но как человек, который знает ее, ее отца и ее мать, может не хотеть помочь? Вы понимаете, правда?

– А разве это важно, что я понимаю?

– Простите меня. Но дела подождут. И она подождет... не правда ли?

Повисла тишина. Затем Линли сказал в этой своей сводящей с ума изысканной манере:

– Дела? Она?

Барбара поняла, что сказала что-то не то, и поспешно продолжила:

– Не важно. Это меня совсем не касается. Не понимаю даже, что это я вдруг... Просто я измучена беспокойством и понимаю: для всех лучше, что поехали вы, а я осталась, и если бы я только знала, как...

– Барбара.

– Да. Что? Я понимаю, что сейчас несу ахинею, но это потому, что я знаю, что вы на меня злитесь и имеете на это полное право, потому что я все правильно просчитала на этот раз, и только из-за...

– Барбара. – Томас подождал, пока она замолчит, а затем сказал: – Рассказывать не о чем. Когда появятся новости, я позвоню.

– А он?.. Они?..

– Я еще не видел Анжелину Упман. Я говорил с Ажаром. Держится он молодцом, принимая во внимание все обстоятельства.

– А что теперь? С кем будете говорить? Куда направитесь? Итальянцы все делают правильно? Они позволяют вам...

– Выполнять мою работу? – заметил он с иронией. – Ту, которую надо, – да. И поверьте мне, меня все время будут ограничивать. Что-нибудь еще?

– Наверное, нет.

– Тогда поговорим позже, – сказал Линли и отключился, оставив ее размышлять, действительно ли он имел в виду то, что сказал.

Барбара засунула мобильный в сумку. Она звонила из столовой Скотланд-Ярда, куда пришла, чтобы как-то успокоиться. Решив, что для этого ей надо съесть кекс величиной с Гибралтарскую скалу, Барбара буквально смела его, как бездомная собака свою добычу, которую не хочет разделить с другими. Кекс был запит тепловатым кофе. Когда это не помогло, она позвонила в Италию. Однако звонок тоже не принес успокоения. Поэтому ей оставалось или съесть еще один кекс, или придумать что-то, что могло ее успокоить.

Барбара вспомнила, что давно ничего не слышала от Доути. Скорее всего, потому, что она наняла его меньше суток назад. Однако ее внутренний голос требовал выяснить, сколько еще времени ему нужно, чтобы проверить алиби Таймуллы Ажара на время, когда была похищена Хадия. С использованием полицейских ресурсов самой Барбаре понадобилось бы на это не более двух часов, чтобы проверить его передвижения и его отчеты. Но она не могла рисковать. С суперинтендантом Ардери, наблюдающей за ней, и инспектором Стюартом, ежедневно отчитывающимся о том, как сержант Хейверс кооперируется с другими членами команды, ей приходилось быть очень осторожной. Что бы она ни делала, Барбара должна была делать это в свое свободное время и без привлечения ресурсов полиции.

К счастью, ее телефон не был собственностью полиции, и никто не мог запретить ей пользоваться им в ее законный перерыв. Никто также не мог ей запретить звонить из туалета, куда она шла якобы по срочной надобности. Зайдя в уборную, Барбара тщательно осмотрела все кабинки и убедилась, что они пусты. После этого набрала номер Митчелла Корсико.

– Блестящая работа, – сказала она ему, – когда он ответил на ее звонок коротким «Корсико», что должно было сразу показать собеседнику, насколько этот труженик пера был занят.

– Кто говорит? – спросил он.

– Поустменз-парк, – был ее ответ. – Мемориал Уоттса. Я была в розовом, а ты – в стетсоне. Когда едешь в Италию?

– Я бы мог хоть сегодня.

– Что? История для тебя недостаточно интересна?

– Ну, она ведь не умерла, верно?

– Черт побери! Вы просто группа недоносков...

– Притормози слегка. Не я решаю. Думаешь, у меня есть право решать? Поэтому, если у тебя нет никаких новостей... Я имею в виду, помимо Илфордской истории, которую те, кто повыше, считают очень перспективной.

Барбара похолодела.

– Какая Илфордская история? Ты вообще о чем, Митч?

– Да я о том, что у этой истории есть еще одно, другое, измерение. Я о том, что ты удивительно вовремя не сказала мне о том, что сама участвуешь во всей этой истории.

– Черт побери, что значит, сама участвую?

– Да я о том эпизоде, который закончился уличной дракой с родителями профессора Ажара. Послушай-ка меня внимательно, партнер, вся эта история о второй семье, брошенной в Илфорде, очень заинтересовала у нас тех, кто повыше.

Барбара практически потеряла способность рационально мыслить. Все, что она была способна ответить на это, было:

– Ты не можешь переключиться на это. Ведь есть маленькая девочка. Ее жизнь в опасности. Ты должен...

– Это ты так считаешь, – сказал Корсико. – А я думаю о тираже. Я думаю о читателях. Поэтому я согласен, что похищение милой маленькой девочки помогает продавать газету, но в то же время – похищение милой маленькой девочки, у отца которой была вторая тайная семья, члены которой готовы заговорить – это совсем другое дело.

– Она не тайная, и они не захотят говорить.

– Скажи это мальчишке, Саиду.

Барбара судорожно пыталась что-то придумать на ходу. Она не могла допустить, чтобы Ажару, в дополнение ко всему прочему, пришлось пережить раскрытие его личной жизни на публике. Она с трудом могла представить, как это будет выглядеть в «Сорс», если Митчелл Корсико возьмет интервью у сына Ажара. Это ни в коем случае не должно было случиться не только из-за самого Ажара, но и из-за Хадии. Фокус должен был быть всегда на ней, на ее похищении, на поисках, на самих итальянцах, на том, что сейчас происходит в Италии.

– Хорошо, – наконец сказала Барбара, – я тебя слышала. Но, может быть, тебе будет интересно знать, что происходит у нас. Я имею в виду, в полиции.

– И что же это такое?

– Это инспектор Линли. – Она ненавидела себя за это, но у нее не было другого выхода. – Инспектор Линли полетел туда. Он назначен офицером связи.

Митчелл Корсико замолчал. Барбара почти физически ощущала, как вращаются шестеренки у него в голове. Он мечтал получить интервью у Линли с того момента, как жена инспектора была убита на пороге их дома. Беременная, только что вернувшаяся из магазинов, она искала ключи в сумочке, когда к ней обратился этот молодой придурок, почти мальчик. А потом он вытащил пистолет и просто застрелил ее. Из интереса. И инспектор оказался в ситуации, когда ему пришлось решать, отключать ли жену от аппаратуры, чтобы спасти ребенка. Если Корсико нужна была действительно бомба, такой бомбой был Линли. И они оба это знали.

– Наш отдел общественных связей сообщит об этом, – продолжила Барбара, – но я даю тебе право первой ночи, если хочешь. Я думаю, ты понимаешь, что все это значит. Он будет работать с родителями, но часть этой работы – встреча с прессой и ответы на вопросы. Пресса – это ты, а вопросы значат интервью. То самое, Митчелл.

– Я понимаю, куда ты клонишь, Барб. Не буду врать, Линли – это бомба, и он будет ею всегда. Но сейчас я готовлю другое блюдо...

– Линли – это тираж. – Барбара услышала, как ее голос стал визгливым от нетерпения. – Назови имя Линли тем, кто повыше, и ты вылетишь в Италию на следующем же самолете.

Что, добавила она про себя, ей и было от него нужно: раскручивать историю там и сообщать детали редактору здесь, скармливая британской публике сливки расследования похищения британской девочки.

– Обязательно назову, – сказал Корсико. – Можешь не сомневаться. Но сначала закончим с делами здесь. А это значит ребенок.

– Об этом я и говорю.

– Я не имею в виду ребенка Хадию, – прервал он. – Я имею в виду другого – Саида.

– Митч, пожалуйста...

– Спасибо за наводку. – Он разъединился.

Виктория, Лондон

Барбара выругалась и направилась к двери. Она должна остановить Корсико и не дать ему добраться до семьи Ажара в Илфорде. Однако у нее было не так много вариантов. Она предполагала, что Нафиза будет молчать обо всем, что касается ее мужа, но вот мальчик... Саид был абсолютно непредсказуем.

Хейверс открыла дверь, все еще погруженная в раздумья, и врезалась прямо в Уинстона Нкату. Чернокожий полицейский даже не пытался притвориться, что просто проходил мимо. Вместо этого он кивнул на женский туалет. На тот случай, если она не поняла, он обошел ее, схватил за руку и потащил внутрь.

Барбара улыбнулась:

– Опаньки, ты что, потерялся? Мужской дальше по коридору.

Нкату было не до шуток. Это было понятно по тому, как изменилась его манера разговаривать – он перешел со своего рафинированного карибско-южноафриканского на уличный язык Южного Брикстона.

– Ты чё, очумела, чувиха? Просто повезло, что Стюарт послал меня, вкурила? Кого-нибудь другого – и завтра ты на улице.

Она решила включить дурочку.

– Уин, о чем идет речь?

– Речь о твоей чертовой работе, – сказал он. – Которую ты можешь потерять. Как только они узнают, что ты крысятничаешь для «Сорс», они вышвырнут тебя на улицу. Хуже, они тебя раздавят. Ты могёшь это вкурить? И не думай, что в управлении найдется кто-нибудь, кто захочет тянуть за тебя мазу, Барб. Все будут только рады.

Хейверс притворилась оскорбленной.

– *Крысятничаю?* – прошипела она. – Ты так считаешь? Я крысятничаю для «Сорс»? Я не крыса. Ни их, ни кого-нибудь другого.

– Неужели? Да ты только что слила Линли!.. Я все слышал, Барб. И ты хочешь меня убедить, что слила Линли не тому же журналюге, который написал о Хадии? Ты за кого меня держишь, коза? Ты терла с Корсико, и стоит посмотреть на список твоих разговоров, чтобы убедиться в этом. Можно даже не трогать твой банковский счет, въезжаешь?

– *Что?* – Вот теперь Барбара действительно разозлилась. – Ты что же, думаешь, что я делаю это за деньги?

– Меня это не колышет. Ни за что, ни почему. И тебе лучше мне поверить, что твоя судьба тоже никого колыхать не будет.

– Послушай, Уинни. Я и ты, мы оба знаем, что надо постоянно поддерживать интерес к этой истории. Только в этом случае «Сорс» пошлет корреспондента в Италию. А только английский корреспондент в Италии сможет поддерживать постоянное давление на полицию Метрополии для того, чтобы Линли оставался на месте. Кроме того, наличие британских репортеров повышает шанс того, что итальянские журналисты тоже будут давить на итальянскую полицию. Вот как это работает. Давление дает результаты, и ты это хорошо знаешь.

– Я знаю только... – Нката немного успокоился и опять перешел на свой мягкий карибский язык, доставшийся ему от матери. – Я знаю только, что никто не встанет на твою сторону, Барб. Если об этом пронюхают, ты останешься одна. Ты должна это понимать. С тобой никого нет.

– Спасибо большое, Уинстон. Всегда приятно узнать, кто твои друзья.

– Я имею в виду – никого, у кого было бы достаточно сил для защиты.

Конечно, он имел в виду Линли. Потому что Томас был единственным офицером, который поднялся бы из окопа, если бы пришлось защищать идиотское решение Барбары привлечь

к расследованию «Сорс». И он был этим офицером не потому, что был слишком привязан к Барбаре, а потому, что он был единственным, кто не дрожал за свою работу. Она была ему не нужна, и он мог себе позволить говорить начальству все, что думает.

– Вот видишь, – сказал Уинстон, увидев по лицу Барбары, что она начинает понимать. – В этом деле ты плывешь против течения, Барб. Этот журналюга Корсико... да он толкнет твою мать под автобус, не задумываясь, он и свою не пожалеет, если только из этого можно раздуть сенсацию.

– Это не важно, – сказала Барбара. – И я могу держать Корсико в узде, Уинстон.

Она попробовала пройти мимо него к двери. Он остановил ее.

– Еще никому не удавалось взнуздать таблоид. Ты этого еще не знаешь, но очень скоро поймешь.

Илфорд, Большой Лондон

У Барбары было не так много вариантов защиты потенциальных жертв «творчества» Митчелла Корсико. А в том, что касалось его желания взять интервью у Саида, вариант был только один. Она позвонила Ажару. Тот был где-то в холмах Тосканы, и связь была очень плохая. Говорили они недолго. Он рассказал ей то, что она уже знала: Линли приехал, и он переговорил с ним, прежде чем отправиться на свою работу – разносить плакаты с фотографией Хадии по близлежащим деревням к северу от Лукки.

– Школа Саида? – переспросил он, когда она задала ему вопрос. – Зачем вам это, Барбара?

Она не хотела говорить ему, но выхода не было: «Сорс» рассматривает мальчика как источник «истории с человеческим лицом», которые так любят читатели.

Ажар сразу же дал ей номер школы.

– Ради него самого... – Его голос дрожал от волнения. – Вы знаете, во что таблоид превратит его, Барбара.

Это она хорошо знала. Знала, потому что сама читала этот чертов мусор. Это было как интеллектуальная жвачка, на которую читатель подсаживался на годы вперед. Она поблагодарила Ажара и пообещала держать его в курсе.

Сложнее было сбежать с работы. Ждать до конца рабочего дня Барбара не могла. Корсико к этому моменту мог уже перехватить мальчишку и «подставить ему плечо», чтобы тот выплакал ему все, что у него накопилось против отца. Она должна была уехать, и уехать немедленно. Нужно было найти правдоподобное оправдание. И его предоставила ее мамочка.

Барбара пошла к инспектору Стюарту. Последний был занят тем, что писал на белой доске задания на день. Она даже не посмотрела на свое. Независимо от ее профессионализма и прошлых заслуг, он все равно будет держать ее здесь, в здании, заставляя вводить отчеты в базу данных, чтобы окончательно свести ее с ума.

– Сэр, – сказала Барбара, и слово скатилось с ее языка как камень. – Мне только что позвонили из Гринфорда.

Хейверс старалась казаться взволнованной, что было совсем нетрудно. Она действительно волновалась, но не по поводу своей мамочки.

Стюарт не отрывался от доски, казалось, полностью сосредоточенный на своем почерке.

– Неужели? – произнес он, демонстрируя своим тоном всю ту скуку, которую навевало на него все, что было связано с Барбарой Хейверс.

Ей захотелось укусить его за ухо.

– Мама упала. Ее отвезли в травматологию, сэр. Мне надо...

– Где именно?

– В том пансионе, в котором она...

– Я спрашиваю, в какой она травматологии, сержант. Какая больница?

Этот фокус Барбаре был известен. Если она назовет больницу, он позвонит в травматологию и проверит, там ли ее мать.

– Еще не знаю, – ответила она. – Я хотела позвонить из машины.

– Позвонить кому?

– Управляющей пансионом. Она позвонила мне сразу же, после того, как вызвала службу спасения. Она тогда еще не знала, куда ее заберут.

Казалось, инспектор Стюарт оценивает эту отмазку по своей шкале отмазок – «для идиотов». Он взглянул на нее.

– Мне бы хотелось это знать. Управление, конечно, захочет послать цветы.

– Дам вам знать, как только узнаю сама, – сказала Барбара, подхватив свою сумку и направляясь к выходу. – Спасибо, сэр.

Она избегала смотреть на Уинстона Нкату. Он тоже не смотрел на нее. Ему никакой шкалы для идиотов не требовалось. Но он ничего не сказал. По крайней мере, в этом он остался ее другом.

Ехать до Илфорда было долго, но Барбара успела до конца уроков. Она нашла школу и внимательно осмотрела окрестности, чтобы убедиться, что Митчелл Корсико не сидит в какой-нибудь урне, готовый выскочить из нее в нужный момент. Территория была свободна, за исключением древней старухи, тащившей по противоположному тротуару свою сумку на колесиках. Барбара быстро направилась к школе. Увидев ее удостоверение, ее практически без задержки пустили в кабинет директора.

Она сказала всю правду директору – женщине с ужасным именем Ида Кроук¹²⁸, написанным на табличке на столе. Сюда направляется корреспондент таблоида, чтобы взять интервью у одного из ее учеников про то, как его отец ушел из семьи к другой женщине. Барбара назвала имя Саида и добавила:

– У этого журналиста грязные намерения. Вы знаете, как это бывает – вроде бы человеческий разговор по душам, но при этом все участники оказываются по горло в дерьме. Я хочу предотвратить это – ради самого Саида, ради его матери, ради его семьи.

Директор выглядела достаточно озабоченной, но при этом и достаточно удивленной, так как не могла понять причину визита Барбары в ее кабинет. Она задала вполне логичный вопрос:

– С каких это пор полиция Метрополии вмешивается в подобные дела?

В этом было все дело. Естественно, что полиция не испытывала нежных чувств к «Сорс», но посылать офицера, чтобы препятствовать сбору информации, было за пределами ее юрисдикции.

– Это личная услуга семье, – объяснила Барбара. – Вы можете позвонить маме Саида и спросить, хочет ли она, чтобы я отвезла Саида домой, оградив его от допроса.

– А журналист уже здесь? – спросила директриса таким голосом, как будто Джек-Потрошитель с ножом наготове уже стоял за ее дверью.

– Скоро появится. Я не заметила его, когда шла сюда, но уверена, что он скоро подъедет. Он знает, что я сделаю все, чтобы остановить его.

Миссис Кроук не зря занимала пост директора школы.

– Мне надо позвонить, – заявила она и попросила Барбару подождать в коридоре.

Хейверс понимала, *что* это может означать: что та позвонит в полицию и проверит подлинность ее удостоверения, как будто Барбара приехала, чтобы похитить Саида и самой разобратся с ним по-свойски. Она могла только молиться, чтобы этого не случилось. Все, чего ей еще не хватало, – это чтобы директрису соединили с инспектором Стюартом или, еще того хуже, с суперинтендантом Ардери. Она была на грани истерики, когда директриса наконец высунулась из кабинета, жестом пригласила ее войти и сказала:

– Мать уже едет. Она не водит машину, поэтому приедет с дедом Саида. Они сразу же увезут его домой.

В голове у Барбары лопнул шар с надписью «*О, только не это*», совсем как те шары, которые рисуют у героев комиксов.

Она хотела предупредить Саида, чтобы он не давал интервью таблоидам – никаким таблоидам. Но после ее последней встречи с отцом Ажара Хейверс не могла исключить, что именно последний с удовольствием окажется главным персонажем этого интервью, изваяв сына в грязи на всем расстоянии от Лондона до Лахора. Ей придется каким-то образом договариваться

¹²⁸ Croak – кваканье, карканье (англ.).

с ним. Это, она знала, будет не просто, так как последний раз она встречалась с ним в драке у его дома.

– Вы не возражаете, если я их подожду? – спросила Барбара. – Я бы хотела перемолвиться словечком...

«Конечно, сержант может поступать, как хочет», – сказала миссис Кроук. Она надеется, что сержант не будет возражать, если ей придется подождать где-нибудь в другом месте. К сожалению, ее расписание не позволяет... А поскольку сержант наверняка захочет поговорить с матерью Саида с глазу на глаз...

Барбара совсем не возражала. Она хотела перехватить Нафизу и подробно объяснить ей, что хочет сделать Митч Корсико. Просто на тот случай, если до нее еще не дошло то, что ей сказала директриса. Ей надо объяснить, что, несмотря на всю привлекательность предложения «Сорс» обсудить все проблемы и сложности их взаимоотношений на публичном форуме, таблоид этим форумом никак не являлся.

– Ни один журналист из таблоида никогда не станет вашим другом, – скажет она ей.

Итак, Барбара будет ждать снаружи. Таким образом, она будет готова к приезду Нафизы и отца Ажара. Она будет готова и к приезду Митча Корсико.

К счастью, Нафиза появилась у школы первая. Она и отец Ажара почти бегом направились к входу в школу, когда оба одновременно увидели Барбару. Нафиза сказала с достоинством:

– Я благодарю вас, сержант. Мы ваши должники.

Отец Ажара, в свою очередь, кивнул ей.

– Никого не подпускайте к нему, – сказала Барбара, когда они входили внутрь. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Постарайтесь объяснить это мальчику.

– Мы все понимаем. Мы постараемся.

Потом они исчезли за дверью. А потом появился Корсико.

Барбара видела, как он занял наблюдательную позицию через дорогу от школы у газетного киоска. Журналист сразу заметил ее и приподнял свой дурацкий стетсон в знак приветствия, а потом скрестил руки на груди, на которой висела цифровая камера. Его выражение лица говорило, что, хотя она и объявила шах его королю, радоваться ей особо нечему.

Барбара отвернулась от него. Ей просто надо было довести Саида, его мать и деда до их машины. Все, что она хотела сделать, – это объяснить мальчику опасность его желания отомстить своему отцу через прессу. С этим надо было что-то делать. Барбара сомневалась, что приказа его матери и деда будет достаточно.

Через десять минут ожидания дверь школы вновь открылась.

Барбара ждала на тротуаре, рядом с посаженным в горшок остролистом. Она шагнула вперед, когда они приблизились к ней. Периферическим зрением заметила, что Корсико сделал шаг на пустынную проезжую часть.

Сержант быстро проговорила:

– Нафиза, журналист стоит вон там, в ковбойской одежде. У него камера. Саид, это его тебе надо остерегаться. Он хочет...

– Ты! – прорычал Саид. А затем обратился к матери: – Ты не говорила, что эта шлюха... Ты не сказала мне, что его шлюха была той...

– Саид! – воскликнула Нафиза. – Эта женщина не...

– Вы глупцы. Вы оба абсолютные глупцы!

Его дед схватил его, сказал что-то на урду и стал тянуть мальчика в сторону потрепанного «Гольфа».

– Я буду говорить с кем хочу, – объявил Саид. – Ты, – он повернулся к Барбаре. – Ты похотливая шлюха. Держись от меня подальше. Держись от нас подальше. Возвращайся в постель моего отца и лижись там с ним столько, сколько захочешь.

Нафиза дала сыну сильную пощечину, от которой его голова дернулась в сторону. Он стал кричать:

– Я буду говорить, с кем хочу! Я скажу всю правду! О ней. О нем. О том, что они делают, когда остаются одни, потому что я все знаю, знаю, знаю. Я знаю, какой он, и какая она, и...

Дед ударил его и стал орать на мальчика на урду. Его ор смешался с криками Нафизы, которая старалась оторвать его от сына. Он отбросил ее и еще раз ударил мальчика. Из носа ребенка на чистую, выглаженную белую рубашку брызнула кровь.

– Черт побери! – воскликнула Барбара и бросилась вперед, пытаясь освободить мальчика от захвата деда.

«Собачья грызня», – вот что она подумала обо всем этом. О том, что подумал Корсико, она наверняка скоро прочитает на первой странице «Сорс».

Лукка, Тоскана

После того, как Линли расстался с Таймуллой Ажаром перед пансионом Джиардино, он направился в *questura*. Здание полиции находилось за городской стеной, недалеко от Порта Сан Пьетро, куда легко было попасть из любой точки средневекового города. Солидное и крепкое здание абрикосового цвета, по архитектуре напоминающее римские постройки, оно находилось недалеко от вокзала. Входная дверь не закрывалась. Хотя приход Линли и вызвал любопытные взгляды, его незамедлительно проводили к старшему инспектору Сальваторе Ло Бьянко.

Томас быстро понял, что Сальваторе был полностью в курсе его назначения и его служебных обязанностей. Естественно, итальянец был не очень доволен. Неестественная приветственная улыбка ясно давала понять о его отношении к появлению на его пути прощелыги из Скотланд-Ярда. Но он был слишком хорошо воспитан, чтобы это проявилось в чем-то, кроме холодного и подчеркнуто изысканного поведения.

Он был невысокого роста, Линли возвышался над ним чуть ли не на десять дюймов. Его волосы цвета соли с перцем выпадали на макушке, и у него была темная кожа со следами юношеских прыщей. В то же время он походил на человека, который научился по максимуму использовать то, что дала ему природа, – был в хорошей физической форме, выглядел очень атлетично и был безукоризненно одет. Создавалось впечатление, что он еженедельно делает маникюр.

– *Piacere*, – произнес Сальваторе, хотя Линли сомневался, что он испытывал такую уж радость от знакомства с ним, что было вполне понятно. – *Parla italiano, si?*¹²⁹

Томас ответил, что да, до тех пор, пока собеседник не начинает говорить со скоростью диктора на скачках. Это вызвало у Ло Бьянко улыбку. Он показал на стул.

– Кофе... *macchiato? Americano?*

Линли отказался. Тогда итальянец предложил *te caldo*¹³⁰. В конце концов, Томас ведь был сумасшедшим англичанином, а все знают, что англичане пьют чай галлонами. Гость улыбнулся и сказал, что ему ничего не надо. Он рассказал старшему инспектору, что встретился с Таймуллой Ажаром в пансионе, в котором они оба остановились. Ему надо было бы встретиться с матерью пропавшего ребенка. Он надеется, что старший инспектор ему в этом поможет.

Ло Бьянко кивнул. Казалось, он мысленно оценивает Линли. Томас заметил, что старший инспектор остался стоять после того, как сам он уселся. Это его не беспокоило. Он был на чужой территории, и они это знали.

– Эта ваша задача, – начал Ло Бьянко от шкафа с файлами, у которого он стоял, – я имею в виду связь с семьей. Это заставляет всех нас думать, что британская полиция считает, что мы здесь, в Италии, плохо работаем. Я имею в виду полицейских. Должен вас предупредить, что *Magistrato* не слишком доволен.

Линли постарался разубедить старшего инспектора. Он объяснил, что его присутствие – это скорее политический шаг со стороны полиции Метрополии. История исчезнувшей девочки появилась в английских таблоидах. Один из них, самый отможенный, если инспектор понимает, что он имеет в виду, серьезно наехал на полицию за то, что она не уделила этому случаю должного внимания. Таблоиды, как правило, не задавались вопросами кооперации между полицейскими силами разных стран – для них главным было гнать волну. Чтобы избежать незаслуженных обвинений, его направили в Италию. Однако он ни в коей мере не собирался путаться у старшего инспектора Ло Бьянко под ногами. Конечно, он будет очень рад, если смо-

¹²⁹ Очень рад. Вы ведь говорите по-итальянски? (итал.)

¹³⁰ Холодный чай (итал.).

жет хоть чем-нибудь помочь. Но старший инспектор может быть уверен, что его главная цель – это помочь семье пропавшей девочки.

– Получилось так, что я знаком с отцом ребенка. – Томас не рассказал, что одна из его коллег была более чем знакома с Таймуллой Ажаром.

Ло Бьянко внимательно наблюдал за Линли, пока тот говорил. Потом кивнул, казалось, удовлетворенный всем услышанным, и важно произнес: «Да, уж эти английские таблоиды» с таким видом, как будто Италия не страдала так от «мусорных газет», как Великобритания. Но затем спохватился и сказал, что в Италии это тоже встречается. Он достал из портфеля газету «*Prima Voche*». На первой странице Линли увидел заголовок «*Dov'è la bambina?*». Там была еще фотография мужчины, стоящего на коленях где-то на улицах Лукки, с плакатом *No fame* в руках. На секунду Линли подумал, что это какой-то вид итальянского наказания, вроде заковывания людей в колодки. Однако оказалось, что это единственный персонаж, который может представлять интерес для полиции, – опустившийся наркоман Карло Каспариа, который видел Хадию в то утро, когда она исчезла. Его дважды допрашивали, второй раз по личному распоряжению *Magistrato* Пьеро Фануччи. Последний уверен, что Карло замешан в похищении ребенка.

– *Perchù?*

– Прежде всего, потому, что бедняге постоянно нужны деньги на покупку наркотиков. А теперь еще и потому, что он больше не появляется на *mercato*, чтобы просить милостыню, с того дня, как девочка исчезла.

На лице Ло Бьянки появилось философское выражение. *Il Pubblico Ministero?* Он считает, что это доказательство вины.

– А вы?

Сальваторе улыбнулся, очевидно, довольный, что его коллега-детектив понял его.

– Я думаю, что Карло просто не хочет больше связываться с полицией, и пока это дело не разрешится, он на *mercato* не появится. Но, понимаете, для прокурора и для публики очень важно, что что-то происходит, что достигается какой-то прогресс. А допросы Карло выглядят как прогресс. Я думаю, что вы сами все скоро поймете.

Последнее заявление стало понятным, когда Ло Бьянко предложил Линли посетить *Magistrato*.

– Он располагается на пьяцца Наполеоне, пьяцца Гранде, как мы ее называем.

Затем он сказал, что это недалеко, но они поедут на машине. Привилегия полицейских, пояснил старший инспектор. Только очень немногим машинам разрешалось въезжать в старый город, где люди или ходили пешком, или ездили на велосипедах, или пользовались небольшими автобусами, которые двигались по улицам практически беззвучно.

На пьяцца Гранде они вошли в громадное палаццо, перестроенное, как и большинство таких зданий, под использование в целях, очень далеких от изначальных. Они поднялись по широкой лестнице и вошли в офис Пьеро Фануччи. Секретарь сразу же провела их в кабинет, хотя и с удивлением спросила: «*Di nuovo, Salvatore?*»¹³¹ Что значило, что Ло Бьянко уже успел сегодня побывать в этом кабинете.

Пьеро Фануччи, прокурор, который отвечал за ход расследования и который, как это было заведено в Италии, будет главным обвинителем на суде, не оторвался от своих занятий, когда Ло Бьянко и Линли вошли. Томас прекрасно понял значение этого демарша, и, когда Сальваторе бросил на него взгляд, слегка пожал плечами. Этот жест показал, что англичанин и не ожидал, что его примут в Италии с распростертыми объятиями.

– *Magistrato*, – сказал Ло Бьянко, – позвольте представить вам детектива из Скотланд-Ярда Томаса Линли.

¹³¹ Снова, Сальваторе? (итал.)

Фануччи издал горловой звук. Пошелестел бумагами. Подписал два документа. Нажал на кнопку на телефоне и рявкнул на секретаршу. Через минуту она вошла и, взяв с его стола несколько файлов, положила новые. Он стал их просматривать. Ло Бьянко рассвирепел.

– *Basta, Piero*, – сказал он. – *Sono occupato, eh?*¹³²

Услышав это, Фануччи поднял глаза. Естественно, что его ничуть не волновало, насколько занят был старший инспектор.

Он сказал «*Anch'io, Toro*¹³³», и Линли увидел, как заиграли желваки на щеках у старшего инспектора – то ли ему не понравилось, что его прилюдно назвали мышью, то ли его раздражала эта демонстрация нежелания сотрудничать. Потом Фануччи посмотрел на Линли. Он был уродлив до невероятности и говорил, совсем не заботясь о том, понимает ли его англичанин. А говорил он с сильным акцентом, опуская окончания слов, так, как говорят в Южной Италии. Томас смог понять смысл сказанного скорее благодаря его тону, а не чему-то другому. То ли потому, что он действительно чувствовал ее, то ли потому что сознательно выбрал такую линию поведения, но Фануччи источал ярость.

– Итак, британская полиция считает, что нам нужен офицер связи для общения с семьей девочки, – это, или почти это, сказал он. – Абсурд. Мы постоянно информируем семью о том, что происходит. У нас есть подозреваемый. После еще одного или двух допросов он приведет нас к девочке.

Линли повторил то, что он уже говорил Ло Бьянко:

– Все это из-за давления со стороны общественности, которое оказывается на полицию и подогревается желтой прессой. Отношения между нашей полицией и журналистами достаточно сложные, синьор Фануччи. В прошлом было сделано немало ошибок: недоказанные обвинения, суровые приговоры, основанные на недостаточных доказательствах, раскрытие личностей офицеров, торгующих информацией. Поэтому часто наше руководство чрезмерно реагирует на выступления таблоидов. Как, например, в данном случае.

Фануччи сцепил пальцы под подбородком. Линли заметил, что у него еще один, дополнительный, палец на правой руке. От него сложно было оторвать взгляд. Было совершенно очевидно, что Фануччи специально выставил его напоказ.

– У нас ситуация совсем другая, – объявил он. – Наши журналисты не указывают нам, что делать.

– Вам очень везет, – абсолютно серьезно сказал Линли. – Если бы у нас было так же...

Фануччи рассматривал Линли, как под микроскопом, изучая его прическу, стиль одежды и даже остаток юношеского шрама, видневшийся на верхней губе.

– Надеюсь, что вы будете держаться подальше от наших дел, – произнес он. – В Италии все происходит по-другому. Здесь у нас *il Pubblico Ministero* с самого начала принимает участие в расследовании, поэтому он не ждет, когда полиция принесет ему разгадку на блюдечке с голубой каемочкой.

Линли не стал комментировать странности системы, которая, это было совершенно очевидно, не имела никакого механизма сдержек и противовесов. Он просто сообщил прокурору, что хорошо знаком с итальянской системой правосудия и готов, если это понадобится, разъяснить ее родителям девочки, так как последние, по-видимому, привыкли к несколько другому законодательству.

– Отлично, – сказал Фануччи, взмахом отпуская их, что позволило ему в полной мере продемонстрировать свой шестой палец. Однако, прежде чем они вышли, он спросил у Ло Бьянки: – Что там слышно об этих гостиницах, *Toro*?

– Пока ничего, – ответил Ло Бьянко.

¹³² Хватит, Пьеро. У меня мало времени (итал.).

¹³³ У меня тоже, мышонок (итал.).

– Сегодня нужен результат, – проинструктировал его Фануччи.

– *Centamente*¹³⁴, – прозвучал спокойный ответ инспектора, но желваки на лице еще раз показали, как он относится к подобным директивам.

Сальваторе больше ничего не говорил, пока они не вышли из палаццо и не оказались на громадной площади. Каштаны со свежими листьями окаймляли ее с двух сторон, а в центре ее толкалась группа мальчишек, с криками перепасовывающих друг другу мяч и медленнодвигающихся в направлении карусели.

– Интересная личность этот *il Pubblico Ministero*, – заметил Линли.

Ло Бьянко хмыкнул.

– Таков уж он есть.

– Можно спросить? Что это за разговор о гостиницах?

Ло Бьянко быстро взглянул на него, но потом объяснил, что незнакомец ходил по гостиницам, спрашивая об исчезнувшей девочке и ее матери.

– Это было до похищения или после? – спросил Линли.

– До.

Это происходило, по рассказам Ло Бьянко, за шесть или восемь недель до происшествия. Когда девочка исчезла и ее фото было напечатано в газетах, несколько сотрудников гостиниц и владельцев пансионатов вспомнили, что к ним приходил мужчина, искавший не то девочку, не то ее мать. Сальваторе рассказал, что у него была их фотография. Все видевшие соглашались с этим. Любопытно, что все согласились и с внешним видом этого человека. Люди хорошо его запомнили и смогли дать достаточно точное его описание.

– Через восемь недель? – спросил Линли. – Откуда такая память?

– Это связано с тем, кто приходил.

– А вы знаете кто? Они знали?

– Конечно, не его имя. Имени они не знали, а вот внешний вид... Его не так легко было забыть. Ну, а зовут этого таинственного незнакомца Микеланжело Ди Массимо. Он из Пизы.

– Почему кто-то из Пизы искал здесь девочку и ее мать? – спросил Линли скорее себя, чем Ло Бьянко.

– Вот это-то самое интересное, правда? – сказал старший инспектор. – Я пытаюсь это выяснить. Когда я это узнаю, тогда придет очередь синьора Ди Массимо ответить на несколько вопросов. Ну, а до тех пор я знаю, где его найти.

Ло Бьянко взглянул на Томаса, на палаццо за их спинами и быстро улыбнулся. И улыбка, и взгляд многое рассказали Линли о старшем инспекторе.

– Вы об этом не рассказали синьору Фануччи? – спросил он. – Почему?

– Потому, что *magistrato* притащил бы его в наш *questura*. Он разогревал бы его часов шесть-семь, день, три, четыре. Потом стал бы угрожать, перестал бы его кормить, не давал бы ему пить и спать; а затем попросил бы его «представить себе», как произошло похищение. А потом предъявил бы ему обвинение на основе того, что бедняга «представил».

– Обвинил бы его в чем? – спросил Линли.

– *Chissà?* – ответил старший инспектор. – Кто знает. Да в чем угодно, что можно было бы сообщить журналистам, чтобы они думали, что расследование под контролем. Несмотря на то, что он говорил вам, часто он поступает именно так.

Сальваторе направился к полицейской машине и спросил Линли через плечо:

– Хотите взглянуть на этого человека, на Микеланжело Ди Массимо, инспектор?

¹³⁴ Конечно (итал.).

Пиза, Тоскана

Линли не знал, что для того, чтобы взглянуть на Микеланджело Ди Массимо, надо ехать в Пизу. Когда же это стало очевидным, после того, как они вырулили на *autostrada*, он задумался о мотивах Ло Бьянко.

Старший инспектор привез их на поле, расположенное к северу от *il centro*¹³⁵ города. Там проходила футбольная тренировка. По крайней мере три десятка мужчин находились на поле, занимаясь дриблингом.

Ло Бьянко остановил машину у кромки поля. Как и Линли, он вылез из машины, но подходить к игрокам не стал, а вместо этого облокотился на машину и достал сигареты. Предложил пачку Линли, а когда тот отказался, взял сигарету и прикурил, не отрывая взгляда от поля. Он наблюдал за тренировкой, но ничего не говорил. Было очевидно, что Сальваторе ожидает какой-то реакции со стороны Линли, чего-то, что покажет, что английский полицейский благополучно сдал тест, который не имел ничего общего с его знанием правил игры.

Томас обратил свой взгляд на поле и стал внимательно изучать игроков и происходящее. На первый взгляд, как это часто бывает в Италии, тренировка выглядела абсолютно неорганизованной. Но пока он смотрел, многие вещи стали понятнее, особенно когда он заметил человека со свистком, который пытался координировать происходившее на поле.

Этого человека трудно было не заметить. Волосы на его голове были выкрашены в цвет, который находился где-то между желтым и оранжевым, что составляло яркий контраст с остальным его телом, сплошь покрытым черными волосами. Волосы покрывали его спину, грудь, ноги и руки. Этот покров был густым, как шерстяной ковер. Сам он был смугл, и резкий контраст между цветом шевелюры и остального тела, несомненно, производил впечатление. Было совершенно очевидно, почему в гостиницах и пансионах его запомнили, как человека, разыскивающего мать с ребенком.

– Теперь понятно, – произнес английский детектив. – Микеланджело Ди Массимо, не так ли?

– *Ecco l'uomo*¹³⁶, – признал Ло Бьянко.

Сказав это, он бросил окуроч и направился к полицейской машине. Они отправились назад в Лукку.

Линли не мог понять, почему старший инспектор решился на это путешествие в Пизу. Гораздо проще было найти более-менее приличную фотографию Ди Массимо в Интернете. То, что Ло Бьянко не стал им пользоваться, означало, что было несколько причин, по которым он хотел, чтобы англичанин лично полюбовался на Ди Массимо, и вряд ли это была возможность воочию увидеть контраст между цветом волос на голове и остальном теле.

Ситуация немного прояснилась, когда они поехали не в *questura*, а на бульвар, располагавшийся вдоль великой стены, с ее наружной стороны. С этой *viale*¹³⁷ они выехали на улицу, которая шла из города и вывела их, как оказалось, на другую аллею, которая, в свою очередь, выходила к Парко Флувиале. Это был довольно длинный, но узкий общественный парк, который извивался вдоль реки Серхио. Где-то через четверть мили показалась площадка, засыпанная гравием и позволявшая припарковаться не более чем трем машинам. Здесь же, под громадными дубами, располагались два столика для пикника и крохотная площадка для катания на досках. Пространство, покрытое травой, было треугольной формы, и по краям его росли

¹³⁵ Центр (итал.).

¹³⁶ Да, это он (итал.).

¹³⁷ Аллея (итал.).

молодые тополя. На этом маленьком *campo*¹³⁸ группа мальчиков лет десяти гоняла мяч, пытаясь попасть во временные ворота.

Ло Бьянко остановил машину на гравии и посмотрел на это самодельное тренировочное поле. Линли проследил за его взглядом и увидел на поле, среди ребят, мужчину, одетого в спортивный костюм, стоящего на бровке со свистком на шее. Мужчина свистнул в свисток и что-то выкрикнул. Движение остановилось, а затем, по его сигналу, возобновилось вновь.

На этот раз, вместо того чтобы спокойно наблюдать за происходящим на поле, Ло Бьянко дважды нажал на клаксон машины, перед тем как открыть дверь. Мужчина на поле посмотрел в их направлении, сказал что-то детям, а затем рысцой направился к полицейской машине.

Его внешний вид тоже было трудно забыть, но не из-за его волос, а из-за родимого пятна на лице. Оно не было очень большим, по форме и размеру напоминало детскую ладошку и переходило от мочки уха на щеку. Этого было достаточно, чтобы сделать его лицо незабываемым, — еще и потому, что во всем остальном это было лицо очень красивого мужчины.

— *Salve*¹³⁹, — кивнул ему Ло Бьянко.

— *Che cos'è successo?*¹⁴⁰ — В голосе его слышалась вполне понятная заинтересованность. Неожиданное появление полиции на его тренировке могло означать только, что что-то произошло.

Старший инспектор покачал головой, затем представил мужчину Томасу как Лоренцо Муру. Линли знал, что это было имя любовника Анжелины Упман.

Ло Бьянко быстро сказал Муре, что англичанин свободно говорит по-итальянски. Это выглядело как предупреждение: «Следи за своим языком, парень». Он также объяснил, с какой целью Линли прибыл в Италию, что для Муры уже не было новостью.

— Офицер для связи, которого мы ожидали. Он хочет как можно скорее встретиться с синьорой Упман.

Мура не был на седьмом небе от счастья — ни потому, что англичанин хотел встретиться с Анжелиной, ни потому, что он был назначен офицером связи между семьей — что означало также и Таймуллу Ажара, — и полицией. Он коротко кивнул и стал ждать, что ему скажут дальше. Не услышав ничего больше, сказал Линли по-английски:

— Она болеет. Она не есть чувствовать хорошо. Так остается. Вы будете осторожно в своих действиях с ней. Хорошо? Этот мужчина, для нее он есть горе и расстройство.

Линли взглянул на Ло Бьянко, подумав сначала, что «этот мужчина» относится к старшему инспектору. Он не мог понять, что инспектор делал такого, что могло еще больше взволновать женщину, и так уже донельзя взволнованную всем происходящим. Но когда Мура продолжил, Томас понял, что он говорит не о его коллеге-офицере, а о Таймулле Ажаре — потому что Мура добавил:

— Я не хочу его приезжать в Италию. Он прошлый.

— Однако, несомненно, очень беспокоится о своем ребенке, — сказал Линли.

— *Forse*¹⁴¹, — пробормотал Лоренцо. Это могло относиться как к отцовству Ажара, так и к его предполагаемому беспокойству. Мура повернулся к Ло Бьянко. — *Devo ritornare*¹⁴²... — Он посмотрел на мальчиков, которые ждали его на поле.

— *Vada*¹⁴³, — произнес Сальваторе и проследил взглядом, как Мура протрусил назад к игрокам.

¹³⁸ Поле (итал.).

¹³⁹ Привет (итал.).

¹⁴⁰ Как успехи? (итал.)

¹⁴¹ Может быть (итал.).

¹⁴² Надо возвращаться (итал.).

¹⁴³ Давай (итал.).

По его сигналу Лоренцо получил мяч и искусно повел его между ребятами. Они не смогли остановить его, так же как и вратарь не смог отразить его удар. Несомненно, Мура понимал толк в футболе.

Теперь Линли понял, для чего он и Ло Бьянко сначала поехали в Пизу, чтобы взглянуть на Микеланджело Ди Массимо. Он обратился к старшему инспектору:

– Теперь мне понятно...

– Интересно, правда? – сказал Ло Бьянко. – Наш Лоренцо играет в футбол за местную команду и тренирует ребят. Все это представляется мне исключительно любопытным. – Вытащив из кармана пиджака пачку сигарет, он сначала вежливо предложил их Линли. – Здесь есть какая-то связь. И я выясню какая.

Фаттория ди Санта Зита, Тоскана

Еще не встретив его, Сальваторе уже был настроен против этого англичанина. Он знал, что британские полицейские были очень низкого мнения о своих итальянских коллегах. Все началось с неудачи в контроле за каморрой в Неаполе и мафией в Палермо, что многие связывали с проколами полиции. Затем эта история с *il Mostro di Firenze*¹⁴⁴, который на протяжении многих лет убивал влюбленные парочки и умудрялся выходить сухим из воды. Настоящий же международный скандал случился тогда, когда итальянцы долго скрывали убийство молодой английской студентки в Перудже. Из-за всего этого англичане смотрели на итальянцев как на неумех, плохо обученных и полностью коррумпированных. Поэтому, когда Сальваторе первый раз сказали, что прибудет английский детектив, чтобы наблюдать за тем, как ведется расследование исчезновения английской девочки, он думал, что будет находиться под пристальным и изучающим взглядом английского детектива, который ежеминутно будет высказывать свои замечания и оценки. Вместо этого, однако, Сальваторе увидел, что Линли или ничего не оценивал и не осуждал, что было маловероятно, или умел скрывать свои умозаключения. И это нравилось Сальваторе даже против его воли. Ему также нравилось, что англичанин задавал умные вопросы, умел хорошо слушать и был способен быстро делать выводы из, казалось бы, не связанных между собой фактов. Эти три достоинства англичанина заставили Сальваторе почти простить ему разницу в росте и то, что он одевался в такой роскошной неофициальной манере, которая говорила о наличии солидных денег и большом самоуважении.

Покинув футбольную тренировку, они выехали из ближайших пригородов Лукки и направились к холмам, начинавшимся сразу за городом. До древнего загородного дома семьи Мура было не очень далеко, так как тосканские холмы начинались почти сразу к северу от Парко Флувиале. Сальваторе ехал вверх по холмам. В это время года земля была покрыта ковром роскошных весенних растений. Деревья шелестели новыми нежно-зелеными листьями, а по обочинам росли дикие лесные цветы.

Дорога ныряла из тени на солнце и обратно. Проехав около девяти километров, они добрались до грунтовки к фаттории ди Санта Зита, на которую указывал знак, не только с названием места, но и с изображением того, что здесь производилось: виноград, оливки, а также ослик и корова, которые были больше похожи на свидетелей рождения Христа, чем на обычных животных, которых выращивали на землях Мура.

Пока они ехали по аллее, ведущей к зданиям фермы, терракотовые крыши которых виднелись сквозь деревья, Сальваторе посмотрел на Линли. Он видел, что англичанин впитывает в себя окружающее и оценивает его.

– Семья Мура очень древняя, и все время жила здесь, в Лукке, – сказал старший инспектор. – Они торговали шелком и были очень богаты, это место в холмах – их летняя резиденция. Она принадлежала семье Мура последние лет триста, наверное. Старший брат Мура не захотел получить этот дом в наследство. Он живет в Милане и работает психиатром. Для него это ненужная обуза. Сестра Лоренцо живет в городе, и для нее это тоже обуза. Поэтому ферма досталась Лоренцо, с тем чтобы он делал с ней все, что захочет, – сохранит, продаст или во что-то превратит. – Сальваторе показал на землю и появляющиеся строения. – Вы всё увидите. Я думаю, что со старыми домами в вашей стране происходят такие же истории.

Они проехали мимо стойла, которое Лоренцо превратил в винокурню и дегустационный зал. Здесь он разливал и сложное «Кьянти», и более легкое «Санджевезе», которое хорошо знали в округе. За этим зданием находился фермерский дом, который сейчас переделывался под гостиницу для агротуристов.

¹⁴⁴ Флорентийский монстр (итал.).

А за этими зданиями, посреди невероятно разросшейся живой изгороди, находились огромные ржавые ворота. Сальваторе проехал сквозь них, и аллея привела их наверх к вилле, которая уже много лет была частью истории семьи Мура. Это здание тоже ремонтировали – по обеим сторонам его собирали леса.

Сальваторе позволил Линли насладиться всей панорамой виллы, притормозив на дороге, ведущей к зданию. Вид действительно производил впечатление, особенно если не обращать внимания на все те места, в которых здание просто рассыпалось в прах.

Две лестницы на фронтоне главного здания изумительных пропорций вели на крытую веранду, по которой была разбросана летняя мебель. Создавалось впечатление, что ее двигали по веранде вслед за солнцем. Дверь, окрашенная в цвет, напоминавший цвет выгоревшей шкуры *cinghiali*¹⁴⁵, водившихся в окружающих холмах, располагалась в самом центре веранды, а по сторонам от нее стояли древние скульптуры людей, изображавших времена года, при этом *Inverno*¹⁴⁶, к сожалению, где-то потеряла голову, а корзинка в руках *Primavera*¹⁴⁷ была разрублена на две части. В вилле было три этажа плюс подвал. Ряды окон плотно закрыты.

Внимательно осмотрев все это, инспектор Линли кивнул, взглянул на Сальваторе и произнес:

– Вы правильно говорите. У нас в Англии тоже есть похожие места: старые заслуженные дома, принадлежащие старым заслуженным семьям. Они – и бремя, и привилегия. Легко понять, почему синьор Мура хочет сохранить это место.

Сальваторе знал, что в стране Линли существует множество подобных домов. Но понимает ли англичанин страсть итальянцев к семейным гнездам? Это был совсем другой вопрос.

Он проехал по гравийной дорожке, окружавшей лужайку, и припарковался рядом с лестницей, ведущей на первый этаж. Все пространство между двумя лестницами заросло выющейся глицинией, которая скрывала еще один вход, ведущий в *piano terra*¹⁴⁸ дома.

Как только они вылезли из машины, эта небольшая дверь открылась, и из нее появилась Анжелина Упман. Сальваторе знал, что в этой части дома обычно располагаются хозяйственные помещения – кухня и так далее. Женщина выглядела гораздо хуже, чем утром. Лоренцо совсем не преувеличивал. Она была очень худа, а кожа под глазами была воспалена.

Увидев английского детектива, Анжелина очень обрадовалась. Пустота в ее глазах сменилась блеском слез.

– Спасибо, – сказала она по-английски. – Спасибо за то, что вы приехали, инспектор Линли. – Затем обратилась к Сальваторе по-итальянски: – Я буду говорить с этим человеком по-английски. Мой итальянский не слишком... Для меня так будет проще. Вы меня понимаете, старший инспектор?

– *Certo*¹⁴⁹, – сказал Сальваторе. Она знала, что его знание языка было достаточным. Если они будут говорить медленно, то он сможет следить за беседой.

– *Grazie*, – поблагодарила она. – Прошу вас, входите.

Итак, они прошли в глубь здания, где свет был приглушенным, а атмосфера – спертой. Сальваторе удивился, что она предпочла провести их сюда. *Soggiorno*¹⁵⁰ на *primo piano* было бы гораздо приятнее. Так же, как и крытая веранда. Однако Анжелина, по-видимому, предпочитала полумрак и тени, которые скрывали выражение ее лица.

¹⁴⁵ Кабаны (итал.).

¹⁴⁶ Зима (итал.).

¹⁴⁷ Весна (итал.).

¹⁴⁸ Цокольный этаж (итал.).

¹⁴⁹ Конечно (итал.).

¹⁵⁰ Гостиная (итал.).

«Еще одна интересная деталь, – подумал Сальваторе. – Действительно, в этом расследовании интересных деталей оказалось очень много».

Фаттория ди Санта Зита, Тоскана

Анжелина провела их в пещероподобную кухню – комнату, которая, казалось, заблудилась между столетиями. В ней находились электроплита и холодильник, и в то же время такие древности, как громадная дровяная печь, камин и каменная раковина такой величины, что в ней можно было мыть двух восточно-европейских овчарок одновременно. В центре комнаты стоял старый стол, на котором лежали груды газет и журналов, крошки еды, выцветшие салфетки. Именно за этот стол уселись Линли и Ло Бьянко, пока Анжелина принесла бутылку вина собственного изготовления, сыр, фрукты, вяленое мясо и свежеспеченный хлеб. Она налила им по стаканчику «Кьянти», а себе – воду.

Усевшись, женщина взяла в руки выцветшую салфетку, сжимая ее как талисман. Она повторила свои слова, сказанные при встрече:

– Спасибо большое за то, что приехали, инспектор.

– Ну, это в основном заслуга Барбары, – ответил Томас. – Честно говоря, на этот раз она немного перегнула палку в своем желании принять участие в расследовании, однако время покажет ее правоту. Для нее очень небезразлична Хадия.

Анжелина на секунду сжала губы.

– Я совершила ужасный поступок. И я это знаю. Просто не могу принять того, что случилось с Хадией. Ведь это меня надо наказывать. А если это так... – Ее пальцы еще сильнее сжали салфетку.

Ло Бьянко издал звук, который должен был показать: он согласен с тем, что каждый человек должен расплачиваться за свои грехи. По мнению Линли, такой подход был абсолютно непродуктивным.

– Я бы не стал смотреть на это с такой точки зрения, – сказал он. – Это нормально, поверьте мне. Я вас понимаю, но делу это не поможет. – Он мягко улыбнулся Анжелине. – Так можно легко превратиться в сумасшедшую. Умопомрачение – неясные мысли, кому они принесут пользу?

– Прошла уже неделя, – сказала она, – и никто не может мне сказать, что же это значит. Неделя без единого знака, без единого слова. Не было никакого требования о выкупе, а ведь семья Ренцо готова заплатить, я знаю. В этой стране людей всегда крали ради выкупа. Да? Ведь это правда? Я пыталась выяснить, сколько детей крадут в Италии в год. Вот, посмотрите... – Она порылась среди газет и журналов и вытащила листок с информацией, распечатанной на принтере. – Я пыталась понять, сколько времени обычно проходит до того, как похитители объявляют свои требования, прежде чем что-то сообщается родителям... – Анжелина замолчала. Слезы медленно текли по ее щекам.

Линли посмотрел на Ло Бьянко. Как полицейские, они понимали, что мать хватается за соломинку, что похищение ради выкупа в наши дни гораздо более редко, чем похищение с целью продажи, ради секса, для какого-то тошнотворного развлечения, особенно когда речь идет о похищении ребенка. Пальцы Ло Бьянко постукивали по краю стакана. Это жест означал: скажите ей все, что считаете нужным в настоящий момент; главное – успокоить ее и дать ей хоть какую-то надежду.

– С этим я соглашусь, – аккуратно сказал Линли. – Но сейчас самое важное – вернуться назад и еще раз тщательно вспомнить все, что произошло в день похищения. Где были вы, где – синьор Мура, где – Хадия, кто был рядом с ней, кто мог что-то видеть, но все еще не проявился, потому что, может быть, не понимает, что видел что-то важное...

– Мы делали то, что всегда, – пробормотала Анжелина без всяких эмоций.

– Что, видите ли, является важной деталью, – заверил ее Линли. – Это говорит полиции о том, что, если вы пленники привычек, кто-то мог следить за вами какое-то время и вычислить,

где и как он может завладеть девочкой. Это говорит полиции о том, что преступление, скорее всего, было не случайным, а, напротив, хорошо продуманным. Это же объясняет, почему никто ничего не заметил, потому что похититель Хадии в первую очередь должен был продумать, как увести девочку совершенно незаметно.

Анжелина приложила салфетку к глазам.

– Я все понимаю.

И она быстро стала рассказывать Линли, что происходило в тот день, когда Хадия была похищена. Она пошла на свой урок йоги, а Лоренцо и девочка – на рынок; последняя, как всегда, убежала вперед, чтобы полюбоваться красочными прилавками и послушать аккордеониста. Рядом с ним они обычно все встречались и оттуда шли на ленч к сестре Лоренцо. Они всегда так вели себя в рыночный день в Лукке. Любой, кто знал их, или любой, кто понаблюдает бы за ними какое-то время, понял бы это.

Линли кивнул. Большую часть этих сведений он уже слышал от Ло Бьянко; но Томас также видел, что еще один рассказ Анжелины давал надежду ей самой.

Ло Бьянко терпеливо выслушал все это по второму разу. Когда она закончила, он спросил у Линли: «*Con permesso?*»¹⁵¹ – и наклонился к женщине, чтобы задать несколько своих вопросов на не очень уверенном английском.

– Я спросить вопрос, который не спрашивать перед этим. Как Хадия относилась к синьору Мура? Все это время вдалеке от папа. Как она вести себя с вашим любовником?

– Прекрасно, – ответила Анжелина. – Она любит Лоренцо.

– Вы быть уверены? – уточнил Ло Бьянко.

– Ну конечно, я уверена, – ответила Анжелина. – Уверенность... Это была одна из причин... – Она посмотрела на Линли, а потом перевела взгляд на Ло Бьянко. – Именно по этой причине моя сестра писала электронные письма. Я думала, что если Хадия получит весточку от Хари, если она сначала подумает, что в Италии мы просто в гостях, если с течением времени она смирится с тем, что ее отец за ней не приедет...

– Электронные письма? – уточнил Линли.

Ло Бьянко быстро объяснил на итальянском, что сестра Анжелины посылала письма как будто от имени отца девочки. В этих письмах он обещал приехать, но обещания свои постоянно нарушал.

– Сестра, что, получила каким-то образом доступ к его электронному адресу? – поинтересовался Линли.

– Она создала новый, через своего приятеля в Университетском колледже, – объяснила Анжелина. – Я говорила, что надо писать, а она писала. – Женщина повернулась к Ло Бьянко. – Поэтому у Хадии не было причин не любить Лоренцо или думать, что он может встать между ней и отцом, и тогда это полностью изменит ее жизнь. Об этом я позаботилась.

– Все равно, возможно... Возможно, дочь и синьор Мура... – Было видно, что Сальваторе ищет подходящее слово.

– Не ладили, – подсказал Линли. – Они могли не ладить.

– Ничего подобного не было, – сказала Анжелина, – и нет.

– А синьор Мура? Ему Хадия нравилась?

Рот Анжелины приоткрылся. Если бы она могла побледнеть еще больше, она бы побледнела. Линли видел, как женщина сначала осознает вопрос старшего инспектора, а затем делает из него выводы.

– Ренцо любит Хадия. Он не сделал бы ничего, что причинило бы ей вред, если вы об этом думаете. Все, что он делал, все, что делала я, *было только* ради Хадии. Я хотела вернуть ее. Я была так несчастна. Я ушла от Хари, чтобы жить здесь с Ренцо, но я не могла без Хадии.

¹⁵¹ С вашего разрешения (итал.).

Поэтому я вернулась к Хари на несколько месяцев и все ждала и ждала, и Лоренцо ждал, и все это было из-за Хадии и ради нее. Так что вы не смеете говорить, что Лоренцо...

Ло Бьянко пощелкал языком. Линли пытался осознать рассказ Анжелины. Казалось, она сплела вполне впечатляющую паутину из обмана, чтобы обеспечить свою новую жизнь в Италии. Это вызвало у него интерес к одному прошлому факту, который мог иметь далеко идущие последствия в настоящем и будущем.

– Когда и как вы познакомились с синьором Мура? – спросил он.

Они встретились в Лондоне, объяснила Анжелина. У нее не было зонтика, а начался сильный дождь, и она забежала в «Старбакс», чтобы переждать ливень.

В этот момент Ло Бьянко издал недовольный звук, и Линли с удивлением посмотрел на него. Оказывается, недовольство старшего инспектора вызвал «Старбакс», а не тот факт, что Анжелина встретила там кого-то.

Кафе было полным-полно, так как идея попить кофе в непогоду многим пришла в голову. Анжелина купила капучино и пила его стоя у окна, когда в кафе вошел Лоренцо все с той же целью – укрыться от дождя. Они разболтались, как это иногда случается. Он приехал в Лондон на три дня, и погода сводила его с ума. В это время в Тоскане тепло и солнечно, объяснил он. Цветут цветы... вы должны приехать в Тоскану и убедиться сами.

Анжелина увидела, что он незаметно посмотрел, есть ли у нее обручальное кольцо на пальце, как это делают обычно неженатые люди, и сделала то же самое. Она не рассказала ему об Ажаре, о Хадии или о... о всяких других вещах. В конце их разговора, когда дождь уже прекратился, он протянул ей свою карточку и сказал, что она обязательно должна приехать в Тоскану, а когда приедет, должна обязательно позвонить ему, и он покажет ей все ее красоты. И она так и поступила в конце концов. После ссоры с Хари... после очередной ссоры с Хари, после обычной ночной ссоры с Хари, когда слова говорят свистящим шепотом, чтобы Хадия не узнала, что между мамой и папой не все гладко...

– Другие вещи? – спросил Линли после окончания ее рассказа. Периферическим зрением он заметил, что Ло Бьянко одобрительно кивнул.

– Что? – переспросила она.

– Вы сказали, что во время той, первой, встречи вы не сказали синьору Муре об Ажаре, Хадии и других вещах. Что это были за вещи?

Было очевидно, что Анжелина не хочет продолжать; ее взгляд опустился на стол и на компьютерные распечатки, лежащие на нем. Она пыталась притвориться, что не понимает вопрос Линли.

Инспектор сказал:

– Вы должны понять, что для нас важна каждая деталь.

Он замолчал. Ло Бьянко тоже сидел молча. Вода капала в колоссальную кухонную раковину, громко тикали часы.

Наконец она заговорила:

– В тот раз я не сказала Лоренцо о своем любовнике.

Ло Бьянко чуть слышно присвистнул. Линли посмотрел на него. *Le donne, le donne, le cose che fanno*¹⁵², говорило выражение его лица.

– Вы имеете в виду другого мужчину? – уточнил Линли. – Не Ажара?

– Да, – ответила она. – Это один из учителей в школе танцев, куда я ходила в Лондоне. Хореограф и преподаватель. К тому времени, как я встретила с Лоренцо Мурой, этот человек был моим любовником в течение уже нескольких лет. Когда я ушла от Ажара к Лоренцо, то также оставила и этого мужчину.

– Как его зовут? – спросил Томас.

¹⁵² Женщины, женщины, что же вы вытворяете (итал.).

– Он живет в Лондоне, инспектор Линли. Он не итальянец, не знает Италии. Не знает, где я. Я просто... Я должна была ему сказать. Должна была с ним как-то объясниться. Но я просто перестала с ним встречаться.

– Но это не могло предотвратить его попыток найти вас, – заметил Линли. – После нескольких лет любовных отношений...

– Это было несерьезно, – нервно заметила Анжелина. – Просто весело. Необычно, свежо. Мы никогда не планировали быть вместе постоянно.

– Вы не планировали, – повторил Ло Бьянко. – *Ma forse*¹⁵³... – Это было возможно. В голове ее любовника могли бродить совсем другие мысли. – Он был женат?

– Да. Поэтому он не хотел, чтобы я оставалась в его жизни навечно, и когда я оставила его...

– Это может быть совсем по-другому, – объяснил ей Ло Бьянко. – Есть мужчины, для которых брак ничего не значит.

– Мне действительно нужно его имя, – настойчиво повторил Линли. – Старший инспектор прав. Хотя ваш бывший любовник может быть абсолютно не связан с тем, что произошло здесь, в Италии, тот факт, что он был в вашей жизни, требует, чтобы его проверили и исключили из числа подозреваемых. Если он все еще в Лондоне, Барбара может этим заняться. Но это необходимо.

– Эстебан Кастро, – наконец произнесла Анжелина.

– Он испанец?

– Он из Мехико. Его жена англичанка. Тоже танцовщица.

– Вы и...

Ло Бьянко подыскивал слово, но Линли понимал, куда он клонит, поэтому вмешался:

– Вы и с ней были знакомы?

Анжелина опустила глаза.

– Она была моей подругой.

Прежде чем Ло Бьянко или Линли смогли прокомментировать ее слова или задать новые вопросы, приехал Лоренцо Мура. Он вошел так же, как и они – через дверь в цокольном этаже, которая привела его по длинному коридору в кухню. Бросил свою спортивную сумку на плиточный пол, подошел к столу и, поцеловав Анжелину, поинтересовался, что происходит. Очевидно, Лоренцо сразу почувствовал напряженную атмосферу в комнате.

– *Che cos'è successo?* – потребовал он.

Ни один из детективов не заговорил. Линли считал, что Анжелина сама должна рассказать – или не рассказать – своему нынешнему любовнику, что они обсуждали.

– Лоренцо знает про Эстебана Кастро, – сказала женщина. – У нас нет секретов друг от друга.

В этом Линли сильно сомневался. У всех есть секреты. Он решил, что Анжелина сама загнала себя в ситуацию, в которой сейчас находилась: в ситуацию матери, у которой украли ребенка.

– А Таймулла Ажар?

– А что Хари?

– Ну, иногда люди делятся всем друг с другом, – объяснил детектив. – Таймулла знал об этом вашем любовнике?

– Пожалуйста, только не говорите об этом Хари.

Лоренцо с криком вытащил стул из-под стола, уселся на него, взял стакан и налил себе вина. Без раздумий опрокинул стакан, затем взял сыр, отрезал себе хлеба и с яростью спросил:

¹⁵³ Но, возможно... (итал.)

– Почему ты защищаешь этого человека?

– Потому, что я и так подложила бомбу под его жизнь. Этого *достаточно*. Не хочу больше делать ему больно.

– *Merda*¹⁵⁴, – Лоренцо покачал головой. – Я не понимаю этой... бережности, с которой ты относишься к нему.

– У нас общий ребенок, – сказала Анжелина. – Общие дети многое меняют. Это жизнь.

– *Così dici*¹⁵⁵.

На этот раз голос Муры звучал заметно мягче. Но все равно было видно, что Лоренцо так и не понял связь между совместным ребенком и нежеланием Анжелины причинять боль Ажару. «А может быть, он и прав, – подумал Линли. – Может быть, если бы Ажар вовремя развелся, жизнь сложилась бы совсем по-другому для Анжелины Упман. И, может быть, Лоренцо Мура догадывался об этом. Не важно, что было сейчас и что будет в будущем, но связь между Анжелиной Упман и пакистанцем всегда была и будет. И Муре придется с этим смириться».

¹⁵⁴ Дерьмо (итал.).

¹⁵⁵ Это ты так считаешь (итал.).

Лукка, Тоскана

В тот вечер Сальваторе забрался на крышу башни позже, чем обычно. У мамочки произошло сегодня то, что она считала стычкой, в *macelleria*¹⁵⁶, когда она делала покупки для сегодняшнего обеда. И эта стычка, произошедшая, по-видимому, с иностранкой, которая совершенно не понимала, почему она должна выражать уважение матери Сальваторе, так же как это делали все в силу ее возраста – когда та входила в магазин, все расступались, – должна была быть всесторонне обсуждена.

– *Si, si*, – поддакивал Сальваторе, выслушивая все жалобы об ужасах мамочкиного дня.

Наконец он покачал головой и принял достаточно возмущенный вид. Затем, воспользовавшись первой же возможностью, взобрался на крышу, чтобы насладиться своим *caffè corretto*, видом тихого вечера, спускающегося на его город и на его жителей, совершающих свой ежедневный *passeggiata*¹⁵⁷, держась за руки, а больше всего – насладиться тишиной, спустившейся на город.

Однако тишиной наслаждаться получилось недолго. Ее нарушил звонок мобильного. Сальваторе вынул телефон, увидел, кто звонит, и выругался. Если его опять пригласят в Баргу, он откажется.

– Итак, – среагировал *magistrato* на «*pronto*» Сальваторе, – *mi dica, Topo*¹⁵⁸.

Тот знал, что хочет услышать Фануччи: все, что касалось этого английского детектива. Он рассказал прокурору то, что, по его мнению, могло его удовлетворить. Старший инспектор также добавил интригующие подробности о новом любовнике синьоры Упман – Эстебане Кастро. «Ей нравились или иностранцы, или вообще все парни с горячей кровью», – сказал он Фануччи.

– *Puttana*, – именно так охарактеризовал ее прокурор.

Времена изменились, хотел сказать Сальваторе. Женщины теперь не обязательно считались развратными, если у них были любовники. Но правда состояла в том, что скажи он такое Фануччи, это вызвало бы очередной приступ гнева. Потому что тот не верил, что в нынешнее время женщине позволялось иметь более одного любовника, была она замужем или нет. То, что у Анжелины Упман вошло, по-видимому, в привычку иметь нескольких, было еще одним кусочком интересной информации о ней. Сальваторе не имел ничего против того, чтобы поделиться этой информацией с Фануччи, потому что это позволяло ему увести разговор в сторону от Микеланджело Ди Массимо с его солнечной шевелюрой.

¹⁵⁶ Мясная лавка (итал.).

¹⁵⁷ Променады (итал.).

¹⁵⁸ Рассказывай, мышонок (итал.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.